

Магомед Бисавалиев

Тайная
тетрадь

Магомед Бисавалиев

Тайная тетрадь

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70495051
SelfPub; 2024*

Аннотация

САЛАМ, ЧИТАТЕЛЬ! Книга, которую ты читаешь – не только плод моего воображения, сплав ностальгии, детских воспоминаний и острой тоски по любимым и ушедшим. Может быть, она так и начиналась, но с каждой написанной главой я все яснее чувствовал, как сквозь строчки прорывается мир моего Джурмута с его людьми и шайтанами, орлами и кавтарами, джинами и животными. Поэтому я не вижу надобности сохранять хронологию событий и выстраивать четкую структуру с логической связью между повествованиями. И ты, читатель, не смог бы. Собеседники у меня были самые разные, а главный среди них – Исмаил из аула Салда общества Джурмут, мой ныне покойный отец. Его памяти и посвящаю я эту книгу. Но был еще один собеседник. Тот, чей голос я со временем научился различать среди всех прочих. Именно он заставлял меня размещать рассказ в рассказе, а тот еще в одном и всюду говорить от первого лица, из-за чего порой тяжело разобрать, кто тут рассказчик и чья звучит история. С уважением, автор.

Содержание

Магомед Бисавалиев

Тайная тетрадь

Салам, читатель!

Так уж сложилось, что мы тут встретились. Ты не поверишь, я не планировал эту встречу, но судьбе было так угодно. Что ж, буду откровенным. Книга, которую ты держишь в руках – не только плод моего воображения, сплав ностальгии, детских воспоминаний и острой тоски по любимым и ушедшим. Может быть, она так и начиналась, но с каждой написанной главой я все яснее чувствовал, как сквозь строчки прорывается мир моего Джурмута с его людьми и шайтанами, орлами и кавтарами, джинами и животными. Поэтому я не вижу надобности сохранять хронологию событий и выстраивать четкую структуру с логической связью между повествованиями. Какая может быть четкая линия и логика там, где люди и джины творят, что хотят? Я не могу их призвать к порядку. И ты, читатель, не смог бы. Собеседники у меня были самые разные, а главный среди них – Исмаил из аула Салда общества Джурмут, мой ныне покойный отец. Его памяти и посвящаю я эту книгу. Но был еще один собеседник. Тот, чей голос я со временем научился различать среди всех прочих. Именно он заставлял меня размещать рассказ в рассказе, а тот еще в одном и всюду говорить от первого лица, из-за чего порой тяжес-

ло разобрать, кто тут рассказчик и чья звучит история. Этот собеседник – сам Древний Джурмут, это он через нас всех, через моего отца, тетю, моих старших сестер, через моих родных, знакомых и через меня самого рассказывает о себе. Потому что как бы далеко мы ни уехали, увозим его с собой. Где бы ни жили, останемся его частью. В наших жилах течет общая кровь. Для себя, для близких и для тех, кто способен слышать голос этой крови, я и написал эту книгу.

С уважением, автор.

Детство

Первая печаль и знакомство со смертью

...До школы, в раннем детстве я рос счастливым мальчиком. Отец меня баловал как младшего – только я в семье мог возразить ему. Была сплошная радость, я и не знал иной жизни, кроме той, где улыбки, подарки, похвалы и слова о том, какой я замечательный мальчик. А затем у меня появился младший брат, он был очень подвижным, беспокойным мальчиком. Помню, как я играл с ним, когда он был в колыбели, как мы радовались, когда он начал делать первые шаги, ходить, выговаривать первые слова.

Потом случился несчастный случай. Мама пошла по вызову скорой медпомощи в другой аул, а его оставила с сестрой-школьницей. Та на мгновение отвлеклась, двухлетний мальчик дёрнул за шнур кипящий чайник и опрокинул на себя. Его ожоги долго лечили. Помню, мама всё время делала

ему уколы. Он плакал. Я маму уговаривал не делать, мол, ему больно. Мне объясняли, что ему ещё больнее будет, если не делать. Как я понимаю сейчас, ему никак не могли сбить температуру.

Была зима. В одну из ночей братишка, не умолкая, плакал; мама, не покидавшая его ни на минуту, никак не могла его успокоить. Отца не было дома, кажется, уехал то ли в город, то ли в райцентр по служебным делам. Я проснулся от плача, из-под одеяла смотрел, как мама ласкала братишку, произносила разные добрые слова, чтобы его успокоить. Через мгновение голос мамы пропал, а плач усилился. Вижу, мама головой уткнулась в брата и тихонько плачет, чтобы мы не слышали.

Почему-то я боялся шевельнуться и думал, что мама ещё сильнее заплачет, если увидит, что я не сплю. Не помню, как я заснул, помню только, что, когда проснулся, в доме никого не было. Братья и сёстры куда-то вышли, мама, наверное, возилась со скотиной, только братик в углу комнаты на небольшой тахте лежит. Я подошёл. Вместо красивого, с большими чёрными глазами братика я увидел другого ребёнка. Впалые глаза, от круглых щёчек ничего не осталось, губы ссохлись как у старичка, и на них желтоватый налёт. Он не плакал. Только часто-часто дышал, и в груди у него что-то хрипело.

К вечеру вернулся отец. Они с матерью что-то долго обсуждали тихими голосами. Света не было. Помню почти раскалённую печь, тёплую комнату и отца с мамой, сидя-

щих над больным ребёнком. Тени прыгали, искажая их лица, то превращали в маску страдания, то растягивали в страшном нечеловеческом смехе.

Когда я проснулся, комната была полна народа. Все что-то говорили, иногда перебивали друг друга, хотя и не ссорились. Я не мог разобрать ни одного слова, слышал только гул чужих голосов. Отца и мамы не было в комнате. И тахта, где обычно лежал больной братик, была прибрана.

Во дворе нашего дома отец и ещё один мужик резали козла с большими рогами сероватого цвета. Их лица были мрачные. Чуть дальше от них пылал костёр, и двое мужчин прилаживали над огнём большую кастрюлю. Вместе со сверстниками я бегал вокруг костра – мы все были голодны, хотели мяса и ждали, когда же сварится. Но полной радости у меня не было. Беспокоили две мысли: почему брата нет там, где он всегда лежал, и где мама?

Через какое-то время в наш дом направилась группа мужчин. Они вошли, и почти сразу в доме, где только что было настолько тихо, что он казался пустым, забормотали – всё громче и громче, потом заплакали; кто-то вдруг забился, закричал, будто хотел расшатать стены. Вскоре дверь снова открылась, и из дома вышли мужчины. У них были лица людей, которые страшно хотят сейчас оказаться совсем в другом месте. В проёме распахнутой двери я увидел маму. За плечи и за руки её удерживали несколько женщин, уговаривая вернуться в дом, а она рвалась вслед за мужчинами, быстрыми

ми шагами удалявшимися по узкой аульской улочке. Кто-то из мужчин остановился и, обернувшись, прикрикнул на женщин. Только тогда я рассмотрел: впереди шёл отец и в руках у него было что-то, завёрнутое в жёлтое одеяло.

Детвора побежала по улице за мужчинами, женщины увели в дом мою плачущую маму. А я стоял посреди пустой улицы и не знал: за детьми бежать или к маме идти. Не пошёл ни к кому. Побежал в сарайчик соседей, сел на бревно и заплакал навзрыд. Я плакал обо всём сразу. О маме, которая так громко кричала. О том страшном, что увидел в лице отца, утром резавшего козла. О козле, который хрипел и бился в его руках. И о себе, маленьком, ничего не понимающем, но чувствующем: случилась беда.

Долго я сидел и плакал в том сарае. Руки замёрзли, ноги замёрзли. Меня никто не искал. Да никто и не видел, куда я пошёл.

Дальше помню урывками. Старую женщину рядом с собой. Как она за руку ведёт меня домой. Наш дом, где много людей и вся сельская детвора сидит на полу, жуёт хлеб с мясом. Ещё одну женщину в чёрном, она большим черпаком наливала детям горячий бульон. Другую комнату, где за столом сидят мужчины и отец с ними.

Я никак не мог понять: почему, когда моя мама плачет, весь аул у нас кушает, а дети радуются и шумят? Меня посадили в углу, налили бульон и дали хлеб. Я был очень голоден, точнее, должен был быть голоден, но еда утратила вкус.

Я вяло жевал хлеб, когда меня позвали к маме. В полутёмной комнате сидели, как мне показалось, все женщины аула. Мама молча встала мне навстречу, обняла, посадила возле себя. Она с большим трудом сдерживала слёзы:

– Ты покушал?

– Да... А наш Эльдар где? – начал я, но замолчал, посмотрел на маму, и мы вместе заплакали.

Заплакали и женщины. Там, в тёплой комнате, я и заснул возле мамы. На следующее утро первым делом побежал посмотреть на тахту, где лежал больной брат. Там было убрано. Во дворе девочка лет восьми сказала мне:

– Ваш Эльдар умер... его похоронили... твой папа его похоронил... вон там он... – она указала пальцем в сторону кладбища...

Первые воспоминания

Самое раннее воспоминание детства – это день, когда отец купил новый холодильник. Ясно помню, как я ходил вокруг него. Мне было очень любопытно. Особенно удивило, когда загорелась лампочка внутри. Полочек не было, их сняли, когда холодильник несли домой, чтобы они не попадали. Я был очень рад, в холодильнике горел свет, я забрался внутрь, и отец сказал, что это мой дом. И вдруг дверь закрылась. Свет потух. Я оказался в полной темноте. Мои слабые детские ручки, как могли, толкали дверцу, но она не открывалась. Я плакал, бился, кричал, но и голос мой

был пленником, как и я, даже его не выпускала проклятая дверь! А потом она вдруг отворилась, я выпал, мой крик вырвался наружу и мгновенно заполнил весь дом, каждую его комнату, каждый закуток. Вбежала бледная мама, кинулась ко мне. Как оказалось, старшему брату надоело слышать, что это мой дом, он закрыл дверцу и держал. Сиди, мол, там, если твой. За что получил от мамы прутком по спине.

Ещё помню, как маленький я пошёл на каток. Был большой снег и блестящий каток изо льда, я с трудом ходил по нему и падал всё время. Сестра забрала домой, посадила меня у печи и дала горячую печёную картофелину. Мама пришла и схватила тёплыми ладонями мои замёрзшие щёчки, накричала за то, что долго был на улице, и уложила спать. Старшая сестра легла рядом со мной, укрыла нас одеялом с головой и там, в темноте, чужим хриплым голосом запела песенку старого медведя на джурмутском диалекте аварского языка:

*Дун хIерлъила, хIаликълъила,
Рас хIулила, са бихъала,
Гъубил къомоб – басанлаб къо,
Салибаза – чихIарлаб къо,
Гесенал жал – чIамулеб къо,
ЧахIаял жал – хъамулеб къо
Айла, майла мигIил гIоооор...*

В переводе на русский это звучит примерно так:
Постарел я, стал немощным,

*Волосы выпали, да и клыки поредели,
Был день танца на крыше мельницы,
Вырывал из земли корни деревьев.
Мелкую живность грыз разом,
Крупную забирал к себе в берлогу.
Да протекут ныне реки слёз,
И нет возвращения молодости...*

Сестра пела во мраке эту песню, пела низким чужим голосом, а перед моими глазами мелькали картины: мельница, лес, старый медведь, я сам оказывался в каком-то загадочном мире и начинал бояться под одеялом. И, когда страха становилось уже очень много, сестра громко выкрикивала припев «айла, майла мигИл гЮ-о-ор» и сбрасывала одеяло. Радовался бесконечно, что спасся от медведя, от этих страшных картин, что увидел свет. И вот засыпаю я после песенки сестры и вижу во сне себя в тёмном лесу. Иду я по узкой тропе, а ей конца нет. Вдруг появляется старый медведь с высушенным языком и идёт ко мне. Я убегаю и прячусь под деревом, чтобы не заметил, а он подбирается всё ближе и ближе. Я делаю вид, что сплю, медведь всё подходит, я чувствую его ворчание и дыхание... и тут медведь наклонился и коснулся языком моего лица...

«Он весь вспотел! Говорила я вам не выпускать его на улицу?», – ругает мама домашних. Она вытирает мне лицо, а я всё не могу разобрать, мама это или я в объятиях медведя до сих пор. Обрадовался, когда понял, что всё же мама, хотя

она, когда наказывала за баловство и сердилась, сама становилась, как медведь. Я её так и называл. Отец и домашние смеялись, сама мама тоже принимала это вполне нормально, видимо, нравилась ей такая роль в семье. Так и рос в ауле со своими радостями, печальями и надеждами. И со своими страхами, конечно. Природа их могла быть разной, но первое, что они делали со мной – отсекали от всего родного и знакомого, будто в мире остался только я и не от кого ждать спасения. Когда с плоской крыши перед отцовским домом смотрел на вершины дальних гор, мне казалось, что за той вот горой всё обрывается в бездну и там кончается мир. Это пугало. Это было трудно уложить в голове. В мире всё должно было быть предельно ясно. Медведи – в лесу, волки и туры – в горах, лиса – где-то в норе. Были ещё кавтары. Говорили, что иногда вечером возле фермы раздаётся плач, переходящий в истеричный смех, а потом обратно в плач. И что именно такие голоса бывают у кавтаров.

Больше всего я боялся, и дрожь по телу проходила, когда рассказывали, как кавтары убивают своих жертв.

– Ты знаешь, как кавтар убивает? – сказал однажды старший брат. – Они, как волки и медведи, не грызут. Они ловят человека и начинают щекотать живот, ты смеёшься и смеёшься и не можешь остановиться. В это время кавтар смотрит тебе в глаза и смеётся сам тоже. Твой смех глушит смех кавтара. Вот так смеются, потом от смеха задыхаются и умирают люди, попавшие в руки кавтара. И, когда их находят,

все они бывают с улыбающимися лицами.

Как я в школу пошёл

Была осень 1979 года. Я пошёл в подготовительный класс Салдинской начальной школы. С раннего утра мама меня купала, надела на меня молочного цвета рубашку и лёгкий, из тонкой ткани пиджак с вышитым на нагрудном кармане значком октябрёнка с портретом юного Володи Ульянова. Дала тетрадку с ручкой и отправила в школу.

Был яркий солнечный день, и каждый встречный односельчанин шутками, смехом провожал меня. Я сел за первую парту, хотел стать отличником, мотивация была серьёзная.

Оказалось, непросто это, и не получилось – ужасно рисовал и математику не любил.

В классе у нас было шесть мальчиков и четыре девочки. Преподавать к нам в подкласс пришёл мужчина средних лет, он играл на зурне во время сельских свадеб и других торжеств. Я удивился, когда увидел его в роли учителя; кажется, и сам он ещё месяц назад не представлял такого поворота. Но к сентябрю выяснилось, что учителей не хватает, и он стал преподавать нашему классу.

Он следил, чтобы мы правильно сидели за партой, учил, как класть руки на стол, объяснял, что нельзя толкаться, разговаривать, шуметь, что надо внимательно слушать его. Он был добрый и хороший человек, и учитель, кажется, неплохой был – с юмором, мог детей расположить к себе. Но я с трудом понимал, что он говорил. Говорил он на авар-

ском, но не на том, на котором мы в селе разговаривали, а на книжном, литературном аварском.

Книжный аварский я слышал от нескольких женщин, которые привозили на ишаках в аул женскую одежду на продажу, и дома на пластинке песни были на этом языке. Слушал песни, подпевал, но смысла не понимал. Русская речь не звучала у нас в горах, разве что по радио; правда, слышал я однажды, как отец говорил на русском с одним геологом и туристами, которые направлялись в Грузию. Телевизор тогда в горах не работал. Детских садиков тоже не было. Вот с таким багажом знаний начали мы изучение «великого и могучего» со слов: мама, хлеб, Родина, река, медведь и т. д.

Прошло два месяца, и нам на дом задали выучить целых два куплета стихотворения на русском. Выучу с большим трудом одну строчку и тут же забываю, мучаюсь с этим проклятым стихом. А ещё слова отца крепко в голове засели: «Ты должен учиться отлично!». Больше всего переживаю за это, не хочу его разочаровать. Время бежит, а я не могу выучить и одной строчки. Старший брат, ученик восьмого класса, прочитал один раз и наизусть рассказывает. Просит меня повторить за ним. Не получается – забываю. Он, насмехаясь, называет меня тупицей. Я плачу и скандалю с ним.

Заходит отец, я заплаканный с потрёпанной книжкой сижу у печки. Он подозвал меня к себе. Лёг на кровать, поправил подушку для себя, потом поднял меня, уложил рядом и спросил: «Что у тебя тут?» Я закрыл книжку, замолчал, от-

вёл глаза от стыда, тихонько заплакал. Подошёл брат и рассказал, что не получается у меня со стихом. Отец взял книгу, открыл на моём стихотворении и начал спрашивать смысл слов, их перевод. Выяснилось, что я не понимаю смысла ни одного слова. Он перевёл каждое слово, показал девочонку с книжкой на иллюстрации и объяснил, в чём смысл этого стиха.

Через полчаса я всё запомнил, этот стих я не могу забыть уже лет сорок:

*«... Я спрятала куклу,
Играть не хочу.
Не буду играть –
Я буквы учу!
Из букв я сама
Составляю слова.
Сама прочитала:
«Трава и дрова.
Дрова на дворе
Трава на лугу».
Теперь, как большая,
Читать я могу...»*

Гениальное стихотворение! Пришёл на урок, учитель спросил: «Кто выучил стихотворение?» В классе молчание, я неуверенно поднял руку. Вышел и рассказал. Журнач в шоке, дети в недоумении от моего непрерывного русского, продолжительностью аж в целых три куплета. Получил первую

пятёрку и сел за парту.

Прошла первая четверть учебного года. Мама поехала в райцентр отчёты сдавать, она работала заведующей фельдшерским пунктом. Отец тоже в отъезде. Учитель дал табель успеваемости и отправил на подпись к родителям. А у меня тройка по чистописанию (была такая дисциплина). Дал старшей сестре на подпись. Она посмотрела и швырнула табель в лицо: «Я троечникам подписи не ставлю...».

Поругался с ней и не знаю, что делать. Утром учитель потребует табель, а там нет подписи. Решил сам сделать подпись сестры, написал ужасным, корявым почерком «Зухра» и пошёл в школу. Учитель сразу узнал почерк на троечку по чистописанию, поругал, что это государственный документ, и пару раз дал указкой по голове. Дети одни злорадствовали, другие жалели юного преступника. Теперь я боялся, что зурнач расскажет это отцу. К счастью, он оказался благородным человеком, не рассказал.

Медвежьи «узлы»,

ночной выстрел и пир в Джурмуте

Я был под сильным впечатлением от рассказов и разного рода страшилок про кавтаров. Ещё брат напугал описанием, как кавтар убивает человека...

Была зима 1977 года. В том году весь Джурмут был в заложниках другого гостя, который, в отличие от джиннов

и шайтанов, наносил серьёзные убытки джамаатам.

Однажды утром брат пришёл и говорит, что ночью медведь залез в наш сарай, одну овцу ранил, другую утащил с собой. Был такой медведь-шатун, который не залёг в зимнюю спячку, а ходил по аулам ночью и забирал овец. Все попытки выследить и настигнуть его были безуспешны – он исчезал. Медведь был очень хитёр и коварен – забирал овец именно из того аула, где не охраняли сарай в ту ночь.

Что только ни придумывали джурмутовцы, чтобы избавиться от него. Один додумался повесить коровью ляжку с капсюлем внутри, с капсюлем, которым взрывают скалы и твёрдый грунт. По замыслу охотника, капсюль должен был попасть под клык и разорвать медведя на куски. Медведь аккуратно съел мясо вместе с капсюлем; видимо, он не попал под клык, и взрыва не произошло. Охотники в очередной раз остались с носом.

Однажды в лунную зимнюю ночь к отцу пришли сельские ребята и сказали, что только что видели, как медведь перед аулом перешёл речку и куда-то направляется. Отец прямо со двора выстрелил наугад и так и не понял: попал или нет. А медведь потерялся в кустарнике возле речки. На следующее утро весь аул собрался вокруг убитого медведя. Там были стар и млад из нашего аула и пострадавшие от медведя из соседних. Выстрел оказался роковым для неуловимого шатуна. Прямо в голову. Один шутник по этому поводу сказал, что не мог Исмаил попасть в медведя с такого рас-

стояния, скорее, медведь сам напал на пулю. В то утро у меня походка изменилась – я был безгранично горд за отца, который убил медведя одним выстрелом. Я не уставал рассказывать детям, какой меткий стрелок и храбрец мой отец. По обычаю Джурмута, шкуру забирает стрелок, мясо раздают всем причастным, а потом и всем желающим, если что-то останется. Ни одного куска мяса медведя джурмутовцы не оставили, всё разобрали люди, чтобы съесть его.

Для людей, скучающих долгими зимними вечерами, это было событием из ряда вон выходящим, праздник и пир на весь мир! Самое яркое – это «Си бугьи». Своего рода презентация добычи или трофея – как хотите. Медвежью голову насаживают на кол. Здоровый, крепкий молодой человек держит на плече кол с медвежьей головой мордой вперёд и идёт по аулу в окружении большой свиты, с ритуальным танцем и песней. Слева от него идёт другой джигит – с медвежьей шкурой и лапами на колу. Справа – сам охотник и его окружение. Мужчины хором перед каждой саклей поют:

*Можер гIака чIвараб гьаб,
Можер хIама чIвараб гьаб,
Можер чахъу чIвараб гьаб,
Можер цIини чIвараб гьаб,
Жекъа гьаб жибгу чIвайла
Муж чIвази щолу боъли.
Аб чIварав бахIарчиги
Нежеа кьоров вугу...*

О чём же песенка? Даю подстрочный перевод:

Вашу корову убил,

Вашего осла убил,

Вашу овцу он убил,

Ваших коз тоже убил,

Сегодня он сам убит,

Чтобы не шёл он на тебя.

А охотник – молодец –

В гостях сегодня у вас.

Выходит из дома хозяин, благодарит стрелка, поздравляет с успехом и даёт что-нибудь человеку с рюкзаком, который собирает подарки. Чаще всего это были чача кахетинская, сушёное мясо или колбаса; были случаи, когда давали деньги. Затем хозяин сакли и сам присоединялся к толпе, чтобы продолжить шествие в свите победителя. Когда обход всех хозяйств аула был завершён, толпа собиралась в доме охотника, где продолжалось веселье. Это было одно из самых ярких воспоминаний моего раннего детства.

Для мальчишки, который только начал познавать мир, это всё было продолжением снов и песен, и сказок сестры, и легенд, которые рассказывали старшие. Вот ходит по аулу медведь – огромный, косматый, опасный – и забирает барашков. Его убивают, и убивает не посторонний человек, а родной отец, который тут же сам будто бы входит в легенды. Я страшно гордился тем, что победил медведя мой отец. А если бы на его месте был кто-то другой, я легко доказал бы

случайность выстрела и то, что мой отец лучше убил бы, чем тот.

Таковы дети в аулах, но какие они бывают здесь, в городе, никак не могу разобраться, хотя сам уже давно отец троих детей.

Дуа Маарухъ гимищ бехъри?

(Видел ли ты в горах буйвола?)

Когда мой дедушка по матери Абдурахимил Мухама из аула Чорода умер, я был маленький. Всего 10 лет от роду. Помню, как он осенью спускался с гор к Джурмуту с отарой овец, помню его голос, его молитвы, лучше всего помню, как собирались у него односельчане, чтобы слушать его рассказы о былых временах, снегопадах в горах и походах в Цор, о людях и событиях. Люди говорят, он был очень интересным рассказчиком. Когда он рассказывал о чём-то, слушатели будто видели живую картину событий, словно это происходит здесь и сейчас. Жаль, я мало что запомнил. Когда дедушка был жив, я был слишком маленьким для этих рассказов, когда его не стало, мне их заново пересказали старшие. С трудом смог восстановить две истории. Обе они про то, как словом можно защитить друга и уничтожить врага. Происходило это вот как.

В один пасмурный летний день в дедушкину дверь постучали. На пороге стоял худощавый мужчина средних лет, он спросил на закатальском диалекте:

– Это что за село, куда я попал?

– Это Чорода... Привяжи коня к столбу и заходи, тут разберёмся, – сказал дедушка и позвал гостя к себе. Приезжий был одет легко, да ещё и промок насквозь. Видно, человек пришёл с Цора, не знает горы и здешний климат. Дедушка дал одежду сухую, затопил печь, предложил гостю поесть и предоставил ночлег. Утром гость сказал, что нет ни одного знакомого человека в горах, а сам он прибыл сюда на отдых, подышать горским воздухом.

– Подыши, друг, сколько тебе дышится, воздух найдётся, горы кругом, да и проблем с жильём и едой тоже у нас нет, – сказал дедушка. Был гость у него недельки две, ходил к речке на рыбалку, собирал лекарственные травы и ягоды в лесу, гулял по аулу и знакомился с горцами. Через определённое время дед положил ему в хурджуны овечьего сыра, зарезал козлёнка, дал на дорогу мяса и провёл в Цор. Через несколько лет дедушка направился в тот же Цор, чтобы закупиться на зиму продуктами. Остановился у своего кунака Гъара Халила в Белоканах. Тот очень обрадовался приходу давнего друга, организовал застолье. Все, кто знал дедушку, собрались у Халила и интересовались житьём-бытьём в горах. Когда застолье было в разгаре, зашёл к ним тот самый дедушкин гость из Цора. Звали его Ширин. Он поздоровался со всеми и сел за стол. Дедушка начал интересоваться, как добрался гость до дома, всё ли у него хорошо. Ширин принялся рассказывать, какой у него крепкий дом, красивый

сад и как ему хорошо живётся в Цоре. И тут же продолжил эмоционально:

– Зачем вы там, в горах, живёте? Там нормальные люди не поживут. Плохие дороги, суровый климат, маленькие неудобные дома. Как можно там жить?! Инжир не растёт там, овощей и фруктов нет, глупые люди... – сказал Ширин. Дедушке очень не понравилось, как какой-то каджар, который всего полдня проскакал верхом, потом трое суток не мог ходить по земле, говорит о горах и горцах. Но он промолчал – не хотелось ему нарушать горский этикет, затевать ссору. Когда Ширин повторно о горах нелестно начал отзываться, хозяин дома Халил вмешался в разговор и спросил:

– Ле, Ширин, ты там, в горах, хоть один гимищ (буйвол) видел?

– Нет – ответил Ширин.

– Гусей видел?

– Не бывают там гуси и буйволы, – ответил Ширин.

– Правильно, буйвол на первой же тропинке споткнётся, свалится с кручи и умрёт, гусь не сможет ходить, задохнётся и сдохнет. Это не их место. Они бывают тут, внизу, кувыркаются в грязи и едят, что подают. Там живут горные туры, которые свободно скачут по отвесным скалам и смотрят на мир со снежных вершин. А в небе парят гордые орлы и питаются кровью и свежим мясом. Они живут мало, но свободной и достойной жизнью. Ты зря туда пошёл, это не твоё место, ты живи тут с буйволами и гусями и не берись оценивать

жизнь орлов, туров и людей, проживающих там достойную жизнь, – сказал Халил. Ширин замолк, а дедушка безгранично обрадовался мудрому и остроумному ответу своего кунака.

После этого у нас в Джурмуте появилось это выражение. «Дуа маарухъ гимищ бехъри?» («Ты в горах буйвола видел?»). И вопрос этот задаётся, если приезжие с равнины, из городов и Цора начинают плохо говорить о горах. А Ширин из Белоканов после этого всю жизнь приезжал в горы за сыром, мясом или мёдом. Но была у него одна черта: каждое лето себе искал нового кунака или новое село, чтобы остановиться в Джурмуте. А это по обычаям гор не очень хорошо, менять кунака. Да и по цорским обычаям это порицаемо, просто у человека был такой непостоянный характер, простим великодушно, у людей ведь разные пороки. А дедушка часто рассказывал про этот случай. Любил он горы и тех, кто разделял эту его любовь.

Мой дед и вор, который воровал своих овец

Мы с мамой из дома вышли на закате дня. Шли по тонкой заснеженной тропинке пешком в аул Чорода дедушку навестить. Мама шла быстрыми шагами, я с трудом поспевал за ней и чувствовал: её что-то тревожит. Поэтому, наверное, и болтал больше обычного, говорил про нашего быка, который должен весной победить всех сельских бычков, про коня-иноходца, которого отец купил в Камилухе, и как я на нём перешёл через Джурмут. Иногда спотыкался и падал лицом

вниз в сугробы, которые намела метель на дорогах. Мама, кажется, не слушала меня. Если прерывался мой рассказ, оборачивалась, возвращалась, стряхивала с меня снег и шагала дальше. К дому дедушки мы подошли, когда уже стемнело. Мой всегда весёлый и добрый дедушка в лице изменился, он лежал и смотрел в потолок. Видно было: сильные боли не дают ему покоя. Когда я подошёл, он повернулся и, приложив свою горячую ладонь к моей покрасневшей от мороза щёчке, о чём-то спросил. Далее мама взялась за него: делала ему уколы, измеряла давление и всё время сидела возле деда.

Весёлый уютный дом сильно изменился. Бабушка всё время возле печки с едой возилась и рассказывала, как дед ночью не спал и мучился от боли. На стене большие белые часы без стекла тикали неустанно, мне казалось, они никогда раньше так часто и громко не тикали. В комнате деда было тепло. А за окнами стояла тёмная зимняя ночь, и ветер, словно раненый зверь, завывал и свистел сквозь щели веранды. На следующий день дедушку забрали на вертолёт в Махачкалу, говорили, что ему должны операцию сделать. И мама поехала с ним. В отцовском доме в с. Салда стало неуютно без мамы.

Долго не было мамы и деда. Когда уже наступил март, мне сказали, что в Чорода прилетел вертолёт и в нём были мой дед и мама. Радости не было конца, я побежал туда. Дом был полон людьми. Мама обняла меня, дедушка подозвал, посадил возле себя и погладил по голове. Мне показалось, что он

стал другим человеком. Был выбрит, одет в какой-то свитер, который я ранее не видел, и разговаривал серьёзно и без шуток. Рассказывал, как ему сделали в Махачкале операцию, а после отправили в Каякент на восстановление.

– Я хотел вернуться после операции, но доктор сказал, что надо в грязелечебницу. Очень хорошие люди были со мной, много людей пришло навестить, было даже неудобно перед ними. Пришёл с подарками первый секретарь райкома Джаватхан Алиханов вместе с главным «тохтиром». Большой человек, занятый, зачем ему нужен старик из Джурмута? Они меня даже в Россию хотели отправить, где хорошие, дорогие курорты. Я отказался. «С моим русским языком нельзя в Россию», – сказал я им. В Азербайджан или Гуржистан если отправите, там я на уровне больших хакимов знаю языки, а вот с русским у меня очень плохо, не слышал ведь этот язык, кроме как сейчас в больнице.

В Каякенте деда разместили с тремя аварцами его возраста. Назначали им процедуры, воду, лечебную грязь, так и жили тихой санаторной жизнью. Там дед нашёл одного льебелав из нашего района, говорил, очень набожный, порядочный был человек. Однажды вечером после ужина старики сели на лавочки в саду со своими разговорами. К ним подошёл молодой человек, поздоровался на аварском и начал расспрашивать.

– Ты откуда? – спросил он одного старика.

– Я льебелав (тляратинский), – ответил тот.

– Когда был младше и жил в горах, сколько тлебелалских (тляратинских) овец похищали мы! Возле ратлубского моста есть поворот. Когда чабан отару гонит, ему не видно, что там сзади происходит. Он скроется за поворотом, а мы хватаем барашка и под кусты к речке! Никто нас ни разу не поймал, – начал хвастать молодой человек.

Старики-аварцы в полном недоумении молчали.

Тляратинец же сильно разозлился на молодого и начал кричать, что нормальные мужчины чужих барашков не воруют. Дед спокойно наблюдал за их спором, а потом обратился к своему другу.

– Ты почему с ним ругаешься? Он своровал своего барашка, этот барашек не наш.

– Как не наш? Он же говорит, что наши барашки, – возмутился старик.

– Не наш... Это его барашек. Зачем тебе то, что он говорит? Я же знаю, это его барашек. Когда Всевышний Аллах даёт нам ризкьи, среди них бывают и наши овцы, предписанные нам, и не наши. Там есть одна часть для медведя, для волка, для лисы, для шакала, для ворон и прочей живности вплоть до червей, это их удел. Есть также барашки, предназначенные для мелкого воришки, у которого нет имана, чтоб не воровать, и нет мужества, чтобы вырастить себе мясо честным путём, и живёт он на таком трусливом воровстве. Поэтому он делает то, что может делать, на другое он не способен, и это его удел. Не надо спорить с ним, пожа-

лей его. Я в комнате деньги забыл, иначе я ему десять рублей дал бы сейчас. Вдобавок ко всему Аллах ещё умом обделил его, видишь, как он пришёл хвастать этим постыдным для нормального человека поступком. Иди, дорогой, ворувай дальше. Всё, что достанется тебе, оно тебе предопределено Аллахом. Оно твоё, – сказал дед, обратившись к молодому.

Старики начали смеяться, а молодой резко встал, пробубнил что-то под нос и поспешно ушёл. После этого случая зауважали старики деда, все слышали, как старик отчитал глупца, что хвастал своими подвигами.

Вот такие истории о людях, поездках и встречах рассказывал дед своим гостям. Помню, с каким интересом слушали его, как ловили каждое слово. А когда дед один оставался, то молился. У него были длинные с большими камешками чёрные четки, и он не выпускал их из рук, когда читал молитвы и зикру. Иногда подшучивал над бабушкой.

– Эту старуху обделил Аллах, – смеялся дед, – никаких языков не знает. За той речкой начинается мир, где нет ни одного человека, кто бы понял её и кого поняла бы она. А я могу и в Азербайджане, и в Гуржистане с их хункарами говорить!

Домашние смеялись, а бабушка злилась на него и кричала, когда, мол, ты повзрослеешь и будешь серьёзным?

Иногда дед начинал какую-то азербайджанскую песенку тихо для себя напевать: «Дагъустан, дагъ... дагъ.. ерди... Дагъустан... дагъ...», тут же переходил на грустную грузин-

скую песню. Его голос сплетался со стоном вьюги за окном, с потрескиванием дров в очаге, с теплом, волнами, расходящимися от раскалённой печи, с еле слышном журчанием ручейка перед домом.

Весной 1983 года дед снова заболел, были две мучительные бессонные ночи, вызвали из района вертолёт, но погода резко испортилась. Острая боль, терзавшая деда, к вечеру утихла, он лежал спокойный. Когда мама сказала, что погода проясняется, завтра полетим, дед махнул рукой и сказал:

– Поздно. Боль почти прошла, моя воспалённая кишка лопнула, никто и ничто не спасёт теперь... А потом спокойно и детально объяснил плачущим дочерям и жене, как его хоронить.

К утру 7 апреля деда не стало. Он похоронен в горах.

Когда приезжаю в Чорода и подхожу к дедушкиному давно заброшенному дому, мне слышатся те печальные мотивы его грузинских и азербайджанских песен. Будто дед лежит возле окна, ждёт нашего прихода и напевает: «Дагъ-устан... дагъ... дагъ ерди...». Но висячий замок на почерневшей от солнца и дождей двери отнимает надежды. И я, пытаясь скрыть наворачивающиеся слёзы, тороплюсь отдалиться от людей, чтоб не заметили посторонние, не поймут... Его не стало весной 1983 года, похоронен в горах.

Дядя Бисав и Белорусский вокзал

Отцы и дети. Вечная проблема всех времён и народов.

У меня был дядя, брат отца. Бисав звали его тоже. У нас в Джурмуте один он был Бисав, меня этим именем начали называть коллеги в аварской газете, укоротили мою фамилию. Расул Гамзатов и Адалло тоже так называли меня. Так удобно было нам всем.

Мой дядя Бисав всю жизнь чабановал. Когда возвращался на зимовку, садился за книги и целый месяц читал. В основном аварскую прозу, поэзию и школьные учебники истории на русском. Очень любил историю и аварскую поэзию. Он в школе, оказывается, был круглым отличником, «ударником», как их называли при Советах. Его отец, мой дедушка, умер в возрасте 37 лет от малярии и оставил четверых детей. Трех сыновей и дочь. Бисав был самым старшим и после смерти отца ему, «ударнику», пришлось бросить учёбу и со своим дядей Али пойти чабановать, чтобы прокормить семью. Благодаря этому младшие, мой отец и его брат Маламухама, окончили с отличием семилетку в горах и стали первыми из Джурмута, кто уехал учиться в город. Учились они в Изберге, в интернате для горцев. Затем был вуз, русское отделение филфака для отца и биологический факультет для дяди. Стали хорошими авторитетными педагогами в горах, отец всю жизнь работал директором школы, дядя преподавал биологию и географию.

А Бисав, поставив младших на ноги, чабановать не бросил и другой доли не искал. Когда возвращался с гор, у него дома собирались все сельчане. Пили кахетинское, бренчали

на пандуре, пели песни. Он был человеком острым на язык и с отменным чувством юмора. Его все в Джурмуте уважали, любили, в каждом селе у него были кунаки, а его собственный дом всегда был открыт для гостей. Он не умел копить, был щедр до расточительства, совсем не думал о завтрашнем дне. У него было семеро сыновей и одна дочь. Говорят, ещё столько же умерло. Один старик на годекане как-то сказал: «Интересно, Бисав, когда спать ложится, знает ли, все они пришли домой с улицы или нет?». Детей он любил, но никогда не баловал. Когда он весной с отарами возвращался, все сельские дети собирались вокруг него у речки. Дядя Бисав из хурджунов вытаскивал большую коробку конфет, рвал картон, высыпал их на траву и приглашал угощаться. Смотрел и смеялся: «Мне интересно, сколько они смогут съесть».

Дети ели конфеты, бегали к речке воду попить и обратно возвращались. Он был во всём максималистом. Если садился пить, собирал весь аул, и пьянка длилась несколько дней. Когда же пьянка ему надоедала, уходил надолго в горы. И его собственные дети, и мы с братом очень ждали его возвращения. Он приходил, и его голос заполнял дом.

– А ну-ка, что за къямуял (лохмотья)? – говорил дядя и хватал за волосы самого лохматого, самого обросшего из детишек.

– Иди, принеси машинку, – говорил он старшему сыну. Собирал всех своих семерых и ещё пару десятков сельских детей во дворе и начинал стричь. Закончив с очередной

круглой мальчишечьей головой, лёгким шлепком по бритому затылку выпроваживал сопливого клиента и подзывал следующего. После стрижки собирал своих сельских друзей в доме и обмывал с ними сие важное событие, пока не заканчивались все запасы. Однажды мой отец спросил у него:

– Вот ты мой старший брат, тебе советы давать я права не имею, да ты и сам вряд ли их примешь. Но у меня есть один вопрос. У тебя семеро сыновей, двое старших скоро пойдут в армию, ещё пятеро дома. Когда они повзрослеют, нам надо будет им свадьбы сыграть, устроить на работу, но ты никакие запасы не делаешь, как так?

– С моими детьми что я буду делать? – спросил дядя Бисав, неторопливо сворачивая самокрутку. – Есть одна задумка. Когда самому младшему исполнится 17 лет, я их всех возьму с собой и направлюсь на махачкалинский вокзал.

Бисав прикурил, сделал глубокую затяжку и, выдохнув сизый дым, продолжил: – Куплю восемь билетов и со своими сыновьями направлюсь в Москву...

– Зачем в Москву? – спросил отец, который никак не мог уловить ход его мыслей.

– В Москве самый большой железнодорожный вокзал страны, Белорусский вокзал называется. Слезу с поезда, вытаску из своего чемодана большую карту СССР, разверну её на перроне, покажу детям и скажу: «Вот, дети мои, перед вами вся наша необъятная страна, отсюда, с этого вокзала, поезда направляются во все уголки СССР. Купите себе семь

билетов по семи направлениям и ежайте до конечной точки. Найдите себе место под солнцем в том городе, куда доберётесь. Здоровый, полноценный человек, если не сможет себе найти место в такой большой и богатой стране, пусть там же и сдохнет, – сказал дядя Бисав и выкинул окурок в печку.

Незадолго до совершеннолетия младших сыновей дядя Бисав заболел и скоропостижно скончался. Остались его едкие фразы, его шутки и разные весёлые истории из жизни. Осталась и память о нём как о человеке чести, достойном и благородном человеке. К чему я это всё рассказываю? Сегодня сидел в приморском кафе с городскими друзьями. У одного из них зазвонил телефон, судя по всему, звонила жена. Он вышел, чтоб поговорить, и не вернулся за стол. Другой, что планировал с нами посидеть, передумал, сказал, что пойдёт прогуляться у моря и оттуда напрямик домой. У него недавно родился второй сын, и он себя считает многодетным отцом. Остался Махач Магомедов и я. Тут позволили и Махачу.

– Я в городе... температура??? Сколько? Ты ему лекарство давала? Иду, бегу... Щас... Через 20 минут буду...

– Что-то срочное? Что там случилось? – спрашиваю я.

– У сына температура, сейчас самый кризисный возраст, нельзя без внимания оставить, зубы прорезаются, ему скоро два года...

– Что прорезается???

– Зубы... у мальчика зубы... – говорит он мне, задыхаясь.

Вроде бы мужик, аварец, чародинец, как он себя там ещё называет... викинг...

– У всех зубы, у жены зубы, у сына прорезаются зубы, вот у тебя, у этого, который убежал из компании, и у третьего, многодетного, который пошёл подышать на море, нет этих зубов, зубов вам не хватает, это главная проблема наших дней. Иди, а то могут домой не пустить, жалкий человек, – сказал я и дальше молча наблюдал за дрожащим силуэтом, что метался в поисках такси, чуть не угодив под машину.

Я направился по ночному парку к себе домой. «Как всё меняется, куда мы идём, к чему мы придём?», – размышлял я по дороге. Это, наверное, городская культура, а я отсталый человек, пришлый, горец. Они все культурные, скорее, окультуренные жёнами, разница в том, что те сыновья, которых хотел отец выпустить на Белорусском вокзале, жизнь отдадут за отца, за Родину, за идею. А отдадут ли её наши дети, у которых «прорезаются» зубы? Это большой и сложный вопрос, на который у меня нет ответа. А у вас?

Гвеш къачарал (плохо одетые)

и гьенгеруял (хромающие) древнего Джурмута

В длинные зимние ночи в горах Джурмута люди от безделья и тоски придумали себе такое развлечение как гвеш къачарал (в дословном переводе – плохо одетые). В разных сёлах этот ритуал проходит по-разному. Если у нас они ходят зимой по домам, в селениях Камилух и Генеколоб, го-

ворят, развлекают публику во время свадьбы. Они в масках и в своей особой одежде приходят во время танца жениха и невесты. Там и зовут их иначе – гьенгеруял, то есть «хро-мающие».

– Не думаю, что есть там какой-то глубинный смысл, скорее, от скуки это всё... – говорю я отцу, надеясь вытянуть из него очередную историю.

– Просто так ничего не происходит. Если в том или ином ритуале не было бы смысла, он из поколения в поколение не передавался бы. Значит, есть там какой-то скрытый смысл, который нам непонятен. Это для этнографов и историков. Они были и у нас, в наших сёлах тоже выходили гвеш къачарал на танец жениха с невестой. Позже бросили эту традицию, а в Камилухе сохранилась, – говорит отец и тут же продолжает: – Ты был на свадьбе в Камилухе или в Генеколобе?

– В Камилухе был один раз. Видел, «гардан чI вай» (отрубание шеи) называется ритуал.

Эта картина меня унесла на несколько веков в древность. Гремел барабан, выла зурна, со стороны жениха вышел здоровяк с тушей огромного барана на плечах и под ритуальную музыку преподнёс этот дар представителям невесты. Самый ловкий и умелый джигит со стороны невесты должен был одним ударом кинжала перерубить позвоночник так, чтобы голова от туши отделилась.

Проходит это всё под музыку, долгий и довольно-таки

нервный для обеих сторон ритуал – игра, пока ударит юноша кинжалом, идёт борьба нервов. Малейшая оплошность, и шея туши может быть отрублена или, наоборот, не до конца отрубят. Хотя никто из камилухцев мне не смог объяснить, почему плохо становится в случае неудачи от этого на вид забавного и безобидного ритуала.

Задача бьющего – поймать момент и одним махом отрубить, задача держащего – не дать отрубить, во время удара резко опустить или перенести в сторону тушу и ослабить удар. Если отрубят, то это очень болезненно воспринимает сторона жениха, это бросает тень на его тухум. А сторона, которая отрубит шею барана, как выигравшая, имеет почёт. Им должны оказывать уважение, выполнять все их капризы во время свадьбы.

На свадьбе, где я присутствовал, невеста была из Тляраты, они впервые видели такой адат, и представитель невесты не имел опыта, чтоб отрубить одним махом.

Камилухцы выиграли, и все выскочили с тушей по кругу танцевать. Это была такая завораживающая картина. Лунная ночь, большие почерневшие от дыма вековые кастрюли, куда целиком бросают целого барана, под ними костры, варёное мясо, на которое умелый цживур (шеф-повар) насыпает соли и преподносит к столам.

Недалеко от костра зурна, барабан, рослые, высокие джигиты и стройные девочки танцевали свой древний танец, который нигде в мире не увидите, кроме как в древнем Джур-

муте. Я шёл со свадьбы по узким улицам древнего аула. Яркая лунная ночь, почти как солнце, освещала часть узких улиц, другая сторона, куда не попадал лунный свет, была во мраке. Камилух находится на месте слияния двух рек. Шум реки, музыка плачущей зурны под такт бьющего барабана образовали своего рода оркестр природы и жизни. Всё было красиво и гармонично.

Я всё думал и думал над ритуалом «гардан ч'вай» (отрубание шеи). Что же это может быть? Кто это всё придумал и для чего? Почему проигравшая сторона так болезненно это воспринимает? Много вопросов осталось.

– Довольно-таки рискованное дело это. Особенно когда народ выпивший. Беспорядочная толкотня, в середине человек с кинжалом. Были случаи, когда кинжал попадал в ногу или руку того, кто держит тушу, – говорит отец.

– Что же это может быть, смысл какой? – спрашиваю я, чтобы получить хоть какое-то объяснение.

– Предположим, если сторона жениха преподносит козла или здорового барана, шею которого одним махом не отрубят, это демонстрирует материальный достаток, богатство рода, куда идёт невеста. Если сторона невесты отрубила шею барана, это тоже своего рода демонстрация силы, доблести и достоинства её рода.

– Скажем, мы тоже непростые, уважьте нашу девочку. Я примерно так понимаю, может быть, и другой смысл, – говорит отец.

«Всё может быть, – думаю я, – может и не быть этого, не исключено, что там заложен совершенно иной смысл».

Вернёмся к нашим гвеш къачарал (плохо одетые) и гьенгеруял (кривоходящие).

Скажем, что это чисто развлечение. Смысл-то хоть какой должен быть? В нижней части Джурмута гвеш къачарал приходят зимой в гости без спросу. Обычно их бывает одна пара – мужчина и женщина, их сопровождает группа молодых людей. Гвеш къачарал заходят в дом и начинают развлекать собравшихся и хозяев дома.

Они танцуют, делают жестами разного рода смешные вещи, жена гвеш къачарал начинает бить мужа своего. Это тоже для горцев смешно, хотя в наше цивилизованное время такое вполне может быть, и сегодня такой ритуал уже не покажется смешным. Они не разговаривают, всё жестами, иначе голос выдаст, кто за маской. Хозяин дома, чтобы избавиться от непрошенных гостей, даёт сушёное мясо, бутылку водки или ещё что-нибудь. После подарка они делают заключительный танец и уходят.

На следующее утро на годекане, дома, везде обсуждают ночные приключения гвеш къачарал, и встаёт главный и любопытный для всех вопрос: кто играл под маской в ту ночь? Наиболее успешным считается тот актёр, которого никто не разгадал.

У камилухцев гьенгеруял (кривоходящие в масках) появляются на свадьбе во время выхода жениха и невесты. Если

кто-нибудь бросит на невесту купюру малой стоимости, например, 50 рублей, они высмеивают его жадность.

Держит одну сторону купюры на земле один гьенгеру, другую сторону оторвать от земли пытается другой. Он не может, знаками просит джамаат прийти на помощь, обращается к тому, кто бросил, чтобы пришёл на помощь поднять такую тяжёлую и большую купюру. Тут ритуал уже приобретает определённый смысл. Высмеивают жадность.

Это всё вообще не изучено. Вместе с тем древние аулы Нагорного Дагестана опустошаются, идёт массовое переселение на равнину, в города. Всё ассимилируется, выросло целое поколение горцев, которое не то что не видело эти истории, ритуалы и образ жизни, но и не слышало об этом, ибо предки его тоже не слышали. Растёт второе поколение городских горцев.

Мы с отцом на берегу Каспия в Махачкале скучаем по горам, по аулу и периодически возвращаемся туда разговорами. Воспоминания, ностальгия, рассказы о жизни и быте в горах, отец вспоминает всю свою жизнь, которую прожил там, я о детство своё. Периодически в наш разговор влезает мой 12-летний сын и задаёт вопросы, которые сложно ему объяснить. Не объясняю, сложно словами, да и не хочется...

Приключения горских мальчиков в Цоре

Было лето 1984 года. Меня, ученика четвёртого класса, отец повёз в районный центр Тлярата. Такой своего рода по-

дарок от отца аульскому мальчику за успехи в учёбе. В таких суровых нравах нас воспитывали, не то что «нынешнее племя». Мы шагали по базарчику, навстречу шли люди и здоровались с отцом. Видно, тут отца хорошо знали, уважали и любили.

Подошёл к нам человек солидных лет, поздоровался и с большим вниманием стал слушать беседу отца с одним из его знакомых. Отец прервал разговор, меня слегка потянул за волосы и сказал этому мужчине:

– Асадула, ты видишь вот этого лохматого волчонка? Постриги его и верни к цивилизации, а то он совсем оброс.

Тот посмотрел на меня с лёгким прищуром и с улыбкой:

– Тоже мне волк, видал я много таких волков, следуй за мной, – и направился к будке над речкой. Подстриг, продул колючие волосинки из-под рубахи, шлёпнул слегка по затылку и отпустил. Когда я начал вытаскивать помятые рубли из кармана, взял их из моих рук и вложил обратно в карман, добавив:

– Иди!!! Ты же волчонок, а волки не платят.

Я в недоумении вышел, даже забыв поблагодарить, и направился на поиски отца.

На следующее лето отец со своим другом готовились поехать в Белоканы на лошадях. За пару дней до этого они купили отару барашек, чтобы продать в Белоканах и Лагодехи. Гнать овец через большой Кавказский хребет – дело нелёгкое, и они решили на помощь взять меня и ещё одного де-

сятилетнего молодца по имени Ибрагим. Отец оставил коня на перевале и поехал на машине в Цор, а своего друга и нас отправил пешком через перевал вместе с отарой. С Большого хребта вниз был крутой спуск, извилистые тонкие тропинки ведут в густые леса Джаро-Белоканов.

Весь день мы шли по лесу. Кругом полумрак из-за густого ряда деревьев. Щebet лесных птиц, размеренный топот впереди идущего коня и мелкий топоток отары сливались в единый слаженный оркестр. Когда спустились на равнину, уже стемнело. Во рту у меня пересохло, живот подводило от голода, ноги ныли, умоляя об отдыхе, а конца дороге всё не было, шли и шли мы за стадом. В ночной мгле был еле различим силуэт идущего впереди дяди Магомы, за ним тонкой белой ниточкой тянулась отара овец.

В какой-то момент раздался душераздирающий то ли крик, то ли вой, то ли стон, и мы встали как вкопанные. От страха я буквально прирос к земле, перед глазами всплыли ужасные картины из страшилок детства. В горах много рассказывали о встречах людей с кавтаром в лесах Цора, и истории эти редко заканчивались хорошо.

Ибрагим молчал, я несколько раз потёр уши, не послышалось ли мне. По его виду чувствовал, что не послышалось, и мы оба боялись спросить, что же это было. Мы пошли дальше. Через час с небольшим замелькали огоньки. Навстречу вышел молодой человек из Белокан и повёл нас к кунакам. В Белоканах была совсем иная жизнь, ничуть

не похожая на аульскую. Маленький провинциальный городок у подножья горы, утопающий в зелени. Мягкий субтропический климат и много солнца. Много фруктов и овощей, растущих в каждом огороде, маленькие изумрудные и, главное, безопасные речушки, спустившиеся со снежных вершин, что белоканцы называют на свой лад булахом. Опыняющий аромат цветущих роз, виноградные лозы и уютные навесы, а под ними – топчаны, чайные самовары, мангалы для шашлыка, тандыры для хлеба почти в каждом дворе, и приветливые гостеприимные кунаки. После трапезы мы, как подкошенные, свалились в постель и заснули мертвецким сном...

Крики, хохот и шум во дворе разбудили меня утром.

– Ле, Назирав!!! Люди!!! Есть тут кто??? – кричал дядя Магома, или Сер Мухама, как называли его в Джурмуте.

– У вас, падарал, кушать не бывает что ли? Налейте сто грамм, разожгите костёр, подайте кушать, что вы за народ, чёрт побери...

Борода придавала Магоме сходство с Емельяном Пугачёвым, а вот пышные усы и густая шевелюра отсылали к фотографиям молодого Иосифа Джугашвили после ссылки. У него всегда бывали дорогие красивые кони-иноходцы. Он пил чачу и не пьянел, сколько бы ни пил. Иногда во время дружеского застолья брал пандур и, сопровождая себя, пел старинные песни. Пел и шуточные, когда компания пьянела.

Особо популярна была в те годы русско-аварская песня

Магомед Сулиманова.

*«Водку пить, конечно, каждому можно,
Но не каждому гьёб полезно бугеб.
Коньяк ли, если есть, ерунда гуо,
Но пугает он нас цена борхиялъ.
Жить кI иго нухалда рижуларелъул
От души чункизе копой дуниял...»*

– пел выпивший Сер Мухама.

Такой своенравный и одновременно обаятельный мужик, младше моего отца лет на десять.

Отец мой среднего телосложения сухощавый интеллигент, филолог, директор школы в горах. Он был педагогом и охотником, хозяйственником и поэтом местного масштаба, который сочинял на ходу сатирические весёлые стихи. Землю пахал, сено косил, одним словом, занимался тем же, чем и простые горцы. Дети всегда ждали его урока литературы, он был лучшим рассказчиком на моей памяти, и по сей день остался таким, хвала Всевышнему. Отцу сегодня 82-й год пошёл.

Мы остановились в доме отцовского кунака, инженера-строителя из Белокан Гараева Низирова. Добрейшей души спокойный, интеллигентный, обаятельный человек. Он же был другом и кунаком поэта Омаргаджи Шахтаманова. Шахтаманов часто бывал у него в гостях. С моей семьёй у Гараевых куначеские отношения имели историю в несколько поколений. Брат Низирова, Гараев Далгат, работал про-

курором в Закаталах. В общем, Гараевы в Белоканах – знатный и уважаемый род.

Когда я вышел на крыльцо и взглянул во двор, хозяйка дома Мадина накрывала стол. По профессии учитель физики, очень привлекательная, приветливая и красивая женщина в расцвете лет, с постоянной улыбкой на лице. Было ясное солнечное утро. Сыновья Низирова Измир и Али встали, повели нас умыться, и сразу к столу. Они учились в русской школе и лучше нас говорили на русском. А наш русский был очень ограниченным. В горах тогда ещё не работал телевизор, в школе говорили на аварском, не было русскоязычной среды и крайне тяжело было перейти языковой барьер.

Настоящую русскую речь я слышал лишь один раз, когда отец разговаривал с какой-то экспедицией геологов. С большим любопытством улавливал отдельные слова из разговора. Ибрагим с растерянностью и надеждой смотрел на меня как на знающего язык, а я... Как там было у Онегина? «С учёным видом знатока хранил молчанье в важном споре...», хотя ни черта не понимал, о чём речь идёт за столом.

У Низирова была и дочка шестнадцати лет, красавица Самира. Кудри до плеч, выразительные черты лица и тонкий стан. Ходила в шляпе, что ей чрезвычайно шло, выглядело милым кокетством и сразу давало понять, что эту девочку в семье очень любят и балуют. Мы завтракали, а она музицировала, и звуки фортепиано долетали до нас из открытого окна. Одним словом, это был совершенно новый для меня,

удивительный мир. Ничем не напоминавший тот, что я знал, в котором вырос, – суровый и аскетичный мир за перевалом.

Теперь вернёмся к нашим баранам, в прямом и переносном смысле. Приехал молодой человек, что встречал нас у подножья горы. Всю нашу отару загрузили на КамАЗы и отвезли в Закаталы на бойню. И мы с Ибрагимом поехали туда, чтобы пасти барашков, пока одну партию зарежут и сдадут. Два дня провели в Закаталах и вернулись в Белоканы на такси. Отец вместе с Магомой каждому кунаку в Белоканах во двор выгрузили по барашку. Это был очень хитроумный и дальновидный ход. Зная гостеприимство белоканцев и их успехи в кулинарии, они решили дней на десять обеспечить себе столы под виноградными навесами.

Кахетинское вино и отменного качества чача лились рекой. Изысканная азербайджанская кухня, грузино-аварские тосты, песни и пляски под пандур. Иногда всей компанией направлялись в знаменитый в то время ресторан Али Анцухского в живописном месте в лесу «Беш булах» (Пять родников). Мы с Ибрагимом ходили по паркам, аттракционам и фруктовым садам Белоканов и Закаталы, осваивали новые территории неведомого края. Освоили русский на уровне заезжего туриста-англичанина, что никого не смущало.

Всему на свете наступает конец, наступил конец и нашему отдыху. В один день дядя Магома позвонил меня к себе и сказал:

– Магомед, ты Белоканы знаешь нормально?

– Конечно, дядя Магома, даже Закаталы знаю.

– Закаталы оставь, сходи вместе с Ибрагимом в парикмахерскую, пусть постригут его. А то он совсем лохматый.

Я, очень довольный таким ответственным поручением старшего, направился с Ибрагимом в парикмахерскую. Мы открыли дверь и сразу наткнулись на чей-то свирепый взгляд. В зеркале было отражение мужчины, сидевшего к нам спиной, его жирное лицо было выбрито лишь с одной стороны. Видимо, парикмахер отлучился, и недобритый клиент уже начал нервничать. Остальные два места были заняты. Мы уселись и принялись ждать. К недобритому подошёл смуглый парикмахер почти вдвое шире него. Ибрагим испуганно смотрел по сторонам, казалось, он хочет сказать: «Лучше бы побрили меня в горах, не хочу подставить этим непонятным людям свою голову». Когда место освободилось, толстяк-мастер повернулся к нам и спросил что-то на азербайджанском. Наступило время блеснуть знанием моего русского, и я с видом профессора бросил:

– По-русски понимаю...

– Русски??? Русски знаес, да-а... Прицоска надо, да-а?

– Ну да, конечно, он хочет, – сказал я важно и подтолкнул Ибрагима к парикмахеру. Тощий маленький Ибрагим сел в большое кресло, парикмахер накинул кусок белого материала на его плечи и начал стричь. Ибрагим через зеркало пристально смотрел на меня. Видно, его что-то беспокоило. Я подошёл, и он, не поворачивая головы, над которой

трудился мастер, скосил глаза и спросил по-аварски, сколько будет стоить его причёска. Тут же я вспомнил Асадулу из Тляраты, который не взял у меня ни копейки. И, как человек умный, повидавший мир, я объяснил другу на аварском, что не надо ни одной копейки, у них, мол, зарплата. А напоследок предупредил, чтобы больше такие глупые вопросы не задавал.

Постриг парикмахер Ибрагима и направился руки мыть. Мы встали и направились домой. Через пару минут слышим, кто-то кричит и бежит за нами через дорогу. Смотрим, этот парикмахер, разъярённый, машет руками и что-то громко на азербайджанском говорит. Поняли, что требует деньги. Ибрагим с виноватым видом вытащил из кармана помятые рубли, протянул.

– Ики манат гятыр бура, огъраш!!! – прокричал парикмахер напоследок, сунул в карман рубли и вернулся к себе. Я успокоил Ибрагима, и мы потопали к кунаку. По дороге я Ибрагиму объяснял, сколько бы фруктов и красивых мест тут ни было, не очень хорошие люди, оказывается, эти падарал (азербайджанцы).

– У нас в Тлярате дядя Асадула ничего не взял за стрижку, а этот, видел, как кричал на нас? – возмущался я с высоты своего опыта и знаний о мире.

Попрощались с солнечным Цором и гостеприимными кунаками и отправились в горы. Внизу остались черепичные жёлтые крыши Белоканов и Лагодехи, вековые леса и бле-

стоящая под солнцем, прославленная в аварском фольклоре Алазани с её змеиными изгибами.

Я всё ещё помнил о том вечернем крике в лесу, что нас страшно напугал. Однако в гостях спрашивать было неудобно, но теперь вокруг были только свои, так что я рискнул. Дядя Магома усмехнулся и сказал, что это был крик ночной совы. Дорога предстояла долгая, а у меня накопилась масса вопросов, и при малейшей возможности я спешил их задать.

– Почему в Азербайджане за стрижку парикмахеры деньги берут? – спросил я отца. Тот в полном недоумении спросил:

– А что они должны были брать?

– Зарплата же у них есть. Вот дядя Асадула в Тлярате не берёт, а тут у Ибрагима взяли.

Дядя Магома и отец посмотрели на меня, потом друг на друга и расхохотались.

Цорские девушки,

или Как любовь разорвала барабан

Когда молодые и красивые девушки из Цора приезжали на свадьбы в Джурмут, джурмутские молодцы танцевали с особым задором, их трюки становились сложнее и опаснее, а движения рук и ног – резче и точнее. Я это всё помню – маленький был, но помню. Помню, как сверкали их глаза, как блестели зубы – каждого из них переполняли чувства и энер-

гия. И это всё было из-за красавиц Цора.

Трезвые пьянели, пьяные дурели, а дурные становились и вовсе невменяемыми и совершали безумные поступки. Никто из них никогда бы не сознался в этом, но я точно знаю, что именно так всё и было.

В Цоре жизнь была полегче. И рядом с нашими девушками, измученными трудом, почерневшими под палящим солнцем, девушки из Цора выглядели беленькими и красивыми.

Как-то спросили у одного горца, влюблённого в цорскую красавицу: «Правда ли, что ты волочился за девушкой из Белоканы и хотел жениться на ней?». Горец ответил достаточно остроумно: «Она была хороша, ну как мне на ней жениться-то? Жизнь в горах скудна и тяжела, физическую работу она не осилит, а профессии нет, как говорят, не грузовая, не легковая».

Но любовные сумасбродства джигитов на свадьбах бывали всегда. Я помню эти ясные лунные ночи джурмутских свадеб и танцы вокруг костров. Слышу и поныне шум горных рек, звуки душераздирающей зурны и барабанной дробы, которыми соседи из ближних и дальних аулов созывали нас на праздник.

В центре каждого села находилась открытая площадка (гьоцҮ) – для молотбы ячменя и для свадеб. Иного предназначения у этого места не было. За площадкой – плоские крыши саклей, откуда стар и млад с любопытством наблю-

дали за танцующей молодёжью. Как бы юноши и девушки ни старались скрывать свои чувства и предпочтения, внимательный зритель улавливал взаимную тягу молодых друг к другу.

Я тут не зря вспоминал о цорских красавицах. Перед ними образовывался особый круг желающих потанцевать. Девушки из Цора, почувствовав своё превосходство над местными подругами, кокетничали напропалую. В их манерах, движениях в танце, в одежде было что-то волнующее, отличающее их от наших девушек. Порой местные девушки пытались им подражать, но улавливали только детали, а основное ускользало.

И джигиты наши продолжали увиваться вокруг приезжих. В жёлтых нейлоновых рубашках, в ярко-синих кримпленовых пиджаках, в кепках-аэродромах на голове, со «стекающими по краям уголков рта усами». Такова была мода советского периода, мода времён моего детства.

Пели песни, рвали струны пандура, разбивали посуду, демонстрируя крутой нрав и удаль. А один влюблённый чудак в порыве страсти, надеясь заслужить одобрительный взгляд цорской красавицы, прячущейся за спинами подруг, изо всех сил ударил ногой по барабану. Лопнув, тот вылетел из рук барабанщика и покатился вниз по узкой улице, подскакивая на кочках и ударяясь о стены. Только глухое эхо доносилось до свадебного костра, будто негодование барабана, сделавшегося инвалидом, изгнанного из такого весёлого общества

и ни на что теперь не пригодного.

Пока растерянный барабанщик чесал затылок, другой претендент на внимание красавицы из Цора с ходу ударил зурнача, потом двоих, пытающихся его удержать, и бросился на конкурента – того, который бесстрашно ударил по барабану.

И тут, как говорят в городе, пошла «селуха на селуху». Долго пьяный люд объяснял друг другу, кто прав и кто виноват. Шумели, толкались, боролись, дрались, разнимали, все разговаривали и никто друг друга не слушал.

И всё это происходило из-за нарядных беленьких девушек, которые поднимались на свадьбу из Цора. Мужики с ними танцевали, из-за них дрались, им песни пели, влюблялись, теряли на время разум... Девушки же, будто ничего и не произошло, вдоволь натанцевавшись и навеселившись на свадьбах, бросали горы и торопились назад в Цор – пока снег не закрыл перевалы. А влюблённые юноши, отрезанные снегами от Цора и от предмета своей любви на целые 6–7 месяцев, оставались в горах.

И в осенние солнечные дни с веранд аульских домов доносились печальные мелодии; подыгрывая себе на мандолине, пандуре и других инструментах, пели юноши о потерянной любви, о длинной зиме, закрытом перевале и возлюбленной, которая осталась за заснеженными хребтами.

Помню одну такую песню молодого человека, влюблённого в красавицу за хребтом. Слова народные (джурмутские):

*Я дунги цѹмани, цѹобилав Аллагъ,
Цѹороб сѹхбатІа свери бахъизе.
Цѹудулги тІинчІани, я Расулуллагъ,
Белоканий росулъ гьудул йихъизе...*

В подстрочном переводе звучит примерно так:

*Родиться бы мне орлом, о Всевышний,
Чтоб полететь над Белоканом,
Быть бы хоть птенцом орла, о Посланник,
Чтобы увидеть любимую
на цѹорском сѹхбате (вечеринке).*

На смену летней безбашенности приходила зимняя трезвость; но, не выдержав уныния, душа опять начинала тосковать по веселью и солнечным дням. Все ждали наступления весны...

Так было раньше. Ныне же и в горах, и в Цоре, к большому сожалению, весна – долгожданная встреча с возлюбленными – в сердцах молодых людей не наступает, их уже не радует оттаявший перевал. Граница на замке. Нас навсегда разделили пограничники. Осталась лишь память... память и брошенные пустые аулы, заросшие крапивой; места, где раньше бурлила жизнь, влюблялись молодые, молились пожилые, пели песни, читали молитвы, встречались и снова провожали друг друга люди...

Для чего кинжал?

Был знойный август 1986 года. Я, шестиклассник, с утра

пошёл купаться к речке и вернулся домой только после обеда. Двери дома оказались заперты – все на сенокосе. Нашарил ключи (мама прятала их в специальных потайных местах) и уже собирался войти, как услышал сзади цокот копыт. У порога стояли двое мужчин средних лет с лошадьми вороного цвета на поводу.

– Дом Исмаила? – спросил коренастый с бегающими глазами.

– Да...

– Ты, должно быть, его сын. Позови отца.

Не успел я ответить гостям, как во двор вошёл отец. Поздоровался с гостями, узнал, из каких они краёв, завёл в дом. Мне поручили заняться лошадьми. У отца была небольшая кунацкая с отдельным выходом во двор, гости там расположились. Судя по разговору, отец ранее не был с ними знаком. Может быть, кто-нибудь сказал: «В Салда остановитесь у Исмаила», – вот и пришли. Так принято в горах: когда люди пускаются в далёкий путь, то останавливаются у кунаков.

Отец быстро организовал скромный стол для гостей, положил хлеб, сыр, сушёное мясо и что-то ещё. Чтобы компенсировать скудную трапезу, графин кахетинского тоже поставил. Гости перекусили, по рюмочке пропустили, и пошёл разговор об общих знакомых, какой обычно бывает у мало-знакомых людей. Я, сидя в соседней комнате, подслушивал их через приоткрытую дверь. Была у меня такая слабость в детстве, хотя за неё мне часто попадало.

Один из кунаков поднял бокал и долго говорил, какой замечательный человек мой отец и как его везде уважают. Голос этого человека был хриплый, говорил он очень тихо, из-за чего трудно было разобрать его речь, только отдельные фразы. Другой кунак, сухощавый и высокий, был шумный, весёлый и открытый человек, скажет отец что-нибудь – и дом дрожит от громкого заразительного смеха гостя. Гости дали понять отцу, что ночевать не остаются, хотят, пока не стемнело, пройти перевал и спуститься в Белоканы.

Видно было, что отец чувствует себя неловко перед гостями, мамы дома не было и пришлось довольствоваться сухомыткой. Чтобы положения выправить, отец начал рассказывать им:

– Как-то к одному горцу в гости пришли путники, он, как и положено по закону гор, посадил кунаков у очага и решил угостить. Положил перед ними две панкъя (тонкую лепёшку), воду и насыпал щепотку соли. Больше у него и не было ничего в то время. Когда гости приступили к трапезе, горец вдруг положил среди двух лепёшек большой кинжал. Путники были в недоумении и в раздумьях – тут резать нечего, ни мяса, ни сыра нет. Зачем же кинжал?

Поели, поблагодарили Аллаха и горца, который их угостил, и собрались уходить. Перед прощанием один из путников спросил:

– Скажи, добрый человек, не поняли мы, для чего ты к лепёшкам кинжал положил? Что это означает?

– Вах! – сказал горец. – Если я знал бы, что вы настолько недалёкие люди, я бы вам и панкъ с солью не дал бы. Неужели не поняли?

– Нет, – ответили путники.

– Это древний обычай, кинжал с едой должен быть в таких случаях. Чтобы вы могли меня ударить, если я пожалею для кунаков то, что имею. А если вы возгордитесь и не примете того, что я даю, я вас должен был ударить. Для нашего стола тоже, как и у того горца, не хватает кинжала, – сказал отец. Шумный гость долго смеялся, а толстый долго что-то отцу говорил.

Перед закатом они сели на лошадей и направились в Цор, а я, голодный с утра, набросился на еду и съел то, что осталось от гостей. Когда мать вернулась с сенокоса, почти стемнело, ей предстояло ещё готовить ужин мужчинам...

Как меня увольняли с работы

Было лето 1989 года. Мне исполнилось 16. Это трудный возраст – ты себя считаешь взрослым, а окружающие не в курсе. По этой причине очень часто случались дома недоразумения. Когда я выходил из-под контроля матери и старших братьев по домашним хозяйственным делам возникали скандалы. После очередного вмешался «верховный главнокомандующий» – отец, что бывало крайне редко по правилам нашего дома. Он жёстко объявил, что я «уволнен с работы». Потом повернулся к маме и братьям и сказал,

чтобы никакой работы по дому мне не поручали.

Слово отца для дома – закон, обсуждению и пересмотру не подлежит. И вот все идут на работу, кто на сенокос, кто по дрова, кто по другим делам, один я сижу дома. Вечером все возвращаются, умываются и садятся за стол. Отец первым делом спрашивает у мамы: «Сына накормила? Накорми его, за нас не беспокойся, вот его накорми сперва». Еду мне приносили в отдельную комнату, где я целый день, изнывая от безделья, валялся на диване и читал газеты, журналы, книги. Никто со мной не разговаривал, маму отец строго предупредил, чтоб кроме как о еде никаких других бесед со мной не вела.

Прошла неделя. Весь аул – стар и млад – на сенокосе и другой работе: кто на лугу, кто в лесу. Работает мой отец и домашние тоже, один я дома. Топор, косу и прочие инструменты отец закрыл на замок в сарае, чтобы я самовольно работать не пошёл. Мне ужасно стыдно перед односельчанами, такое ощущение, будто меня весь аул осуждает. И не расскажешь же про «увольнение», многие и не поймут, что это такое и каково моё положение. Ведь у каждого дома свои порядки.

Я мучился почти двадцать дней. И как-то утром попытался поговорить с матерью. Чуть ли не в слезах просил, чтобы пустили меня работать. Дверь комнаты была приоткрыта, а в соседней спиной к нам на диване лежал отец, книгу читал. Но разговор наш слышал. Через несколько минут он

позвал мать, а вернувшись, она передала мне отцовское распоряжение:

– Иди работать, но он говорит, если ещё раз откажешься делать, что тебе поручили, тебя уволит навсегда...

Каким счастливым я был, когда на следующий день вернулся домой уставший, запыханный, с ноющей от работы спиной и, умывшись, сел ужинать за общий стол с родителями и братьями.

Из отцовских рассказов

Снегопад в Джурмуте

Приехала старшая сестра с гор. Отец по привычке спрашивает о погоде. Для нас это непривычно – сейчас любую информацию можно получить через Интернет за секунды. Все в курсе всего. Отец же со своими газетами, книгами и разговорами с живыми людьми застрял в прошлом веке.

– В горах тепло, как никогда тепло, скот пасётся ещё на пастбищах, не закрыли. Ясные солнечные дни и лунные ночи. Изредка дождь, снег только на вершинах гор, – рассказывает сестра.

– Дождь в декабре – это нехорошо... Это может ударить снегами среди лета. Не зря предки говорили «хорошо, когда зима похожа на зиму», – сказал отец и замолчал. Я не понял, почему тепло в декабре грозит холодом летом.

– Какая тут связь, может, и летом будет тепло? – спрашиваю.

– Было однажды такое... Почти сто лет назад. Одна за дру-

гой шли тёплые зимы, и не было снега. Потом резко сменилась погода. Снег выпал такой, о каком не слышали даже седые старики, – говорит отец.

Снег выпал в начале сентября. Выпал, когда ещё природа цвела. Стада были на пастбищах, отары овец и табуны лошадей – в горах. Пошли сперва холодные проливные дожди, они не прекращались долго, температура упала ниже нуля. На два месяца раньше, чем обычно, пошёл снег. Он не прекращался несколько суток ни на минуту. Это застало Антратль врасплох. Люди были в растерянности, кругом белый океан, в котором невозможно разобрать, где небо, где земля. Грохот снежных лавин поглощал рёв скота, блеяние овец, ржание лошадей, мольбы и крики людей. Снег падал и падал, не было конца и края; изредка из аула в аул, с гор в низины спускались люди, встречались и ночами обсуждали, как спастись от неожиданной беды.

Отары овец и лошади должны были на зиму спускаться в Цор, в Алазанскую долину, но снег перекрыл Большой Кавказский хребет и отрезал всех от мира. Через несколько дней собрались представители пяти обществ верхнего Антратля и решили, что нужно открыть дорогу через Большой Кавказский Хребет в Цор, иначе все помрут в горах. Люди вышли против стихии с одними лопатами для расчистки снега. По узкой, расчищенной ими тропке медленными шажками шли овцы, люди и лошади – тянулись, словно ниточка за иголкой. Некоторые лошади срывались с кручи и летели

в бездну, остальные прокладывали дальше дорогу. Из всех отар Антрагля даже половина не спустилась в Цор – всё, что пало в пути, досталось голодным волкам и медведям Цора и Джурмута. Это мне рассказывал покойный дядя Али (Губур Али из Салда звали его в Джурмуте – человек авторитетный, зажиточный), ему лет 30 тогда было, – сказал отец и взял паузу. Перед моими глазами мелькали знакомые с детства места. Сложно было представить, как по тем узким тропинкам, где с одной стороны отвесные скалы, с другой – пропасть, где страшно идти даже летом, могли пройти люди при большом снеге. Один неверный шаг – полетишь в бездну.

– И что дальше, откуда, по какой дороге они направились в Цор? – спрашиваю я, возвращая отца к теме.

– Они пошли по самому сложному перевалу через Машкал Ор – он хотя и высокий, но самый короткий. Расчёт был верным, но и оттуда не смогли они перейти без больших убытков. Дядя Али рассказывал, что, когда они спускались из Верхнего Хутора в Машкал Ор, отары овец встали как вкопанные. Буря не давала открыть глаза, слышен был непрекращающийся гул лавин, и те, что шли сзади, не могли понять, что случилось. Была тяжелейшая, безысходная ситуация – опасно и вперёд идти, и вернуться невозможно. А если на месте остаться, был риск замёрзнуть. Вот так мучились несколько часов, потом очень медленно отара продолжила путь. Чтобы перейти перевал с такой скоростью, нужны как минимум ещё день и ночь, а они не прошли ещё и полпути.

Когда спускались к речке, поняли, наконец, почему так долго стояли в одном месте. По краям узкой тропинки громоздились туши мёртвых овец. Спускались сумерки, люди и животные шли из последних сил, стараясь до наступления темноты успеть к месту, где расщелина образовала естественное укрытие в скале. Там можно было спрятаться от бури и переждать ночь. Дядя Али сделал пару шагов вниз по склону, чтобы вытолкнуть на тропинку отбившегося барана, и наткнулся на сидящего человека. Глаза его были полуоткрыты, он был мёртв. Видимо, устал, сел в снег, так и замёрз. Дядя Али крикнул идущим впереди, чтоб остановились, тут, мол, человек умер.

– Ты следуй за нами, мы завтра вернёмся к нему, иначе все вместе с отарами замёрзнем тут, – ответил ему человек из общества Тлянада. Он был прав: чем поможешь мёртвому, когда живые с трудом передвигаются?

В ту ночь все представители верхнего участка общества Антратель – Анцросо, Богнода, Тлебел, Тлянада, Джурмут – собрались под скалой, чтобы переждать ночь и бурю. Считать овец и разбираться, где чьи – не было ни сил, ни смысла. Решили, что вместе пойдут в Цор, а там уже каждый по метке честно отберёт своих овец, если же не найдёт – на то воля Всевышнего. Утром часть людей и овцы направились в Цор, другие вернулись к покойнику, чтобы его забрать и похоронить. Кто-то признал его, оказалось, это чабан из общества Тлянада.

На следующий день перевал был пройден. Голодные, обессиленные овцы спускались, падая от слабости на колени, словно высыпаемый из мешка рис, медленно ползли по склону.

Как люди отбирали своих овец, как поделились, мне неизвестно, – говорит отец, – но известно, что люди тогда были набожные и честные, редко кто претендовал на чужое.

– Наверное, каждого обязали дать клятву на Коране, что не взял чужих животных, – выдвигаю я свою версию, – иначе все передрались бы. Только Коран и клятва могли вопрос решить.

– Я не знаю, об этом дядя Али не рассказывал; о конфликтах на этой почве тоже я ничего не слышал, – говорит отец, – но про этот год Большой беды люди помнили и рассказывали друг другу как о примере мужества и сплочённости наших людей.

Почему отец, который сейчас болен и слишком слаб для такого длинного повествования, решил рассказать мне эту историю, я не знаю. Может быть, случайное слово или обрывок разговора натолкнули на воспоминание. А может быть, он сознательно выбрал время, решил, что именно теперь мне нужно этот рассказ услышать.

О добром человеке

Как-то в один пасмурный осенний день в Тлярату к отцу в гости заглянул Магомед Кебедов из Бежта. Они с отцом

были в приятельских отношениях, и если Кебедов приезжал в Тлярату, обязательно навещал отца. Одним словом, скучный пасмурный осенний день осветил для отца кунак из Бежта.

Магомед Кебедов – это тот самый человек, который в конце 1990-х своим трактором проложил через перевал автомобильную дорогу в Грузию. Человек, который всю жизнь занимается благотворительностью и добрыми делами, общественник, правозащитник, борец с коррупцией и произволом властей. Такой неугомонный тип, которого невозможно ни испугать, ни подкупить. Вот что Кебедов поведал отцу в тот день:

– После того как я открыл дорогу, весь Нагорный Дагестан начал ездить в Грузию и Азербайджан. Пошла торговля, перегоняли оттуда машины, туда возили продукты, разница цен была большая. Вспоминаю одну из последних поездок в Грузию.

Была, как и сегодня, поздняя осень и пасмурная погода. Очень хотел до закрытия перевала ещё раз побывать в Грузии, решить кое-какие вопросы и навестить своего кунака там. Выехал утром из Бежта. На перевале уже лежал снег, с большим трудом на грузовике ЗИЛ-131 я проехал и спустился в Цор. В ту же ночь пошёл к кунаку.

Оказалось, мой кунак, который раньше жил в роскоши и богатстве, еле сводит концы с концами. В его поведении даже в бедности чувствовалось достоинство, он делился с го-

стем – со мной – последним куском. Дома холодно, не заготовлено дров на зиму, крыша протекает. Дом совсем не ухожен, жена болеет, и сам он уже немощный старик.

Рано утром я встал, кунаку ничего не сказал, попросил топор у соседа, завёл машину и поехал в лес. За полдня заготовил полную машину дров, выгрузил их во дворе кунака, разложил, распилил, наколол. Поднялся на крышу и подлатал, где она протекала. Растопил печь, сделал хороший чай, налил всем троим и сел со стариками за стол. В комнате стало тепло и уютно. Трещали горящие дрова, легко шипел чайник, тикали часы. Старики молчали.

И я спросил у кунака:

– Ну что, дядя Карло, доволен ты? Как тебе чай?

Старуха заплакала и начала на грузинском благодарить меня. А старик махнул рукой и промолчал. Я чувствовал себя безгранично счастливым, мы оба понимали смысл этого молчания.

Вместе с тем погода ухудшалась, а мне надо было, пока перевал не закрылся, обратно в горы. С большими трудностями, через снега и бури я добрался до Бежта. В ту ночь выпал большой снег, и моя любимая солнечная Грузия, и кунаки остались на той стороне.

Я радовался, что успел им заготовить дрова. Это была одна из моих последних поездок в Грузию, по моей личной дороге. А потом её у меня украло государство.

Российские пограничники закрыли дорогу и границу и на-

всегда лишили людей возможности поехать в Грузию через Бежта. У Кебедова забрали дорогу, которую он делал для народа и для себя без помощи государства. А у нас у всех вместе с Кебедовым забрали Грузию и Азербайджан, родственников, которые живут в Цоре, многовековую историю и дружбу с людьми на той стороне.

Выживший

Это была поздняя осень 1946 года. Жители верхнего участка Тляратинского района через перевал спускались в Алазанскую долину, в Джаро-Белоканы, чтобы привезти оттуда пропитание на зиму – пшеницу везли, кукурузу. Поехал туда вместе с женой один тлебелав (житель Тляратинского района). В пасмурное осеннее утро он вышел с женой на базар в Белоканах, чтобы купить кукурузную муку для семьи. На базаре один жарский старик показал ему на облака, которые затянули небо, и сказал:

– Ожидается снегопад. Если тебе в горы надо, то вряд ли успеешь, никто не успеет в такую погоду... Между Белоканами и Джурмутом Большой Кавказский хребет, где снега бывают почти до лета.

К словам старика молодой человек не прислушался. Рискнул пойти в горы. Там, в горах, семья, маленькие дети, которые ждали родителей. Нельзя было не идти. Они с женой шли пешком, каждый на спине нёс больше половины мешка кукурузной муки и разную мелочь. Когда приблизились к перевалу, уже шёл снег, усиливался ветер. Горец с женой

остановились и посмотрели на оставшиеся внизу Белоканы.

– Если за три-четыре часа успеем перейти самую вершину, то по ту сторону будет легче, – сказал мужчина молодой жене.

Она плакала и умоляла: «Вернёмся обратно. Мне всё хуже становится, я не смогу больше километра пройти, а снег и буря всё усиливаются!».

На подъёме от Белоканов они встретили всадника, спускавшегося с гор. Он объяснил молодому человеку, что перевал практически закрыт и не смогут они перейти.

– Тем более, женщина не сможет, видно, что она совсем слабая, – сказал он. Жена сказала, что не пойдёт дальше.

Горец бросил на неё суровый взгляд и, не повысив голоса, сказал: «Ты хочешь вместе с падавав (азербайджанцем) вернуться?».

Она поняла упрёк и молча последовала за мужем. Ветер бил им в лица. Азербайджанец ещё помедлил, глядя, как теряются в начинающейся снежной буре два тёмных силуэта, и продолжил свой путь. На следующее утро во дворах Белоканов были метровые сугробы. И азербайджанец сказал белоканцам, что один тлебелав с женой пошёл в горы против бури. Судя по снегу, вряд ли он дошёл до дома, скорее достанутся их трупы волкам на перевале. Узнать о его судьбе невозможно – тогда не было никакой связи гор с Цором. Оставалось дожидаться весны и открытия перевала. Прошла зима, наступила долгожданная весна. Два джурмутовца, дя-

дя моего отца Али и его друг Шамсудин, отправились в Белоканы, чтобы забрать лошадей, оставленных там на зимовку. Почти полдня прошло, пока они добрались до перевала. Вытащили мешочек с толокном и сыром, пообедали и прилегли чуточку отдохнуть. Али почти задремал, а Шамсудин всё не мог успокоиться, время от времени с тревогой оглядывая окрестности. Вдруг он вздрогнул, оглянулся и крикнул Али:

– Ты слышал?!

– Что?

– Какой-то шум...

– Где?

– Где – не знаю, появляется и исчезает.

– Кажется, это шум куропаток, нет?

– Не знаю... нет!!! Нет!!! – крикнул он и побледнел.

– Я слышу зикру, зикру это!!!

Али потом рассказывал моему отцу, а тот передал мне. «Вокруг не было ни души. Только скалы, снег, и будто из-под земли шёл голос. Мы побежали на звук. С каждым нашим шагом этот хриплый слабый голос, читающий зикру, становился отчётливей и больше походил на человеческий. Мы обогнули обломок скалы, спустились чуть ниже и оказались перед громадным сугробом. На его белом боку темнело отверстие. Мы заглянули туда. Спиной к нам лежал человек и читал молитву. Худой как скелет, полуживой, он читал без остановки и слегка кивал головой то в одну, то в другую сто-

рону.

– Ле-е!!! – крикнул я.

Лежащий не повернулся. Я запрыгнул внутрь и шлёпнул его по плечу. Он вздрогнул, медленно, тяжело повернулся, и тут же закрыл глаза от резкого солнца. Его лицо бледное, заросшее бородой, было таким измождённым, что глаза казались огромными. Он всё время мелко дрожал и не мог говорить. Я схватил его под мышки, вытянул наружу и потащил по снегу дальше от сугроба, на солнце.

– А с ней что будем делать? – спросил меня Шамсудин.

– С кем это, с ней? – спросил я.

– Ты там женщину не увидел? Она мертва, – сказал Шамсудин.

Я кинулся обратно, и только тогда почувствовал сладковатый трупный запах. Она лежала в уголке снежной пещеры. Недалеко от неё, там, где лежал мужчина, был почти пустой мешок. Когда я поднял его, оттуда высыпалась горстка кукурузной муки... Они с женой вырыли эту нору, чтобы переждать бурю. Но, когда буря кончилась, оказалось, что перевал завалило. Не было дороги вперёд, к дому. Не было её и назад, в Белоканы. Через месяц жена умерла. Пять месяцев он провёл рядом с её трупом, питаясь кукурузной мукой, которую они не донесли своим детям. Выжил.

– Я помню его, он приходил в гости к дяде Али, человеку, который нашёл его и спас ему жизнь, – рассказывал мой отец. – Мне казалось сперва, что он передвигается на кор-

точках. Оказалось, безногий. Сначала обморожение, потом началась гангрена, пришлось ноги отрезать до бедра. «Ходил» он так: выбросит руки вперёд, обопрётся на них и подтягивает туловище с культями. Дожил почти до 70 лет.

Эту историю я рассказывал много раз, и каждый понимал её по-своему. Одни думали, что она о легендарном горце, которому хватило крепости духа, чтобы выжить в холоде, голоде, во мраке. Ни звери, ни стихия, ни голод не сумели забрать у него жизнь. Другие считали, она про то, как вера во Всевышнего и молитва спасли человека. А третьи говорили, что это всё про упрямство и гордыню. Из-за них горец не остался в Белоканах, погубил жену и сам чуть не погиб. Ещё есть такие, кто точно знает: история о том, какой тяжёлой и опасной была раньше жизнь горцев. И они все спорят и ругаются между собой. Я тоже спорщик, но тут молчу. Если кто и знал правильный ответ, так только сам этот горец. И не тот, молодой и сильный, что шагал к перевалу, не оглядываясь на жену. А безногий старик, который каждую ночь ждал, что смерть, белая как сугроб, встанет у его постели.

История голодного борца

– В Белоканах жил один лакец, который чисто знал наш джурмутский диалект и был в приятельских отношениях со всеми нашими. В то время он был достаточно состоятельным человеком в Цоре, – говорит отец. – Как-то в начале 1980-х я был у него в гостях с покойным Магомедом Османовым, нашим односельчанином, который работал в те го-

ды председателем райисполкома Белоканского района. Они с лакецем были кунаки. Лакец принял нас радушно, накрыл стол в саду, поставил большой графин кахетинского, хорошую закуску; шёл разговор о людях, об общих знакомых в горах и о Цоре. Османов прервал разговор кунака и спросил:

– Сулейман, сын как твой, что-то его не видел я давно.

– В город, кажется, пошёл – не знаю, был тут, – ответил лакец и замолчал. В его речи чувствовалось нежелание говорить о сыне. После непродолжительного молчания он всё же продолжил, – Сын мой родился через 18 лет после свадьбы. Он был для меня долгожданным ребёнком. Словами не объяснить мою радость. С его появлением я обрёл смысл жизни. Он рос умным, смышлённым мальчиком. Я серьёзно взялся за него с самого раннего детства: нанимал хороших учителей, записал на борьбу и нашёл хорошего тренера. Периодически ездил с ним в Грузию к хорошим специалистам – тренировали его и там.

Как-то в гости ко мне заглянул из Катеха один мой приятель Ибрагим, ваш джурмутовец, и сказал, что с женой развёлся. Новость, конечно же, неприятная. У него было двое сыновей, почти ровесники с моим. Спрашиваю о них, а он махнул рукой и говорит, что оставил их с матерью. Он был нагловатый, беспардонный тип, кутила. Вёл праздный образ жизни и коротал дни в кабаках Алазанской долины. А его сыновья в это время ходили по базарам Цора в поисках пропитания, убого одетые, порой я видел их без обуви. Никому

не было до них дела; брошенные на произвол судьбы, они ходили в лес за каштаном, дикими орехами и лесными ягодами, чтобы не умереть с голоду.

При каждой встрече я упрекал Ибрагима, что он в ответе перед Аллахом за этих детей и как отец должен обеспечить им хотя бы минимум – кормить их. И всякий раз он, махнув рукой, «не слышал» меня. Жалкая и голодная жизнь была у ребят. От худобы и недоедания они с трудом ходили, а потом и вовсе пропали. Говорили, что они в Грузии, но что они там делают, чем занимаются, я не слышал...

Как-то в Белоканах, возвращаясь с работы, увидел я возле базара большое сборище людей. Кто-то в толпе что-то выкрикивал, но разобрать слова было невозможно. Направился к ним. Один здоровый мужик держал шест перед людьми, отталкивал толпу и кричал: «Шире круг!!! Так вы не увидите, шире!!!». Спрашиваю у одного джарца, что тут происходит. Тот отвечает рассеянно, пытаюсь вырваться вперёд, в первые ряды:

– Пехлеваны выступали тут. Сейчас чидаоба (грузинская национальная борьба) будет – один джигит из Тушетии приглашает любого с ним побороться, выигравшему обещает в подарок чёрного барашка. Говорят, во всей Грузии и в Азербайджане никому не удалось у него выиграть... С ним наш белоканский аварец будет бороться, – добавил он.

В дальнем углу молодой человек надел гужгат (корот-

кая рубашка) без рукавов и нацепил пояс, приготовившись к схватке. Вдруг из-за моей спины, рассекая толпу, вышел красивый парень, обнажённый по пояс. Он был сложен как греческий атлет, загорелые плечи, могучие руки, каждая мышца выделялась. Надев гужгат с поясом, он подошёл к распорядителю. Народ шумел, из-за гула толпы было не разобрать, о чём говорят в центре. После непродолжительных переговоров все разошлись по своим местам и отдан был сигнал начинать схватку.

Грузин начал очень уверенно, схватил нашего за пояс и оторвал от земли. Через мгновение наш борец тем же приёмом швырнул соперника через себя прямо на землю. Весь базар заревел от радости. Народ побежал обнимать победителя. Когда я пробрался ближе, узнал его. Это оказался пропавший из Белокан старший сын моего друга Ибрагима. Тот самый сын, который, чтобы утолить голод, питался ягодами и каштанами, добытыми в лесу. Я обнял его, поздравил, но из-за рёва и шума сумасшедшей толпы не смог ни о чём его спросить. И я ушёл...

А у моего сына, которого я кормил икрой, ничего не вышло. Я ничего не понимаю, может, для того, чтобы они вышли в люди, их надо лишать всего и на улицу выгонять?.. – с горечью сказал Сулейман.

– У меня, педагога с пятидесятилетним стажем, не было однозначного ответа на этот вопрос. Каждого человека Всевышний одарил талантом, только его надо выявить и раз-

вить, – закончил отец свой рассказ.

Охотник

– Всем селом охотились они... У них, у камилухцев, веками сложившаяся традиция охоты, в отличие от других аулов Джурмута. Они не идут, как другие, когда вздумается, идут только в сезон. Как только горные вершины покроются снегами, начинается охота на туров. В это время у них бывает самое вкусное и жирное мясо. Я тоже любил это дело в молодости, много ходил на туров, на медведей. Был неплохим охотником. Но нет бараката в этом деле. Не зря ведь рассказывают, что горная серна сказала: «Чтобы съесть моё мясо, охотнику придётся сперва своё мясо есть». Имеется в виду «нелегко будет ему меня достать». Тяжёлое и очень трудоёмкое дело это. В подтверждение тем словам эти мои ноги, – сказал, указывая на больные суставы, отец.

– А что у камилухцев?.. – спросил я, возвращая отца к воспоминаниям.

– У них порядок в плане охоты. Отправятся человек 15–20, организуют сураг (загон дичи на стрелка), перебыют 20–30 штук и всё мясо делят поровну между собой. В остальное время года не ходят, охота закрывается.

– Если всё делить одинаково всем, это ведь нечестно будет. Быстрый молодой меткий стрелок и человек, не очень удачливый в охоте, как могут получить равные доли?

– Делили поровну, но остаётся определённое преимуще-

ство за тем, кто попал в дичь. Он забирает вместе с долей мяса ещё рога и шкуру.

– Неужели не было ни одного человека, который бы нарушал традицию? Если кто-то захочет сам без толпы пойти, это разрешается?

– Так-то могли ходить, штрафа или наказания за это не было. Просто люди были привыкшие, как волки, к «стайной» (командной) охоте. По их мнению, так было удобнее. Был один охотник, который не любил участвовать в этих охотничьих «кампаниях». Чаще всего ходил сам, и обязательно возвращался с дичью. Я был с ним в приятельских отношениях. Его звали Могорил АсхIаб. Такой умный мужик был, с юмором. Долго не мог я понять секрет его удачливости. Нельзя сказать, что он быстрее нас, уже в возрасте был. Стрелял тоже не лучше многих из нас. Но он бил без промаха и всегда с дичью возвращался. Поинтересовался я однажды у АсхIаба, в чём секрет. АсхIаб с хитрым прищуром посмотрел на меня, улыбнулся и сказал:

– В чём секрет, спрашиваешь? Я дичь убиваю терпением и медлительностью.

– Медлительностью? – повторил я в недоумении. – Как медлительность может пригодиться на охоте?

– Именно так. А вы с Исфаком как сумасшедшие бежите за турами по горам. Иногда попадаете, но чаще без ничего остаётесь. Вы хотите бежать быстрее тура. Это не дело, тур и олень быстрее человека, это глупое и бесполезное дело, –

бросил АсхIаб и опять усмехнулся. – Их надо брать терпением.

– Как именно? Кроме как идти на тура и ждать удобного момента для выстрела, что там может быть? – спрашиваю я.

– Долго надо ждать, чем дольше ты ждёшь, тем больше у тебя вероятность получить добычу. Я готовлю себе еду на целые сутки, беру военный бинокль, поднимаюсь туда, где обычно бывают туры. И в каком-нибудь овраге или местах водопоя сижу терпеливо с биноклем. Всё время смотрю, есть ли что-нибудь на горизонте. В течение суток обязательно появится что-нибудь. Будь это тур или олень, косуля или козёл горный, а если очень повезёт, появится сам XIераб с медвежатами (*XIераб – «старый». Так называют джурмутовцы со стародавних времён бурого медведя. Особое отношение к этому животному в горах Антратля. Есть ритуальные мероприятия, фольклор, песенки и причитания, связанные с медведем. С чем это связано, трудно предположить, оставим это на изучение этнографам*).

– Вот тут начинается самое сложное, нужно ждать их приближения, – продолжил он. – Глупые, суетливые люди пытаются идти навстречу, ползком или на четвереньках добираться. Дичь очень легко чует запахи и малейший шорох, один неосторожный шаг – и ты теряешь её. Надо ждать, пока она сама к тебе направится. Если в лесу живут олени и ты возле речки, не может быть такого, чтобы они хоть через 10 часов не прошли на водопой мимо тебя. Жди и не торо-

пись с выстрелом. Как-то пошёл я на охоту, один пошёл, как обычно. Вижу, огромный бурый медведь исчез в зарослях кустарников. Осмотрелся я, а там пещера небольшая. Иду в село, беру винтовку, тулуп, еды и питья на сутки и возвращаюсь к берлоге. Сижу напротив неё, метрах в 20 наготове с ружьём.

Прошёл целый день, не вышел медведь. Я сижу себе, жду, чтобы время скоротать, бубню под нос и для себя, и для медведя: «Мун боана-а-а, дун воана-а, мун боана, дун воана-а, балазиха, ХИераб, кисал бегзылала» (Ты там посидишь, я тут посижу, посмотрим, Старый, кто из нас выиграет).

Вдруг раздался хруст веток перед берлогой – и выскочил Старый. Я прицелился в его сердце и выстрелил. Медведь упал, от шума выстрела со склона горы пошла большая снежная лавина прямо на него, унесла мою добычу. Внизу была речка и небольшой водопад. Я побежал к водопаду, вижу, вместе со снегом полетело что-то огромное, чёрное, лохматое. Не было смысла там возиться, я вернулся домой. Никому ничего не сказал, а утром с кинжалом и лопатой направился к водопаду. Нашёл место, где лежал убитый медведь, выкопал его, снял шкуру и направился в Камилух, – закончил АсхIаб свой рассказ.

Он ушёл в мир иной давно, да направит Аллагь его в рай, не зря ведь говорят: человек не умер, если он в памяти людей жив, – добавил отец.

Отец ещё много историй рассказывал о жизни в горах,

о людях, о событиях. Зимой бывает в Махачкале со мной, смотрит телевизор, читает газеты, иногда с чётками поднимается на верхний этаж, чтобы посмотреть, не наступила ли весна. Весной он едет в горы. Порой мне кажется, перебирая чётки, он считает свои счастливые дни, свою молодость в горах, своих лошадей и оружие, альпийские луга, хвойные леса, изумрудные чистые речки, снежные вершины, охоту на тура и медведя.

Отец и помидоры

– Это было в конце 40-х годов прошлого века, – рассказывает отец, – я, будучи учеником шестого класса, был назначен секретарём Герельского сельского совета из-за острой нехватки кадров в селе. Получил свою первую в жизни зарплату, был безгранично рад и заглянул в магазин в райцентре что-нибудь домой купить.

Выбора большого не было. Купил школьные принадлежности, пенал для карандашей, ещё что-то, а дальше ищу что-нибудь съедобное. Завмаг кивнул головой на полку, а там стоит двухлитровая баночка. Внутри какой-то сок и чуть продолговатые красненькие фрукты плавают, размером с маленькие яблоки, но не яблоки. Спросить тоже не рискнул, я же секретарь целый, не рядовой человек, попросил баночку, будто я постоянно покупаю такое. Заплатил, завернул, положил аккуратно в рюкзак и направился в село.

От райцентра до аула более 40 километров. Была поздняя осень, и заснеженная узкая тропинка то поднималась от реч-

ки вверх в горы, то обратно спускалась к речке. По этому серпантину, извилистой, опасной тропинке надо было идти более 7 часов без остановки. С большим трудом к вечеру добрался до аула. Было суровое послевоенное время, дома братья и сёстры голодные. Когда я появился с рюкзаком, их радости не было конца. Сел, не успев передохнуть, и начал развязывать рюкзак. Вытащили баночку, все в восторге и в предвкушении. Такого наши раньше никогда не видели, ясно, что съедобное, но никто не знает, что это и какого вкуса оно.

Пошли позвать соседа, сельского учителя, чтобы открыть банку, не разбивая. Учитель тогда в селе был в особом почёте. Он пришёл, взял баночку, открыл ножом крышку и вытащил оттуда что-то похожее на яблоко.

– Ну, ребятки, шас посмотрим, что за фрукт привёз нам Исмаил, – сказал учитель и укусил чуточку. Тут же лицо его сморщилось, он побежал к порогу и выплюнул. Мы все в полном недоумении. Взял я и тоже попробовал. Это было что-то отвратительное, то ли кислое, то ли солёное. С трудом проглотил то, что откусил, ибо жалко было себя, ведь по зимней дороге больше 40 километров это тащил. Но больше не захотел. Думаю, может, кому-нибудь из братьев понравится, голодные же, но они тоже выплюнули.

Через несколько минут вышедший учитель вернулся:

– Это солёные помидоры, я ел это в Цоре, но они там не были такие солёные, это что-то непонятное ты купил, Ис-

маил, они вкусные бывают, – сказал учитель и ушёл. Было полное разочарование и досада от неудачной покупки. Выкинули помидоры и легли полуголодные спать под большой овечий тулуп все вместе, чтобы не мёрзнуть в длинную осеннюю ночь. Но мама моя очень обрадовалась стеклянной баночке. Тогда в горах большой редкостью была стеклянная посуда. Она её поставила на самом видном месте на полочке. Всем сельчанам показывала и хвасталась, что Исмаил купил целую банку помидоров, помидоры, мол, съели, вот и баночка. Вот так бывает, когда человек не привык к какой-то еде. В горах, когда не было автомобильной дороги и связи с внешним миром, горцы не знали, что такое помидоры. На спинах лошадей и ишаков возили более необходимый и ценный продукт, не до помидоров было.

– Поэтому у меня особые отношения с помидором, – сказал отец, бережно взял со стола небольшой помидор, внимательно его рассматривая. – Потом мы «подружились», когда я учился в интернате в Изберге, прямо с колхозного поля брали и ели. Вкуснее всего он не в салатах всяких, а вот такой, целый. Порезать пополам и есть.

Отец с нами много не разговаривает, но в неделю раз иногда выдаёт что-то. Иногда весёлое, порой грустное, ещё чаще бывает, что история вроде простая, без затей, как эта, с помидорами, но она удивительно раскрывает жизнь и быт горцев того времени.

Ещё одну забавную историю о себе, о помидорах и студен-

ческой стипендии рассказал нам младший брат моего отца, мой дядя. Но об этом в другой раз, а то для одного «блюда» слишком много получается томатов.

Рассказ фронтовика

Отец рассказывал о слепом преподавателе, участнике войны (то ли Леонид Яковлевич, то ли Яков... одним словом, забыл я имя и отчество его), который читал им лекции по истории Отечества на филологическом факультете ДГУ в конце 50-х годов.

– Преподаватель он хороший был, очень живая, эмоциональная речь и очень густой, сильный, хорошо поставленный голос. Генеральский голос. А сам худой, сухощавый, – рассказывал отец, – Однажды он читал нам лекцию о битве на Курской дуге. В середине лекции остановился, чуточку промолчал и говорит:

– Тут, ребята, я без одной детали, как говорится, без лирического отступления не обойдусь. Я сам участвовал в этой битве. Наш танковый батальон попал в засаду, и всех перебили немцы. Из всего батальона остался я и один молодой парень из Вологды. Володей его звали. У него было перебито левое предплечье и глубокая рана в области печени. Когда дым развеялся и немцы ушли, я подобрал Володю и потащил на себе подальше от места боя. Кругом ещё пылали пожары. Переночевали в небольшой роще неподалёку и утром вышли на дорогу. Володя не мог ходить, я помогал, с тру-

дом передвигался. Не было видно никакого человеческого жилья. Одно утешало – метрах в ста от нас через канаву был переброшен мостик, значит, неподалёку какая-нибудь деревня. Сел возле раненого друга, вытащил последнюю сигарету, разломил её на две части и предложил Володе. Он отказался, но вытащил из кармана мундштук с серебряной насечкой, протянул мне.

– Это тебе, Лёня, мне не понадобится больше, – сказал он охрипшим слабым голосом. Больше он ничего и не говорил, только стонал, бредил и через часок скончался. Я похоронил его чуть дальше на опушке и побрёл в сторону моста. Встал на мост, облокотился на перила, достал предсмертный подарок друга, воткнул папиросу в мундштук и... то ли рука задрожала, то ли ещё что, но упала моя папироса с мундштуком вместе прямо в середину канавы и пошла на дно. Я посмотрел на поверхность воды, от досады заплакал и побрёл по просёлочной дороге, сам не зная куда.

А дальше, – говорит отец, – вытер Леонид Яковлевич свои незрячие глаза рукавом и продолжил лекцию.

Наступило лето. Время экзамена. Леонид Яковлевич был очень строг, фактически никому не ставил пятёрки и грузил всех дополнительными вопросами. Зашёл я на экзамен, вытащил билет и там первый вопрос: «Битва на Курской дуге». Этот вопрос я хорошо знал и принялся рассказывать. Леонид Яковлевич слушал и одобрительно кивал. И тут я говорю:

– Я всё знаю по Курской дуге, Леонид Яковлевич, не толь-

ко что там наши и немецкие войска творили, но и про ваш мундштук знаю...

– Что? Какой ещё мундштук? – спросил Леонид Яковлевич в полной растерянности. Видно было, что забыл свой рассказ.

– Хотите, расскажу?

– А ну-ка... – сказал Яковлевич. И я начал рассказывать. Всё, что помнил, рассказал, со всеми деталями. В аудитории повисла гробовая тишина. И тут Яковлевич опять вытирает глаза, подзывает помощника и говорит:

– Поставьте ему пятёрку...

– Так он только на первый вопрос ответил, – отвечает помощник.

– Делай как говорю!!!

Помощник улыбнулся, взял зачётку, поставил пять и протянул мне, – заканчивает рассказ отец и смотрит куда-то мимо меня. Будто сам готов вытереть рукавом глаза, но не может себе такое позволить.

Урусы и даги на русском

Рассказывает отец:

– В начале 60-х меня, совсем молодого человека, назначили директором школы села Камилух – самого большого и отдалённого села Джурмута на границе с Рутулом и с Азербайджаном. Там не было ещё электричества и автомобильной дороги, люди жили оторванными от мира.

Приехала как-то в Камилух экспедиция геологов проводить разведывательные работы в наших горах. Поздняя осень, предвечернее время, джамаат сидит на годекане, и прямо к нам пришла эта делегация.

– Добрый вечер, – сказал старший экспедиции.

– Здравствуйте, – ответил один из учителей.

Был среди наших один чуть упрямый и скандальный старик, что реагировал на каждую мелочь. Он тут же замечание сделал учителю, почему, мол, глупости болтаешь. Тебе русский сказал «добрый», а ты что-то другое отвечаешь ему. Учителя посмеялись над его замечанием, объяснили, что не обязательно на «добрый вечер» отвечать так же. Геологи присели на камни годекана и долго беседовали с нами. Один из сельчан их пригласил домой, угостил, а утром геологи пошли своим маршрутом в горы. На следующий вечер заново собирается джамаат на годекане. Старик, который делал замечание учителю за «неправильный» ответ на приветствие, крикнул на годекане:

– Ле, учителал!!! Я кроме трёх слов ничего не понимаю на русском. У меня к вам один вопрос: вчера, когда вы тут говорили с урусамы, вы и наш директор Салдаса Исмаил на одном языке с ними говорили?

– Да, конечно, мы все говорили на русском, а на каком же ещё говорить? – ответил тот же учитель.

– ВахI, – сказал старик, удивился и спросил: – А почему тогда Исмаил с урусамы разговаривает точно как на на-

шем джурмутском, спокойно, мне казалось, что даже понимаю, что он говорит, хотя никогда я русский язык не слышал. А ваш русский какой-то другой, непонятный?

– Какой другой? Ты ведь не знаешь русского языка, – возмутились учителя.

– Вы, когда говорите на русском, у вас и лица меняются, и тон голоса какой-то непонятный, и глаза куда-то бегают. Такое ощущение, что вы говорите с джиннами, а не с людьми.

– А что, не так было? Почему старику так показалось? – спрашиваю у отца.

– Дело в том, что они, молодые учителя, которые приехали из города, очень старались говорить без акцента. Менялся тембр голоса, появлялась какая-то мимика, непонятные жесты не к месту. Чрезмерное рвение быть похожим на геологов всё портило. Это заметил не только я. Даже старик, который никогда не слышал русскую речь, почувствовал игру и неумелое актёрство, – говорит отец.

Согласен целиком и полностью, хотя отец мне даёт вольность иногда быть несогласным с ним. Мы должны стараться говорить правильно, но терять своё, дагестанское, необязательно, я бы даже сказал, нежелательно. Не лучше ли оставаться во всём самим собой? На мой взгляд, неважно, как ты это говоришь, важно, что и о чём ты говоришь, какая смысловая нагрузка, какую идею и какие чувства ты вкладываешь в то, что ты пишешь. А язык и стиль для передачи может

быть любим, главное, чтобы это было понятным и лёгким для восприятия, чтобы тебя узнавал читатель, когда рассказываешь. Не может одинаково рассказывать человек из Рязани и Камилуха, если даже говорит на том же самом великом и могучем русском языке.

Ищите мудрость в простоте

Когда я беседую с отцом, он и не подозревает, что я некоторые его истории записываю и с вами делюсь. Иначе наступил бы конец нашим беседам. Он не любит, когда его торопят и спрашивают. Приходится ждать, когда он сам разговорится. Иногда я за столом бросаю ему тему и жду, что он начнёт рассказ. Но не всегда он реагирует на это. Всё зависит от его расположения духа. Сегодня он долго был в раздумьях, по выражению лица я чувствовал, что назревает беседа. Так и случилось.

– В селении Тохота, где в середине 70-х я работал директором школы, был один набожный человек, – начал отец.

– Нурмухаммад? Учёный-богослов... я слышал, что он ещё при Советах учился то ли в Самарканде, то ли в Бухаре, – говорю я, чтобы поддержать разговор.

– Нет. Я не о нём. Нурмухаммад, о котором ты говоришь, был действительно учёный, знал блестяще исламское право (фикъги). Очень чистый душой набожный человек, отшельник, аскет. Он спал на тонком сумахе, делал ибадат (богослужение) и всё время молчал. Мало кому удавалось с ним

беседовать. За два года моей работы в их селе лишь один раз услышал я его голос. Он отвечал только тогда, когда с исламскими вопросами к нему приходили люди, но сам с проповедями ни к кому не шёл. Но я сейчас не о нём. Был ещё один набожный человек в Тохота.

Его звали Хавал Мухама. Он случайно оказался среди абреков и, судя по всему, не мог от них уйти. Был у него из того же села друг-абрек, тохотинцы звали его Чехь Мухама (чехь – «живот», «пузо». Пузатый Магомед получается на аварском). Они вместе с Хавалавом партизанили в молодости, крали коней, угоняли скот, что попало делали. Сам Хавалав по натуре был человеком незлым. Но связался с абреками и, судя по всему, не мог от них уйти.

В середине 30-х все бандформирования в Антратле и в цорских лесах были ликвидированы силами НКВД. Оставались ещё несколько человек, которые не составляли большой угрозы для органов власти, но и с повинной к новой власти они не явились. Такими были Хавалав и его друг-абрек Чехь Мухама из Тохота. Они свободно приходили в село к родне, а чуть что – убегали и уходили в Цор.

Однажды поздней осенью Хавалав и Чехь Мухама, сидевшие на веранде одного из домов в Тохота, увидели, как двое работников НКВД перешли речку и направляются в аул. Абреки убежали обходными путями к реке Джурмут, им надо было перейти через деревянный мост и оттуда уже двигаться в Цор. Когда дошли они до середины моста, на-

встречу вышел человек и крикнул:

– Руки вверх!!! Не двигаться!!!

Хавалав сперва поднял руки, потом лёг прямо на мосту лицом вниз, не шевелясь. Его дерзкий друг резко повернулся обратно, но, увидев и там человека с ружьём, камнем бросился вниз. Раздались выстрелы. С обеих сторон вдоль реки бегали работники НКВД. Они расстреляли бросившегося в воду абрека, труп унесло течение. Хавалава взяли живым.

По рассказам тохотинцев, ему как-то удалось доказать милиции свою невиновность, и вскоре он был освобождён. Он жил в ауле Тохота, когда я работал там директором школы. Каждый день он направлялся к речке возле аула. Там в укромном месте был небольшой навес, куда люди приходили молиться. Здесь и пропадал целыми днями Хавалав. Однажды он остановил меня и сказал:

– У меня корова упала с кручи. Говорят, государство даёт компенсацию в таких случаях. Ты не можешь мне помочь, Исмаил, в этом вопросе? Там, в районе, мой язык не поймут и дальше порога меня не пустят, если пойду с этим вопросом. Если можно, помоги.

Я сдал необходимые документы в госстрах, и мой приятель пообещал как можно быстрее решить этот вопрос. Вскоре мне сказали, что Хавалав получил деньги из госстраха. Я не видел в том своей заслуги, ведь деньги эти причитались Хавалаву по закону.

После этого прошло не очень много времени. Была ран-

няя осень. Субботний день. После рабочего дня я сел на своего гнедого иноходца и направился домой в Салда. Доскакав до речки, к месту, где в тени навеса любили молиться многие тохотинцы, я увидел Хавалава. Он как раз встал со своего места и собирался обратно в село. Увидев меня, он поднялся на дорогу навстречу мне. Я слез с коня, поздоровался, спросил о самочувствии. На все вопросы он отвечал с большим уважением и благожелательностью. За всё старик благодарил Аллаха. Попрощавшись, я хотел сесть на коня, но он подошёл и взял коня за узду:

– Исмаил, я ничего не забыл. Ты меня выручил в том вопросе, я деньги получил за корову...

– Да бросьте вы, дядя Мухама, это ваши собственные деньги, какая тут благодарность!

– Послушай меня, Исмаил, я старый, недолго проживу ещё. Жизнь на закате. За твоё добро что я могу сделать? Денег у тебя больше, чем у меня, ты молод, при должности, я не знаю, что тебе дать...

Желая дать понять, что не стоит об этой мелочи говорить, я вдел ногу в стремя и сел на коня. А Хавалав всё не отпуская узду, хотя конь мой бил копытом, готовый ветром унести меня с места. Он продолжал разговор снизу:

– Что я могу тебе дать?.. Я могу тебе один совет дать...

– Вот совет дать можно! – обрадованно сказал я, надеясь, получив совет, поскорее направиться домой.

– Ты, Исмаил, никогда... никогда в жизни не пропускай

намаз – это мой совет, намаз не пропускай, если даже ты директор школы.

Я молился, когда оказывался в кругу людей, которые молятся. Он знал это. Когда возвращался домой и оставался один, тоже молился, но пропускал тоже очень много. То было время вопиющего невежества и безбожников. Из-за этого очерствели души. Но я находил оправдание, теша себя мыслью: хорошо хоть, когда есть возможность, молюсь и не уподобляюсь этим безбожникам. Вот такие ухищрения шайтана вводили в заблуждение нас.

– Хорошо, дядя МухАма, не пропущу, не всегда получается из-за работы, постараюсь не пропускать, – сказал я, попрощался со стариком и продолжил путь.

Когда я оглянулся, фигура согбенного старика медленно удалялась, с большим трудом преодолевая путь к своему дому. Я был молод и полон сил. В кармане деньги, подо мной красивый конь-иноходец, хорошая для того времени одежда, и казалось, что я таким родился, а ХАвалав будто всегда был старым. Над его советом «не пропускай намаз» я, одурманенный молодостью и парой сотен граммов кахетинского, смеюсь и думаю: «Кто не знает, что молиться лучше, чем не молиться? Ну и совет у тебя, ХАвалав».

Через пару лет я перевёлся обратно в Джурмут директором школы.

Пятьдесят лет я проработал в системе образования, но время это пролетело как мгновение. Свою работу я обо-

жал. Вышел на пенсию, начал размышлять о прошлом и осмысливать пройденный путь. За годы работы мне доводилось встречаться со многими считающимися умными, образованными людьми: с докторами наук, высокопоставленными чиновниками. Восстанавливая в памяти вереницу минувших событий и явлений, лица, образы, людей и прокручивая их в голове, я пытался понять, что же было самое ценное, самое важное и самое стоящее в моей жизни. Оказывается, всё было ничтожным и самообманом. Когда мысленно пропустил всё через сито времени, обнаружил, что остались только, как желанные крупинцы золота, те до безобразия простые слова Хавалава из Тохота, над которыми я смеялся в возрасте 35 лет: «Вореха, ИсмагИл, дульа как толу гуй!» (Исмаил, никогда ты намаз не пропускай!).

Сегодня мне приходится с больными ногами по нескольку часов мучиться после каждой молитвы, чтобы наверстать упущенное, и каждый раз я вспоминаю этого мудрого старца и делаю дуа за упокой его души. Совет-то он дал ценнейший, беда в том, что я это понял слишком поздно. Хавалав оказался самым мудрым человеком в моей жизни, – сказал отец и замолчал.

И мы за столом молчали, ибо любое слово было бессмысленно.

Как шайтаны и люди

встречали моего отца

В прошлый раз отец рассказывал о некоем Хавалаве из Тохота, который превратился из абрека в проповедника. Но последующая история отца не менее интересна, она тоже связана именно с тем периодом.

«Расстался я с Хавалавым у тохотинской речки и направился в Салда. Когда спустился по крутому серпантину к месту, где сливаются воды Тлянадинской и Джурмутской рек, стемнело, – начал отец свою новую историю. – Конь под мою был надёжный: не пугаясь, перешёл реку вброд и крутой подъём в сторону Джурмута преодолел, как будто дорога пролегла по равнине. Неподалёку от Тлубурда я услышал голоса и незнакомую заунывную песню на старинную мелодию. Меня очень заинтересовала эта компания, и я пустил коня вскачь. Бег коня был подобен аэроплану, ровно и красиво рассекающему облака в небе.

Лунная осенняя ночь, перестук копыт, шум реки и песня, которая звала и манила, сложились в картину, где время будто застыло. Прошрое и будущее слились, как Тлянадинская и Джурмутская реки. Я гнал сквозь ночь своего коня, звучала песня, и казалось, так было с начала времён и будет длиться вечно – вплоть до Судного дня.

Дальше Тлубурда, ты должен это место помнить, дорога петляет через каждые 50–100 метров. Голоса людей и песня звучали совсем близко. Я думал, ещё один поворот – и я увижу пламя костра и тёмные фигуры людей перед ним.

Но стоило мне повернуть, как голоса и песня исчезли, будто и не было их. Кругом гробовая тишина ночи, шум Джурмута, и конь подо мной кружит на одном месте и не может отдышаться. Тут запели опять, но уже сзади, оттуда, где я проехал минуты две назад. Но как такое может быть? Там узкая тропинка и кругом отвесные скалы.

Я застыл на месте, почувствовал себя совсем маленьким и беззащитным перед лицом чего-то необъяснимого и пугающего. А песня и голоса звучали всё громче, будто догоняли. Тут меня охватил настоящий страх. Думаю, вот он, мир шайтанов и джиннов, над которым я насмеялся, когда люди говорили о них. Я вскочил на коня и пустил его во весь опор. Ещё метров пятьдесят меня сопровождала эта загадочная, непонятная песня и голоса людей...

Мало кому я об этом случае рассказывал – могли принять за сумасшедшего. Те немногие, кто услышал это от меня, вполне спокойно отнеслись к истории и объяснили, что есть там места, которые, по преданиям, считаются территорией шайтанов.

Пару дней я думал о случившемся, а после решил забыть. Забыл. Вернулся к обычному рабочему графику директора Тохотинской школы. Наступила зима. Начались холода. Я жил у своего кунака Абдулы. Он был очень добропорядочным, совестливым мужиком, относился ко мне как к родному сыну. Со всеми тохотинцами я подружился. Однажды решил на выходные к себе, в Салду, пойти. После работы за-

шёл к кунаку, попрощался с ним и отправился в путь.

В предвечернее время я вышел из Тохоты. К вечеру прошёл Тлянадинскую речку и приблизился к Тлубурда – к тем серпантинам, где мне осенью шайтаны концерт дали. Я о них забыл и не вспоминал, пока не дошёл до того места, где услышал тогда песню. А когда вспомнил, мне как-то нехорошо стало на душе.

Смотрю на дорогу и вдруг вижу: на том месте, где шайтаны устраивали мне концерт, горят какие-то непонятные огоньки. И мало того, что горят, так ещё и не стоят на месте, перемещаются. Дрожь по телу прошла. Стою на одном месте посреди тропинки и думаю, откуда же тут огни и свет, если ни одного села нет поблизости?

И как мне быть? Стоять, пока исчезнут огни, нет смысла. Вернуться обратно в Тохота невозможно: лучше тут умереть, чем с этим позором явиться в чужое село. Что я там скажу, что на дороге огни горели?

Решил – будь что будет, пойду прямо. Сердце с каждым шагом всё сильнее и сильнее билось. Вот я на расстоянии пятидесяти метров, двадцати, десяти метров... Огни всё там же, никуда не пропали. Сверху и снизу отвесные скалы, узкая тропинка, и мне никак не разминуться. Ноги тяжёлые стали, но я шагал. Подошёл совсем близко, на расстояние вытянутой руки; один огонёк пропал, другой горит. В полумраке перед моими глазами возникли две человеческие фигуры, сидящие у тропинки. Я, сам не понимая, что делаю,

крикнул:

– Л-е-е-е!!!

– Я ле валлагь!!! – ответил один, и оба встали. Дрожь прошла по телу, я как вкопанный стоял на месте и не мог ничего сказать. Тут один из них бросает огонёк на тропинку и наступает на него. Всё сразу встало на свои места. Я почувствовал запах табака, пугающий меня огонёк стал тем, чем был в действительности – горящей сигаретой, а «шайтаны» – обычными путниками.

– Ты же Исмаил из Салда? Наш директор... Что с тобой? – спрашивает человек в темноте.

Я узнал его по голосу, это был мой знакомый из Саниорта. Они с другом работали в Джурмуте и сейчас возвращались домой. Остановились передохнуть и курили у дороги. Мы пообщались недолго. Я не рискнул рассказать этим людям о своей осенней истории. С одной стороны, неудобно мужчине признаваться, что так испугался. А с другой... А с другой, как узнать наверняка, люди это или всё же шайтаны? А вдруг они только и ждут, что я сейчас успокоюсь, расслаблюсь, и они смогут снова затянуть свою опасную, но прекрасную песню...

Как мои предки понимали ислам

(История похищения грузинского мальчика)

– Мой прадед Малу из Чорода был гъазияв (борец за ве-

ру). Говорят, один большой алим из внутреннего Дагестана, посетив кладбище в селении Чорода, остановился возле его могилы и сказал: «Это могила гъазиява, я вижу. У него во лбу пуля есть, а сейчас он один из обитателей рая». Человек, который посетил могилу, был с кашфу караматом (по исламу – ясновидящим). Вот такой был мой предок, не то что твои, – говорит мне мама и смотрит на меня и на отца моего, у которых нет в роду газиев.

– Ты зачем эту глупую старуху провоцируешь? Оставь её, это их «творчество», они большие сказочники, – говорит отец мне и машет рукой.

Я смеюсь над их спором и опять провоцирую маму. Она продолжает:

– Когда ваши салдинцы (Салда – отцовское село) у очага картошку пекли, мои предки Алазани переплывали и по Шираку скакали – кто за Гилму (наукой), кто на чабхъен (набег).

Отец готов к отпору:

– Кто твой предок, который Гилму знал? Твой отец мог пару слов на аджаме писать – не больше, и всю жизнь чабановал, и отец его тоже был чабаном...

– У меня с материнской стороны был мудрейший дед Малул Омар! К нему ходил весь Азербайджан и Гуржистан за советом. А его отец Малу – гъазияв (шахид). И ещё Галимасул Тинав – гъази (борец за веру), похороненный в Мазуме, тоже из нашего села, с моим прадедом в походы шёл!

Каждый раз, когда начинается такой спор, я узнаю о но-

вых интереснейших персонажах. О некоторых мне доводилось слышать, но вскользь, и я не знаю подробностей. Очень хорошо, что она зацепила отцовскую сторону, думаю я – теперь отец не сможет отмолчаться, и разговор не заглохнет.

– Люди, которыми она хвастается, были. Но никакие это не борцы за веру, обыкновенные глупцы и разбойники, которые сами не понимали, что творили. Они рассказывают историю о грузинском мальчике, которого их предок украл в Грузии и держал, пока не дадут выкуп. Это обыкновенный бандитизм и джахилия (невежество) с точки зрения ислама, – говорит отец. – Украли они из Тушетии семилетнего мальчика. Он оказался сиротой. Мать была у него, а отца не было. Звали мальчика Зураба.

– У Малу была большая семья, с трудом он кормил своих детей, а тут ещё бичИкЮ (мальчик – с грузинского), они и не кормили его. Он, бедный, то тут, то там подрабатывал. Зураб провёл несколько лет в Чорода, никто не торопился привезти за него выкуп. Позже один тушинец передал, что и мать его тоже умерла.

Малу его держал с надеждой, что выкупит кто-то из родственников. Мать у Малу была очень набожная женщина, и всё время сына умоляла, чтобы отпустил Зурабу обратно в Цор, что она боится Аллаха и не верит, что по религии разрешается держать людей для выкупа. А мальчика из жалости утешала и успокаивала:

– Отпустим тебя, сынок мой Зураба, как только снег рас-

тает и откроется перевал в Цор, отпустим.

Однажды, когда она в очередной раз произнесла эти слова, Зураба зарыдал и сказал на ломаном джурмутском диалекте в ответ:

– Эбел гьечу, пайда гьечу (Нет моей матери больше в живых, и не будет пользы от разговоров).

Он от кого-то слышал, что его мать умерла. Заплакала вместе с Зурабой мать Малу, пригласила к себе сына и сказала:

– Я отказываюсь от тебя, ты мне больше не сын, если не отпустишь этого мальчика.

После этих слов Малу должен был отпустить бичИкЮ. Была зима, перевал закрыт, добраться до Цора невозможно. Зураба каждый божий день смотрел на снежные вершины гор, окружавшие село, на реки и леса и искал признаки весны. Скучал он по тёплой солнечной Грузии, и его очень обрадовали слова Малу, что отпускает его домой.

Наступила весна, люди начали пахоту, а перевал всё ещё был закрыт.

Первыми через Большой Кавказский хребет со стороны Цора сюда приходят олени, только после их прихода идут люди в Цор.

В один день Зураба с голоду пошёл на пашню, выкопал себе земляных груш, корней растений и вечером ел их на веранде. Когда дети Малу слышали, что Зураба что-то ест, прибежали к нему и стали требовать:

– Ле, бичю, что за жикъ-жвакъ там, что кушаешь?

В ответ Зураба сказал им:

– Если вы утром от меня «две, дами» (налей, положи еду) не слышали, сейчас «жикъ-жвакъ» тоже не должны слышать.

Утром, когда они ели, он бегал вокруг и просил поесть на ломаном джурмутском. Они его прогнали, вот и получили такой ответ вечером.

И поныне на джурмутском диалекте есть пословица: «Но-кЮ две дами риѳЧаса, гѳеже жикъ жвакѳги риѳлу гуй» (Кто не слышал утром «налей, положи», сейчас «жикъ» то, что я кушаю, не должен слышать).

Зурабу отпустили. Однако он вернулся через пару лет на перевал к чородинским чабанам, объявил куначество. Говорят, в его хурджунах были красное вино и чёрные козлята, чѳѳ мясо сладкое, как сон. Было ли это, мне сложно сказать, может быть, их, чородинцев, творчество, они неплохо сочиняют, – говорит отец и кивает в сторону мамы.

– Было, это всё было, и не только это. Говорят, когда играли свадьбу Зурабы, тамада поднял весь грузинский джамаат за столом и произнёс длинный тост за здоровье матери Малу, и с большим уважением выпили все, – отвечает мама, довольная полной капитуляцией салдинцев, то есть моей и отца.

– Вот такие гъазизаби у них, за здоровье которых грузины поднимают вино, – говорит отец и смеётся.

– И какова судьба самого Малу? – спрашиваю у мамы.

Она не могла ответить ничего конкретного, и тут вмешался отец:

– У себя дома от старости умер он. По их сказкам, в одном из походов его ранили. Пуля попала в лоб. Почему-то она не вошла вовнутрь черепа, и её не извлекли оттуда. Вот такой странный лоб и странная пуля, которую какой-то шейх через 100 лет увидел, стоя у могилы Малу в Чорода, – говорит отец.

Мне не очень интересен был Малу и его история с Зурабой, хотя он мне и предок по матери. Как-то от покойной бабушки слышал я слова оплакивания одного молодого человека, она читала их для себя. Когда я поинтересовался, о ком это, она ответила:

– Это про храбреца – гъазиява Галимасул ТИनाव.

Вот он был в моей памяти с самого детства, но кроме отдельных обрывков, цельной истории об этом загадочном человеке я не слышал.

Я пытался подвести отца к разговору о нём, но вмешалась мама и повернула к своим предкам, которые были мне менее интересны. А ТИनाव и его судьба – это сплошная кровавая вендетта в горских традициях. Он был дерзок и непредсказуем. Как и все храбрецы, он не думал о последствиях, и судьба его безжалостно наказала. За безрассудство и подвиги. Хотя были ли они подвигами? Судите сами.

Набеги в Гуржистан:

газават или грабёж?

– Галимасул Тинав, по словам предков, был человеком отчаянной храбрости. Но в этой храбрости было больше безрассудства, нежели трезвого ума и воли. Некоторым его поступкам нет объяснения, – говорит отец.

– Что он не так делал?

– Из того, что я слышал, всё не так делал. Много людей пострадало от его набегов. Не только со стороны грузин, но и с нашей стороны. Как рассказывают, он шёл на чабхьен (набег) с небольшой группой всадников, крал детей, угонял табуны лошадей, отары овец. Понимаю, была война, и с грузинской стороны приходили к нам карательные экспедиции. Но...

Из Тушетии в Джурмут забрать что-то – это полдела. То, что ты забрал, ещё защитить надо. Они ведь за полдня с войском приходили отбить угнанное, и отбивали порой.

Очень часто тушинцы шли походом на нас и наши маленькие аулы сжигали. А бывало, что джурмутовцы страдали не за свои набеги. Пройдут походом аварцы из внутреннего Дагестана в Грузию, так первый удар от разъярённых тушинцев принимали на себя люди, которые ближе к ним. Потому джурмутовцы находились в постоянной боевой готовности.

Были и дипломатические отношения с грузинами. Но для таких, как Тинав, правил не существовало, они только напа-

дали и портили эти отношения. Он был блестящим наездником, стрелял метко и был хорош в рукопашной. Давла (трофеи) после набега делил честно, не обижал друзей, которые шли с ним вместе на дело, часть оставлял для вакъфу (нужды мусульман), не обделял сирот и бедных.

Вот почему, на мой взгляд, он впоследствии стал почитаемым в джамаате и шахидом. Кормил голодных набегами. Но когда имя его и слава заставили трястись от страха приграничные сёла Грузии, он ослеп от самоуверенности.

Однажды поздней осенью он с другом пошёл на тушинцев, отбил у них отборную отару красивых овец – ярлок чёрного цвета тушинской породы, убил чабанов, взял в заложники 14-летнего мальчика и возвращался в Джурмут.

Это было время, когда джурмутские отары спускались на зимовку в Цор, в горах выпал снег, но перевал ещё не был закрыт. Тинав хотел успеть до закрытия перевала перейти в Джурмут через Большой Кавказский хребет, продержаться там до весны мальчика, а потом вернуть за выкуп, а отара овец – это своего рода садакъа (милостыня) для мусульман за горами.

Но осенью дни короткие. Сумерки настигли их на грузинской стороне, недалеко от места стоянки соседей-чабанов. Чабаны эти – Роз и Ванат, приходились Тинаву родственниками, они были братьями его жены. Там и заночевали, привязали бичикю к дереву, чтобы не убежал, а отару охраняли с оружием в руках по очереди.

Рассвело, и они отправились в путь. Через большие и непроходимые цорские леса поднялись на перевал. Был пасмурный день, на перевале падал снег. Впереди на лошади был сам ТИнав, в середине отару гнал мальчик-грузин, а замыкающим был друг ТИнава по набегу, джарский аварец.

Снег шёл всё сильнее и сильнее, буря усиливалась. В океане снега и бури с трудом можно было разглядеть отару чёрных овец – тёмной лентой тянулась она по узкой тропинке. На подступах к перевалу дорога пошла серпантинном, обрываясь в овраги с ручейками. И увидеть отару целиком стало сложно.

Как поднялись на открытое место на самом верху, ТИнав обнаружил, что друг из-за встречного ветра дальше себя ничего не видит и идёт с трудом, а похищенный мальчик исчез.

ТИнав поднялся повыше и увидел, как бичИкЮ то катится камнем, то поднимается и бежит, и всё больше приближается к лесу, за которым лежит Грузия. Ничего не оставалось, кроме как стрелять. Если уйдёт, сдаст односельчан, которые принимали их ночью.

Выстрелил ТИнав трижды, от сильного ветра и снега невозможно было прицелиться, да и расстояние было приличное. Мальчик достиг леса и исчез из виду, искать его там – всё равно что иглу в стоге сена.

ТИнав оказался в ужасном положении. Друг с трудом передвигал ноги, выбившись из сил и замерзая. Овцы отказывались идти навстречу снежной буре, бичИкЮ сбежал, он

может дойти до грузин и передать им, у кого джурмутовцы останавливались.

И непонятно, что легче: до Джурмута добраться, или вернуться в Цор. Друг начал просить, чтобы пошли домой, в Джурмут. Но лошадь дальше идти не могла. ТИнав решил отогнать её в сторону Цора – может, доберётся до леса, выживет. Стемнело, когда они с большим трудом добрались до небольшой пещеры, в которой могли укрыться два человека.

Буря на перевале волком выла всю ночь. Отара превратилась в чёрный ком – так тесно овцы прижались друг к другу. Когда рассвело, друзья не могли понять, в каком направлении им идти. Весь мир был одной снежной стихией, не различишь, где небо, где земля.

Друг стонал от боли в ногах и дрожал от холода. О перегоне овец не могло быть и речи. Надо было спасаться. Оставив джарца и отару в пещере, ТИнав направился домой, звать людей на помощь. К вечеру следующего дня он добрался до Чорода полуживым.

– А отара овец? Лошадь? – захваченный рассказом отца, спросил я.

– Говорят, через пару лет нашли седло и хурджины недалеко от местности под названием Онжо чІвараб (там, где убили некоего Онжо). Сама лошадь пропала. Джарца нашли мёртвым, он замёрз и умер. А отара чёрных барашков стала трапезой для стаи голодных волков. Старики рассказыва-

ли, что по речке Больоор от водораздела в сторону Джурмута долго ещё находили клочья чёрной шерсти и куски шкур. Это была ужасная картина.

– О мальчике, который убежал, известно что-либо?

– Мальчик в ту же ночь добрался до дома, в Тушеттию.

На следующее утро он поднял весь аул и прямо вывел их на чабанов, где провёл ночь привязанным к дереву.

Озлобленные грузины, у которых убили чабанов и угнали овец, не пощадили братьев жены ТИнава. Их забрали в один грузинский город, заперли в какой-то крепости.

А отару их теперь пасли грузинские мальчики.

Окошко камеры, где разместили арестованных, как раз выходило на этот луг, и они могли видеть своих овец. Говорят, что как-то старший из братьев не выдержал и крикнул, и овцы, узнав голос, заблеяли на всю округу. Животные ведь чувствуют состояние своих хозяев.

– Была одна печальная песня этих арестантов, старые женщины напевали, а о чём, сейчас не помню, – сказал отец и задумался.

– Они вернулись домой?

– Нет, их судьба неизвестна. То ли сосланы в Сибирь и там умерли, или грузины отомстили за своих убитых, хотя они и не были причастны к убийству грузин. Они имели несчастье принять у себя с отарой Палимасул ТИнава. Но ведь и не принять ТИнава они тоже не могли.

– Откуда тогда известна эта история про барашков и песня

братьев, если они не вернулись?

– Чабаны, зимовавшие в Цоре, ходили и пытались освободить их, но ничего не получилось. Отсюда, наверное, песня и рассказы про отару, которая собиралась под окошком крепости, где они были заперты.

А тем временем родственники мстили за них.

Наши чабаны знали одного грузина, который был за главного в крепости, где держали пленников. Его убили позже братья из тухума Розал (Роз – леопард, название тухума; в прошлом выходцы из древнего аула Нодтчли, который был разорён во время распространения ислама) из Чорода.

– А что сам ТИнав, который заварил эту кашу?

– У ТИнава была мучительная зима в Джурмуте. Односельчане из-за него пропали, друг из Джара умер – он не мог показаться на людях. Отара овец досталась волкам, лучший иноходец-конь пропал. А это тоже сильный удар по репутации горца. Говорят, целую зиму он был в халвате (аскетом), молился и не выходил из дома. Изредка выглядывал из окна и искал признаки весны, чтобы вернуться в Цор.

Наступила весна, он пришёл на рузман, а после рузмана попросил прощения у джамаата, сказал, что идёт на газават и не вернётся больше в Джурмут. У него было две жены: одна – из своего села Чорода, джурмутская, вторая – из Тохота (льебелай). Развёлся он с обеими женами; говорят, сыновей у него не было, только две дочери. Какова их дальнейшая судьба, я не могу знать, – говорит отец.

– И куда он...

– Всё туда же, в Грузию. На этот раз умереть шахидом на пути к Аллаху. Ибо его самолюбие и честь задеты, нет обратно пути, должен был умереть газием. Говорят, при первой же встрече пошла рубка, он зарубил несколько людей и был сам убит. Я видел его могилу в Грузии, там цорские аварцы ещё в советское время заново установили надгробие. Ты видел памятную плиту и белое знамя, которое вешают шахидам в местности Охнохда, где источник воды и памятники усопшим в Чорода?

– Видел, знаю я это место.

Когда отец произнёс название местности «Охнохда», я тут же вспомнил обрывки из назму, которое читала покойная бабушка о некоем шахиде. За точность не отвечаю, примерно так:

*Охънохъда шубаа со гири бугу,
Бодул цевехъанас жиб члези богъраб.
Гиридиул къадануб байрахги бугу,
Чабхъадулъ лебалас жиб махъи тараб.*

Постараюсь передать смысл песни-плача, звучание будет далеко от оригинала, надеюсь, что вы мне великодушно простите. Итак:

*В местности Охнохда есть памятная стела,
Которую установил предводитель
войска (в честь подвига).
Возле стелы водрузили знамя,*

Наследство повелителя войск.

– Это знамя и назар (памятник) Галимасул ТИнаву, шахиду, как говорят. Шахид ли он? – вопрошает отец с неким скепсисом.

Его недоверие вполне понятно. Ведь и у меня самого по сей день нет однозначной оценки этим поступкам.

* * *

Дозволено ли забирать имущество людей иной веры, только лишь потому, что они другой веры? Что говорит шариат по этому поводу? Это вполне логичные и требующие разъяснения вопросы.

Чувствую, что в сегодняшних реалиях Дагестана моя собственная точка зрения окажется не самой популярной. Потому что, полагаю, гораздо удобнее, наверное, слыть не просто крутым мачо, наследником дерзких предков, но и обернуть это как подвиг и борьбу за ислам.

Ведь, оправдав жестокость, придётся отвечать за это в Судный день. Но, при всей противоречивости природы человека, о котором я рассказываю, о нём должны знать потомки. Чтобы брать с него пример в мужестве и доблести. И не брать того, что противоречит исламу, закону и здравому смыслу.

Как Исхак из Камилуха стал муалимом

– Исхаку всё с рук сходило, он был непредсказуем в делах

и поступках. Был тонким психологом, хорошо понимал людей, манипулировал ими, имел над ними власть. Был хитёр и изворотлив, коварен и дерзок, обладал хорошей памятью и чувством юмора. Таким был Исхак, таким же весельчаком и умным мужиком был мой покойный друг Гъажаруп. Камилухцы его ЦК-Мухаммадом звали. Очень сообразительный, с тонким юмором был человек. Камилухцы – известные конокрады. Для них это молодецкая удаля, мужество, не позорное дело, как для жителей других сёл Джурмута, – рассказывает отец. – Был ЦК-Мухаммад председателем колхоза камилухцев. В Тлярате на бюро райкома председатель райисполкома Чай XI ажи рассказал, что произошло преступление, надо его раскрыть и воров наказать. Выяснилось, что украдены стропила для крыши летней фермы в Камилухе.

– Куда смотрел председатель колхоза? Куда смотрел парторг? – прокричал Чай XI ажи из-за стола, где расположился президиум. ЦК-Мухаммад встал со своего места и, не попросив слова, молча направился к трибуне. Поднялся на неё и сказал:

– Если кто из людей захочет от души посмеяться или услышать откровенную глупость, я их отправлю на заседание бюро райкома в Тлярате. Вот вы... – сказал ЦК и обратился к Чай XI ажи: – Вы не смогли уберечь деньги всего района (за полгода до этого был ограблен банк в райцентре), их украли прямо из-под носа у милиции. Там стены в метр толщиной, окна в железных решётках, внутри двухтонный

несгораемый сейф, у сейфа и у входа по два человека с пистолетами в руках, а всё равно украли! И вы от меня хотите, чтобы я не дал своровать стропила, брошенные в открытом месте, у речки, возле аула самых известных воров Дагестана и приграничных республик!

Зал хохотал, кто-то даже заплодировал. Магомед спустился, Чай XI ажи нервно закричал что-то вслед, но он уже проиграл.

– Каким образом у них это не порицаемо, даже похвальным делом считается? – спрашиваю я у отца.

– Были исторические предпосылки. Я изучал этот вопрос, – говорит отец. – Во время коллективизации государство насильственно забрало у них отары овец, горы для летних пастбищ и отдали их мегебцам, чохинцам и другим хозяйствам Гунибского района. Это было зульм (насилие) государства, против чего не могли люди бороться. Имам камилухцев в тот период вынес тайно фетву (разрешение) для села, что он разрешает воровать у мегебцев и чохинцев этих овец. Он сказал, что это зарурат (безысходность), и в этом случае халяль (дозволено воровать) эти овцы. И весь советский период камилухцы угоняли – то табун лошадей, то отару овец, то быков. Потом это воровство распространилось и на соседние районы, на Грузию и Азербайджан. В собственном селе не воровали, и никогда не выдавали своих приезжающим следователям. Были у них неписанные законы аула.

Селение Камилух находится на перепутье в Цор, в Тлейсерух и вниз по Джурмуту. Если путники возле речки оставляли отару и приходили ночевать в аул, ни одна голова не пропадала. Это считалось предательством в отношении гостя, никто не нарушал этот закон. Если же чабан не придёт в аул, а останется охранять отару или табун лошадей, обязательно какой-нибудь камилухец угонит коня или пропадут овцы. И самым непревзойдённым конокрадом был Исхак.

Его и в Грузии, и в Азербайджане, и в Чароде, и в Тлярате все знали как конокрада, но никто из органов не мог доказать его виновность.

Однажды над Исхаком сгустились тучи. Табун лошадей он угнал из Закаталы. Одну часть продал в Кумухе, другую – в Чароде, а самого дорогого коня нашла милиция в самом Камилухе во дворе Исхака. Забрать Исхака не забрали, но дело возбудили, и милиция принялась искать доказательства. Особенно старался Белоканский РОВД Азербайджана. С остальными Исхак разобрался в Дагестане. Прокурор республики Ибрагимов из Ириба был его приятелем, он выручил его тут, надо было решить вопрос в Цоре. Пропал Исхак в одно время, и в Камилухе слухи ходили, что его посадили в Белоканах, – рассказывает отец. – Но как-то поздней осенью прискакал Исхак в Камилух на красивом гнедом коне. Я очень хотел его видеть и узнать, как ему удалось вернуться из Цора. Встретились, и рассказал Исхак:

– Спустился я ночью в Катех и остановился у сельчани-

на, вижу, собаки (милиционеры) ходят вокруг дома. Я встал, пошёл на другой край веранды и, пока они не вошли через главный вход, спрыгнул с балкона, побежал к лошади и поскакал в Закаталы. Переночевал у кунака, а на следующее утро поймал такси и направился напрямиком в Баку. Там заместителем министра внутренних дел Азербайджана был один мой товарищ детства.

Когда маленькие были, я его таскал по базарам Белока-на и Закаталы. Бил его, учил бороться и отправлял воровать. Ничего хорошего в наших отношениях не было, только то, что знали когда-то друг друга. Прошло более 40 лет, как я его не видел, узнал через общих знакомых, что он стал таким важным хакимом. Я думал, если мы встретимся, и он вспомнит старое, у него два выхода: он должен делать вид, что не помнит меня, или великодушно простить обиды и помочь чем сможет. Дошёл я до этого хакима. Когда сказал, что я Исхак из Камилуха, он расхохотался и сразу бросился ко мне обнять, вспомнил детство, даже прослезился. Настоящим человеком оказался.

Он всё время смотрел на мою внешность, одежду. И вдруг говорит:

– Исхак муалим, ты ужасно одет и плохо пахнет от тебя. Надо тебе искупаться и купить одежду, ты ведь со мной будешь, так нельзя. У тебя деньги есть???

– Ты совсем дурак??? Разве без денег бывает человек, который угнал табун из 40 лошадей? – говорю я. Тут два чело-

века, что были с ним, резко встали и смотрят на меня как на сумасшедшего. Их удивила моя дерзость, какой-то бродяга назвал их замминистра дураком. Ещё больше удивило их упоминание об угнанном табуне.

А сам Гамборчаев расхохотался на весь двор. Может, ему эта простота и грубоватость понравились, надоели лесть и подхалимаж.

Пригласил он одного молодого человека и отправил меня искупаться в бане и купить одежду. Помыли, постригли, одели в чёрный костюм, чёрную шляпу, новые туфли. Разодетый как тлебелалский жених, я пришёл к Гамбочаеву. Он угостил меня и спрашивает:

– Исхак муалим, кроме как меня навестить, ко мне дело есть у тебя?

– Ты совсем дурак? Без дела я из Камилуха приеду что ли? Сто лет не нужен был мне ты и твой Баку, пришёл по делу.

Гости за столом застыли от недоумения и смотрят на меня как на хана шайтанов. Гамборчаев посмотрел на меня, на окружающих и снова расхохотался. Каджары за столом боялись и смеяться, и не смеяться.

– А ты что делал в это время, Исхак? – спрашиваю я.

– Я бугълама ел, мне они зачем? Гамбочаев понял, что к чему, и сказал, что завтра вместе поедем в Белоканы. Я как особо опасный преступник был там везде у них в розыске. Поехали мы с Гамборчаевым на чёрной «Волге» в Белоканы. Начальники милиции всех трёх районов, секретари рай-

комов все начеку, с накрытыми столами ждут почётного гостя. Остановилась новая «Волга» перед начальником белоканской милиции.

Вышел Гамборчаев, хакимы с низким поклоном подошли, поздоровались, обняли. Вышел я, все и меня обняли. Подходит ко мне белоканский начальник милиции, руку тянет здороваться, я сжал чуть его ладонь и посмотрел ему в лицо. Он встал как вкопанный, не поверил своим глазам. Гамборчаев усмехнулся и сказал начальнику:

– Алик, это Исхак муалим, мой кунак из Камилуха.

Алик повторно взял мою руку, на этот раз с низким поклоном. Теперь я для Цора не цогьор (вор) Исхак, а Исхак муалим. Муалим не в смысле учитель, как ты, учителя – пакъиры, а в смысле – уважаемый человек. То, что учитель зарабатывает за 20 лет, я за ночь получу, угоню табун из Кахетии и продам в Кумухе. И не меньше 15 голов за раз, запомни, за меньшее ИсхI акъ шнурок на хьит (ботинок) не завяжет!

– Я этих двоих, Гъажарупа (ЦК-МухIаммад) и Исхака, очень часто вспоминаю, – говорит отец. – Они были очень интересными собеседниками и умными людьми, а я в людях это ценю больше всего.

В словах отца звучала ностальгия по молодости и друзьям. Лучшие друзья его ушли в мир иной пару лет назад, друг за другом. Память осталась. Да помилует их Всевышний. Амин.

(Фамилия замминистра вымышленная, сказали, что это

небезопасно для него.)

Дама с помидорами

Я как-то уже рассказывал забавную историю моего отца с помидорами. Как он в 50-е годы, будучи школьником, купил банку с жидкостью и красными «фруктами» внутри. Тащил эту банку в рюкзаке на собственной спине километров 40 до аула. Когда попробовал, нашёл что-то очень непривычное и противное на вкус. Оказались там солёные помидоры, которые отец раньше никогда не ел. Выплюнул то, что откусил, и никто дома не захотел их есть. Когда мой дядя узнал, что я опубликовал эту историю, он засмеялся:

– Видимо, у нас на роду написано попадать с этими помидорами в разные истории. У меня тоже есть такая. Была середина шестидесятых. Учился я на втором курсе педагогического института. Не осталось ни копейки, три дня не ел и занять деньги не у кого было. После второй пары староста сказала, что дают стипендию. Обрадовался очень. Взял деньги и решил покушать хорошенько в городском кафе.

Был сырой осенний день и дождливая погода. Кафе оказалось переполненным, люди стояли в очереди за едой. Почти все столы были заняты. Я заказал себе самое модное блюдо в меню – шницель с помидорами, салат, стакан киселя и с полным подносом искал свободное место.

Оказалось, свободно всего одно место за дальним столом. Там сидела роскошная дама в белом платье, в шляпе и с прочими прибабасами, что подчёркивало её исключи-

тельность. Её манеры и высокомерный взгляд не очень соответствовали тому месту, где она решила перекусить. Меня не слишком обрадовало такое соседство, я был голоден как волк и хотел как можно поскорее поесть без всяких формальностей. А соседка моя и её поведение обязывали быть культурным. Я попросил разрешения присесть за её стол. Она надменно кивнула без всякой приветливости. «Что с тебя взять, убогого, посиди там и не мешай мне», – говорил её взгляд.

Я решительно расставил мои блюда на столе: «Пошла она и её культура к чёрту, надо поскорей проглотить то, что взял, пока не умер тут с голоду». Сел и решил первым делом съесть помидор, а самое вкусное – мясо – оставить напоследок.

Взял помидор, откусил и чуть не упал со стула от испуга. Красный помидорный сок брызнул мне в лицо, одновременно раздался истеричный крик соседки. Весь зал поднял глаза от своих тарелок, все повернулись к нам. Роскошное белоснежное платье моей соседки стало краплёным, на широких полях импозантной шляпы и даже на подбородке «барыни» были остатки моего помидора.

Прибежали шеф-повар и кассир. Я от растерянности уронил вилку. Когда хотел поднять вилку, задел и опрокинул стакан киселя. Дама, не успевшая оправиться от помидорной атаки, резко вскочила, чтобы избежать кисельной реки, которая стремительно потекла в её сторону. Второй её крик

из-за киселя на подоле платья и грохот опрокинувшейся табуретки сорвали весь зал со своих мест. Дама одной рукой схватилась за сердце, другой избавлялась от помидора, который оказался на её накрашенном лице.

Я резко вскочил. Мои глаза искали выход из этого проклятого места. Надо было поскорей убежать и спрятаться от постороннего взгляда. Выбежал на улицу, шницель, который я хотел съесть напоследок, остался нетронутым, и я с пустым желудком, опозоренный помидором, побежал по узкому переулку.

С того дня я помидоры беру в руки очень осторожно. И каждый раз, когда вижу помидор, вспоминаю женщину в шляпе, а шляпа каждый раз напоминает о помидорах. А кушать их люблю, несмотря на их предательство в тот голодный осенний день моей молодости, – говорит дядя.

Газават, превращённый в грабёж

Смута началась в конце эпохи Шамиля, в 1859 году. Прекратилась Кавказская война. Дети войны, что не умели ничего, кроме как воевать, остались не у дел, но с оружием в руках. Сперва они искали пути для грабежа, ссылаясь на религию. Их последователи, выпав из шариатского правового поля, уже не утруждали себя никакими ссылками. Стали грабить всех без разбору.

Об этом была статья моего отца в журнале «Истина» в конце 90-х. Называлась она «Гъарачильтиялде сверараб гъ-

азават» («Газават, превращённый в грабёж»). Я перескажу её с некоторыми дополнительными подробностями. Необходимость этого вы поймёте позже.

Банда состояла из семи человек. Их лидером был некий МухаммадТали из Тлейсеруха. Был там его племянник Пахрудин, Бахъал Абдулмажид из Тлебелуба, Шуайб и ещё три человека. Жили они на нелегальном положении в лесах Цора. У них не было ни семьи, ни дома, что было их преимуществом перед обычным человеком, они могли застрелить любого и уйти в лес.

Путников, направлявшихся из Цора в горы, они грабили, а у чабанов, которые спускались на зимовку в Кахетию, забирали овец. Был такой зульм (насилие). Никто не решался в одиночку противостоять этой банде. Чтобы избежать столкновения с бандитами, в Цор и обратно путники добивались обходными путями.

Лишь один человек смело отправлялся в путь и шёл по главной дороге без оглядки. Звали его Мохол Хасанил Ильяс. Родом из Камилуха, он, говорят, был метким стрелком, человеком отчаянной дерзости и не знал страха. Ильяс отправил весть главарю банды МухаммадТали: «С глазу на глаз с любым из вас встретиться и воевать готов я. И вряд ли кто-либо из вас вернётся живым с этой встречи. Но стрелять из-за угла или из лесу я считаю большой подлостью и трусостью. Я не намерен, как другие, менять свой маршрут в Цор. Кто хочет мне запретить это, пусть

выйдет навстречу».

Весть эта дошла до МухаммадТали. Позже он рассказывал: «Трижды я целился из лесу прямо в сердце Ильяса из Камилуха, но не выстрелил. Мне жалко было убивать этого мужчину, и я пропустил его».

Говорят, однажды МухаммадТали и Ильяс встретились один на один на лошадях в местности Ахтлимал. Ильяс молча проследовал по своей тропе на лошади мимо МухаммадТали. Через метров пятьдесят МухаммадТали остановился и долго смотрел вслед удаляющемуся Ильясу, держа его на прицеле. Расчёт был выстрелить, если тот обернётся; но не обернулся Ильяс, и не выстрелил МухаммадТали. Это был неписанный закон гор – не стрелять в спину.

Позже, в 30-е годы, группу МухаммадТали ликвидировала ЧК.

Их окружили в лесу Цора и расстреляли. Первым убили МухаммадТали. Пахрудин спасся бегством. Бахъал Абдулмажид из Тлебелуба был загнан в пещеру и окружён. Его уговаривали сдаться, но он не вышел – достал пандур и запел. Чекисты, окружившие пещеру, опустили оружие и слушали эту последнюю песню своего врага.

И сейчас молодцы Антрагля наигрывают на пандуре эту мелодию, поют эту песню. Она так и называется – песня Бахъал Абдулмажида. Помню несколько строк из неё:

*Белокан, Къабагъчол ва ГИалиабад,
Дилъа хIетIе лъечIаб бакIгу бугудай?*

*Бехе Даначидул чахIаял рохьал,
Дилъа чу бухьичIеб гъветIгу бугудай?*

В песне был печальный мотив ожидания своего конца и перечисления мест, где он блуждал в молодости. Звучит примерно так:

*Белокан, Кабахчель и Алиабад,
Есть ли клочок,
где бы не ступала нога моя?
Густые и тёмные леса Даначи,
Найдётся ль дерево,
куда я коня не привязал?*

Он так и не вышел. Чекисты забросали пещеру гранатами. Вот так была окончательно установлена советская власть в горах Джурмута и в лесах Джаро-Белоканов. Из всей банды спасся только Пахрудин, сумел убежать. Но позже был пойман работниками НКВД. А у НКВД Пахрудина выкупил брат убитого им гортнобца. Всё подстроили так, будто его застрелили во время побега. Справедливости ради надо сказать, смерть он встретил достойно. Человек, который выкупил его, направил на него пистолет и спросил:

– Скажи, Пахрудин, тот день лучше был, когда ты моего брата застрелил, или сегодняшний?

У Пахрудина на лице ни один мускул не дрогнул, глядя убийце в глаза, он ответил:

– И тот день был хорош, и сегодня неплохой. Ты этот вопрос мог мне задать в лесах Цора, где я убил твоего брата,

а не тут, в окружении вооружённых чекистов.

Гортнобец выстрелил и убил Пахрудина. Произошло это возле реки Джурмут, недалеко от местности Тамара майдан. Там по сей день его могила, и называется это место Пахрудин чВараб гЮрхъу (поляна, где убит Пахрудин). Мужественная смерть. Пролитая кровь смыла в глазах общественности все подлости и злодеяния, которые совершал этот человек десятилетиями.

Меня поражает в характере горцев одна черта. Любая подлость прощается человеку, если он характером твёрд и мужественен. И какими бы мастерством, умом, добродетелью человек ни отличался, не заслужит он уважения, если труслив.

Это показательный пример того, как началась героизация вчерашних бандитов. В народе и сегодня исполняют предсмертную песню одного из бандитов; слова другого, сказанные перед дулом пистолета, также повторяют и помнят потомки. И не только. Им посвящают песни, например, поэт Антратля – УхI МухIама. Он был повеса, гуляка, воровал, сидел в тюрьме и совершил побег оттуда. Вот его песня:

БецIал сардал хIалай ккун,

АхIлъимаздеги рахъун,

БахIарзал сверун ккуна

ЧКялъул малгIуназ.

Къокъаялъул цевехъан

МухIаммадIали чIвана,

*Пирхараб пири гIадин
Пахрудин тIагIун ана...*

В подстрочном переводе звучит примерно так:

*С помощью тёмных ночей,
Поднявшись до Ахтлимала,
Окружили молодцев тайно
Малъуны (кяфиры ЧК).
Выстрелом тайным убили
Предводителя МухаммадIали,
Пахрудин, словно вспышка молнии,
Исчез из виду гяуров.*

Тут очень образно и красиво описан конец банды. Бандиты названы героями, чекисты – малъунами, кяфирами. Как автор этой песни не попал в сети КГБ, остаётся большой загадкой. Но она заслонила собой реальную историю. И молодые приняли её – ведь им красиво рассказали о мужестве. Мужестве воина, проявленном в бою. Личная отвага вдруг стала важнее Всевышнего и его заветов, важнее порядочности, богобоязненности, верности, важнее ума, достоинства, нравственности. Человек в этой песне – всего лишь оружие, не знающее страха и сомнений. Как сабля, кинжал, ружьё. Если превыше всего в обществе начинают ценить именно такие качества – быть войне. И это страшно.

Р. С. Мы тут упустили из виду Ильяса из Камилуха, о котором я упоминал в начале повествования. У вас не возник

вопрос, почему бандиты так церемонились с ним, почему не стреляли в него? Чем заслужил такое уважение Мохол Хасанил Ильяс из Камилуха?

Случилась одна история за двадцать с лишним лет до этих событий, которая прославила Ильяса во всём Антратле, в Джаро-Белокане и в Грузии особенно. А что это за история, я сейчас расскажу.

Кровавые истории Джурмута:

Ильяс из Камилуха и Реваз из Кахетии

Как рассказывают в Камилухе, у некоего МохИол Хасана было четыре сына. Сам МохИол Хасан был небогат, но если есть лошади, есть оружие и те, кто готов на дерзкие вылазки, – это дело поправимое. Была ранняя осень 1913 года. Четверо молодых и твёрдых духом молодцев решились на набег. Хотелось совершить подвиг и вернуться в горы со славой и табуном лошадей. В то время в Кахетии жил богатый грузин по имени Реваз. Он имел отары овец, стада быков. Особо известны были его табуны с жеребцами-иноходцами гнедой масти.

Сам Реваз был человеком сурового нрава, мужественным, щедрым и благородным. Стрелял метко, духом был силён. Мало кто решался покуситься на его добро, хотя времена были беспокойные. А для молодых джурмутовцев не было никаких авторитетов. По их мнению, забрать у неверного не только дозволено, это ещё весьма похвальное, богоугод-

ное и праведное дело. За это они должны были получить признание и славу в этой жизни и довольство и воздаяние перед Аллахом в жизни загробной.

Под покровом ночи камилухцы добрались до стоянки табуна Реваза. Застрелили конюхов и угнали в горы лошадей. К полудню перешли перевал за Закаталами и держали путь в сторону Джурмута. До аула оставалось меньше пяти вёрст. Довольные удачным походом, они загнали лошадей на поляну и, положив на землю винтовки, спустились к речке, чтобы совершить предзакатную молитву. Когда они делали омовение, раздался выстрел, эхом раскатившийся по отвесным скалам и ущельям. За их спинами в двадцати шагах стоял сам Реваз с длинной пятизарядной винтовкой.

Он был очень метким, и пули били в десяти сантиметрах у ног камилухцев. Это означало: «Я не хочу вас убивать, уходите отсюда». Братья бросились бежать и оглянулись только, когда перешли речку. На другом берегу Реваз поднял их винтовки и крикнул:

– Я мог застрелить каждого из вас как цыплёнка. Но дарю вам жизнь с надеждой, что вы больше не станете покушаться на моё имущество. Оружие забираю, ибо не уверен, что вы не будете стрелять в меня.

Реваз со своим табуном направился в сторону Кахетии. Братья оказались в ужасном положении. Без оружия преследовать Реваза опасно. Вернуться в аул без коней и оружия – несмываемый позор на целые поколения. Как быть, куда ид-

ти, каков выход? Они были в полной растерянности. Старший сказал, что единственный выход – добраться как можно быстрее до аула, вооружиться, найти лошадей и догнать Реваза.

– Лучше сложить свои головы в бою, чем навлечь позор на наш род. Реваз не рискнёт передвигаться ночью, он испугается засады. Да и не успеет за ночь, а завтра в течение дня мы его догоним и отобьём лошадей. Если не успеем, хоть до самой Кахетии дойдём, но что-нибудь отобьём – другого выхода нет.

Когда четверо братьев поднимались во двор, их мать возвращалась с сенокоса.

Она приняла их за гостей, которые идут из Цора, такие часто останавливались в Камилухе. Только когда незнакомцы приблизились к порогу, она узнала в них своих сыновей. Но никак не могла поверить, что её молодцы вернулись без коней и оружия.

Три брата молча седлали коней. Она обратилась к среднему сыну:

– Ильяс, что происходит? Почему у тебя не твоя винтовка? Где твоя лошадь? Где оружие и лошади моих сыновей?! – кричала мать в отчаянии.

Как рассказывают, она была жёсткая и властная женщина. Сын был вынужден ответить:

– Когда мы молились, грузины угнали наших лошадей и забрали оружие, бабу (мама). Далеко они не пойдут, на рас-

свете мы вернёмся со своим оружием и табуном.

Мать, словно лишившись сил, тяжело села на ступеньку.

– Валлагьи, я слезинку не проронила бы, если бы вместо вас мне принесли четыре жаназа (тела убитых), лучше бы вам умереть, чем вернуться с этим позором.

– Будет, бабу, всё. Завтра на рассвете ты получишь или сыновей с добычей, или четыре тела, другой дороги нет, – сказал Ильяс, ударил плетью коня и направился с братьями в путь.

Всю ночь скакали братья через горы и долины, через реки и ущелья. Рассвело. Через перевал в сторону Закаталы направились братья. Дорога шла на небольшой холм, оттуда они должны были спуститься на плато. Дальше через густые леса дорога вела вниз в сторону Алазанской долины.

Впереди скакал старший из братьев. Когда приблизились к холму, он оглянулся на братьев. Осенние лучи солнца золотом окрасили вершины дальних гор. Была чудная погода, и всё вокруг торопилось дышать, жить, радоваться оставшимся тёплым дням перед наступлением зимы. Братьям было не до солнца и не до радости. Собственная дерзость загнала их в ловушку. Даже мать родная, которая жалеет собственных сыновей больше всех на свете, не оставила иного пути – надо было поскорей покончить или с позором, или с жизнью.

Гнедой конь старшего брата исчез за поворотом. Раздался выстрел, умножился эхом, пронёсся по горам. Братья схва-

тились за ружья и помчались на выручку. Раздался второй выстрел. Ильяс понял, что там засада, резко спрыгнул с коня и осторожно высунулся с винтовкой.

Он увидел ужасную картину. Старший брат лежал на тропинке, его шея и лицо были окровавлены, полуоткрытые глаза уставились в небо. Раздался третий выстрел, и пуля пробила правое плечо Ильяса. Он понял, что если выйти, то всех перебьют, сделал знак младшему брату, чтобы не высовывался. Спустился чуть ниже, выглянул из-под кустов и увидел, что второй брат, выронив уздечку, навалился на шею лошади, а та ржёт, дёргая головой из стороны в сторону, и уносит его в сторону леса. Понял Ильяс, что и второй брат убит. Подозвал к себе младшего, надел на палку папаху и дал брату, чтобы высунулся. Раздался выстрел, папаху пробило. Зато Ильяс узнал, откуда стреляют.

По его расчёту, в винтовке врага оставался последний патрон. Четыре выстрела уже было. Ильяс решил обойти гору и выйти на Реваза с другой стороны. Младшему брату показал место, откуда тот должен был опять выставить папаху, спровоцировав пятый выстрел. Всё пошло по плану. Раздался пятый выстрел в папаху. Ильяс знал, чтобы поменять магазин, Ревазу нужно будет время. Он встал во весь рост и побежал прямо в сторону стрелка. Когда он завернул за поворот, Реваз уже почти перезарядил винтовку, но уронил последнюю пулю. Загнать её в магазин он не успел, раздался выстрел Ильяса. Реваз схватился за живот. Сквозь пальцы

начала просачиваться кровь, капая на щебень и окрашивая его в густой багровый цвет.

Реваз упал на колени и потянулся к винтовке. Ильяс смотрел, удивляясь его живучести и воле. Через мгновение появился младший брат Ильяса и, выхватив кинжал, коршуном налетел на Реваза. Он бил беспорядочно, яростно, не глядя, куда попадает, по шее, по лицу, по голове. Бездыханное тело Реваза покатилося вниз, голова держалась на недорубленных сухожилиях.

Ильяс направился к убитым братьям. Старшего уложил на ровное место, другого – рядом со старшим. Рукой закрыл им глаза и накинул чобосы на их лица ¹.

В метрах пятидесяти раздался выстрел. Один, два, много выстрелов. Ильяс схватил винтовку и бросился туда. Открылась страшная картина. Все семь лошадей Реваза были расстреляны, а рядом с трупами, обхватив руками голову, сидел младший брат и смотрел в одну точку. Ильяс обнял брата, поднял его и сказал:

– Нам пора, на выстрелы могут прийти.

Они направились к телам убитых братьев. Но через несколько минут младший брат побежал обратно, будто что-то забыл. Вернулся он, пряча что-то за пазухой. Ильяс повернул брата к себе. «Покажи», – сказал он. Младший показал. За пазухой у него была голова Реваза. На Ильяса смотрели

---

¹ Чобос – укороченный, упрощённый, в сравнении с буркой, вид тёплой накидки.

два больших мёртвых глаза на разбитом окровавленном лице. Ильяс взял эту страшную голову, вернулся к телу Реваза и положил её рядом с ним. На мгновение остановился и сказал брату:

– Реваз был настоящий мужчина. Таких надо уважать. Была бы сейчас у меня возможность, я бы его по-человечески предал земле.

Когда к вечеру во двор МохЮл Хасана привезли тела двух убитых молодцев, мать вышла навстречу. Женский плач и причитания поплыли над селом. И только одного голоса не было в этом хоре. Голоса матери. Когда кто-то осмелится спросить, как она себя чувствует, то услышал:

– Сегодня чуть лучше. Хуже было вчера, когда мои сыновья вернулись домой без коней и оружия.

После этого в Джурмуте появилось выражение: «Сегодня лучше, сказала жительница Камилуха, у которой убили двух сыновей».

И опять перед нами вопрос: что должно войти в народную память и формировать нашу ментальность? Слова матери, которая сама погнала детей на погибель, предпочла носить траур по сыновьям, а не видеть их живыми, но потерпевшими позорное поражение. Или поступок одного из этих сыновей, который, рискуя жизнью, вернулся к телу своего врага, потому что достойный соперник заслуживает уважения. Не знаю я. И вы, наверное, не знаете.

Почему не убили Ильяса из Камилуха?

Я уже рассказывал вам о человеке по имени МохI ол XI асанил Ильяс из Камилуха, том самом, с кем не желали враждовать разбойники из лесов Цора. Я считал, что это из-за понимания, что с ним будет непросто сладить, и от уважения к личности, ибо он имел славу среди горцев за прошлые подвиги. Не так просто всё оказалось. Я беседовал с одним из его потомков, который живёт ныне в Махачкале.

Этот человек преклонных лет не захотел, чтобы я упоминал его имя в рассказах о предках своих.

– Это будет нескромно. Они были люди непростые и жили довольно беспокойной, полной опасностей и тревог жизнью. Последнюю историю я попросил бы тебя не печатать, относительно Кабалова и его ухода из жизни, это очень запутанная и противоречивая история, лучше тему обойти.

А про Ильяса ты хорошо написал, есть некоторые неточности в датах и местности, но это не принципиально.

– Что вы можете рассказать о нём и МухIамадтI али из Рисора?

– С МухIамадтI али у него противостояния не было. Хотя МухIамадтI али очень не нравилось, как он с вызовом скакал на вороном иноходце по Цору и Джурмуту. Ещё заявление его: «В спину стрелять любой трус сможет, пусть выйдут ко мне лицом к лицу». На это он сказал, что не раз в Ильяса целился, но пожалел его...

– Пожалел, по-вашему?

– Не пожалел, не было у них столько благородства. МухАмадГI али в него не стрелял потому, что с Ильясом у него не было кровной вражды. Он ждал, чтобы Ильяса убил тот, кто обязан был это сделать, из своего же окружения человек.

– Был такой?

– Был, конечно. В группе у МухАмадГI али был некий Шуайб из Джара, известный разбойник, который прославился убийствами. Как-то его племянник, молодой парень, пошёл, чтобы овец своровать из отары сыновей МохI ол XI асана, у Ильяса и его братьев. Ильяса брат Далгат застал молодого джарца, когда тот угонял его барашка, и на месте застрелил его. Ильяс, прибежавший на выстрел, застал брата возле трупа, узнал убитого и понял, что предстоит война. Что Шуайб обязательно будет мстить за убийство племянника.

Далгата никто не знал в Цоре, а Ильяс был известным человеком. Ильяс сказал брату: «Это я убил этого парня, а не ты. Тебя они застрелят при первой возможности, в меня стрелять им нелегко будет».

– Тут у меня некое сомнение. Что стоило разбойнику в Цорском лесу застрелить человека?

– Не так просто было Ильяса убить. Как говорят, он был невысокого роста, крепкого телосложения, с очень хорошей реакцией, подвижный и чрезвычайно меткий стрелок. Ещё слава была о подвигах его. Со дня убийства джарца он из рук винтовку не выпускал, говорят. Однажды приходит к Ильясу один джарский аварец и говорит, что Шуайб хочет встре-

титься, можешь ли прийти в такую-то местность недалеко от Джара.

Ильяс обещает прийти в назначенный час и отправляется в полном вооружении. Встретились они, Ильяс сказал Шуайбу: «Если мой племянник придёт угнать твою отару, ты его застрели, я и не выйду искать кровника. Твоего племянника нельзя было не убивать, он знал, на что идёт». Другой аварец, присутствовавший при беседе, сказал: «Этот человек – настоящий мужчина и достойный уважения горец, пожми ему руку, Шуайб». Шуайб пожал руку и ответил, мол, с сего дня ты мне не враг, ступай своей дорогой, ты прав.

Ильяс попрощался и поскакал на своём вороном иноходце, ни разу не обернувшись. Наверняка МухамадТали и другие разбойники думали: если уж сам Шуайб не рискнул убить своего кровного врага, нам зачем это? Есть там очень тонкий момент, который был поводом, чтобы не стрелять в него.

– А какова была судьба его брата Далгата?

– Там печальная история... После убийства джарца он ещё одного человека убил в Джурмуте. Один человек забрался к нему домой и его кинжал своровал. Он узнал вора и застрелил его. Был сослан в Сибирь и бесследно пропал.

– А сам Ильяс?

– Сам Ильяс умер где-то в начале 1930-х, в преклонном возрасте. Похоронен в Камилухе.

P. S. Тут следует подчеркнуть ещё одну деталь. Люди, которые грабили в лесах Цора, не были никакими абреками. Абреки – благородные люди со своими законами, которые не нарушают ни при каких обстоятельствах. А эти были просто разбойниками, и добро забирали у любого, у кого могли забрать. И на этом фоне наш герой кажется выше людей его времени, и, на мой субъективный взгляд, он достоин уважения. Хотя бы за твёрдость духа и мужество.

С могилы моих предков

приятный запах...

– Разное говорят... О человеке, который жил с медведями в лесу, рассказывали мне в детстве, мол, это произошло с одним разбойником из Цора. Слышал позже, что это произошло с братом Алимасул Тинав из Чорода. Его звали МухАма, Алимасул МухАма, так говорят чородинцы. Я это не могу ни подтвердить, ни опровергнуть. Мне непонятна в этой истории одна деталь. По какой причине Палимасул МухАма жил в пещере в Цоре, и от кого он прятался? Если как мюрид Шамиля, который воевал против русских, то их, как мне известно, после пленения имама не преследовали и всех амнистировали. Если как кровник, который натворил что-то, то об этой стороне мне ничего неизвестно, – говорит отец, разглядывая с веранды нашего дома дальние горы Джурмута.

Почувствовав мою заинтересованность, он прерывает рассказ:

– Ты, если намерен что-то писать об этом, подумай хорошо. В прошлый раз ты про Тинава написал, и они все ворчат, что из их газиява (борец за веру) ты сделал бандита. Они не понимают эти вещи. Для них надо прямо так и писать: был газияв, иных форм повествования они не примут, для них только два цвета – чёрный и белый, оттенки не увидят, необразованны, книг не читали. Хотя от кого они его защищают, мне непонятно. Алимасул Тинав и Алимасул Мухама моей матери дедушки брата, – добавил отец. – Всё же лучше оставь ты этих людей, не давай им пищу для сплетен...

Я понял, что что-то интересное упустил и вряд ли отца верну к этой теме. На следующий вечер из Чорода приехала тётя, главный рассказчик «Тайной тетради», приехала она навестить мою маму – та болела.

Местный фельдшер сделал маме успокаивающий укол, и она заснула. Свет пропал, за окном шёл проливной дождь, керосиновая лампа освещала наш ужин и собравшихся за столом. Отец пошёл к себе, и я получил возможность поговорить с тётей.

– Алимасул Мухама тоже был газияв. Мой покойный дед Абдурахим из Чорода был, оказывается, на его могиле в Цоре. От могилы шёл очень приятный запах, аромат свежих яблок. Говорят, так бывает, тела газиев не разлагаются в могилах. И хоронят их в чём умерли, без савана.

Я чувствовал, что беседа идёт не в том направлении, хотел узнать и навёл тётю на тему:

– Он в лесу от кого прятался?

Тётя оживилась. Поправила гормендо, прикрывавшее волосы, отодвинула стакан с чаем и начала:

– Покойный дедушка рассказывал. Алимасул Мухама несколько зим, оказывается, жил в лесу. Выбрал место на возвышенности, откуда видны все дороги, которые шли в его сторону. У высокой отвесной скалы нашёл пещеру, там и устроился, а чуть ниже, за густыми зарослями, в такой же пещере была берлога старого медведя. А перед скалой рос каштан, и на его ветвях свил себе гнездо гриф. Так и жили на этом крохотном клочке земли трое: человек, зверь и птица. Друг другу не мешали. Мухама наизусть знал повадки своих соседей, время выхода за добычей, время возвращения, сам старался жить в гармонии с природой, раз судьба уготовила ему такую участь. Если ел Мухама мясо, то кости бросал вниз, медведь выходил, обнюхивал их, подбирал и уносил к себе. Но сильно не любил огонь. Когда Мухама разводил костёр, зверь, учуяв дым, шумно ломая ветки, выбирался из берлоги и уходил в лес. Гриф же с большим любопытством наблюдал с высоты за странным новым соседом. Вот так шли дни, наступали ночи, все втроём ждали наступления весны. Однажды вечером, когда Мухама вернулся в свою пещеру, он не увидел в гнезде грифа. Прошло несколько часов, стемнело в лесу, а грифа всё не было. Мухаму это сильно обеспокоило, был нарушен привычный порядок вещей. Будто не вернулся к ночи кто-то очень близ-

кий, чуть ли ни член семьи. Так и заснул Мухама, а в полночь шум разбудил его. Будто кто-то летел, но неровно, тяжело, задевая крыльями за верхушки деревьев, а потом тяжело упал вниз, путаясь в ветвях и ломая их. В темноте невозможно было ничего разобрать, и Мухама в нетерпении ждал, когда станет светать. Рассвет высветил пустое гнездо на великанском каштане. А у корней дерева Мухама нашёл грифа, пронзённого стрелой с клеймом мастера, который её выковал. Вытащив стрелу, он поднялся в свою пещеру, поглядел ещё раз на гнездо, что опустело навек. Его охватила глубокая печаль, и он запел: «Вот так в один день упаду и я, и неизвестно, что уготовила мне судьба, за каким поворотом меня ждёт смерть и из чьего лука будет выпущена стрела, что пронзит моё сердце».

Стрелу, что убила грифа, он решил сохранить в память о долгих серых днях, в память о силе и мощи, о размахе могучих крыльев, о полёте, который был прерван в один миг, и в память о себе, вынужденном скрываться от людей и жить среди диких скал, как дикий зверь.

Прошло несколько десятков лет. Алимасул Мухама вернулся к людям, вернулся в Джурмут и зажил размеренной спокойной жизнью. Изредка спускался в Цор, с большой осторожностью спускался, ибо там ходили люди, которые были с ним в кровной вражде. Однажды в местности Лымсверуа (Водораздел) на границе с Цором он был в гостях у чабанов, они зарезали ягнёнка и ждали, пока мясо сварится.

Среди чабанов был один незнакомый человек, он всё время смотрел на оружие Алимасул Мухамы. Через некоторое время гость обратился к Мухаме:

– Ты не дашь мне посмотреть стрелу, которая за твоим ремнём?

Алимасул Мухама с осторожностью вытащил стрелу, передал её гостю и замер, держа руку на сабле. Гость посмотрел на клеймо, медленно поднял глаза на Мухаму и спросил:

– Откуда это?

– Вытащил из груди подстреленного грифа...

– Где?

– В лесу, между Белоканами и Джурмутом...

Гость ухмыльнулся и сказал:

– Это моя стрела, вот мой мугьру (клеймо), – вытащил и показал точно такую же стрелу с клеймом. – Я эту стрелу пустил лет 30 назад в грифа, который сидел на мёртвой кобыле в местности дальше Диди Ширака в Гуржистане. Оттуда до границы Белоканов и Джурмута более 400 километров. Когда гриф улетел, я думал, что через метров 100 он упадёт, не упал и ушёл в облака и исчез из виду. Вот как она попала к тебе, оказывается, – сказал гость и вернул стрелу Мухаме...

Тут тётя перешла к рассказу о том, как мужественно Алимасул Мухама дрался с кяфирами и погиб как герой. А меня всё не отпускали картины цорского леса, одинокого аппарата, грифа, медведя и окружающих их гор. Газават, войны, похо-

ды и всадники исчезли куда-то, когда рассказали о большом желании выжить птицы, зверя и человека.

Как мой отец потерял коней

Я никогда не прошу отца рассказать ту или иную историю для того, чтобы опубликовать. Да и он вряд ли будет рассказывать что-то для печати. Если попрошу, то возникнет неловкое положение: у нас как-то не принято так, чтобы отец с сыном говорил о своём творчестве. Он не подзывает меня, не делает никакого вступления – истории из прошлого возникают неожиданно, и слышу я от отца увлекательный монолог, который долго не покидает меня и в итоге оказывается на страницах моей «Тайной тетради».

У каждой семьи, наверное, свои традиции, у нас свои, а монологи отцов длятся уже многие годы, и рассказывают их потомки по случаю. Так и появились нижеприведённые истории о лошадях. Когда отец увидел картину места слияния рек Тлянадинка и Джурмут, пошло повествование. Преемственность в рассказах, передача былого сохраняется у нас. Сначала ты мальчик и голос отца слышишь редко, затем становишься юношей, мужчиной, и голос слышен всё громче. Ты всё это впитываешь и пропускаешь через себя – когда-нибудь будет и твой монолог о минувших днях, рассказах старины и жизни своей, которую ты провёл в этом бренном мире, если, конечно, будет человек, который готов послушать тебя. Да будет так.

– Когда мы с Яхьёй из Ульгеба спускались по серпантину к тлянадинской речке, прогремел гром и пошёл проливной дождь, он всё усиливался и усиливался. Мы с ним вместе работали тогда. Я был молодым 25-летним директором Чородинской средней школы-интерната, он был на лет 15 старше меня, работал там же завхозом.

Мой конь, купленный за неделю до этой поездки в Белоканах, был не приучен к горным тропам. Всё время фыркал, махал головой, вздрагивал от шорохов, но шёл впритык за конём моего попутчика. У Яхьи был здоровенный конь гнедой масти, который хорошо знал местность и шёл, как по открытому полю, уверенно и не спотыкаясь. После очередного поворота открылась поляна и сама река Тлянадинка. Она была мутной от бесконечных дождей, бурлила, громыхала, разбиваясь о валуны. Моста не было – ночью река унесла. Мы оказались перед сложным выбором: перейти речку на лошадях или вернуться домой и ждать, когда река присмирет. Всё же решили рискнуть. Метров пятьдесят отделяли брод от того места, где Тлянадинка сливалась с рекой Джурмут, а там река становится вдвое больше. Стоит оступить – и волна снесёт туда, откуда выбраться будет крайне тяжело. Яхья, трезво оценив возможности своего коня, сказал: «Если вода выше моего пупка, я становлюсь беспомощным – плавать не умею. Если конь споткнётся, нет мне спасения. Но мой конь легко должен перейти туда, Исмаил. А твой конь неопытный, ты должен быть готов в случае чего

спрыгнуть с него».

Сказав это, Яхья с конём вошли в воду. Опытный, сильный конь широкой грудью рассекал мутный поток, весь вымок, но вынес всадника на тот берег. Мой конь был молод, я покупал его за исключительную красоту: литое тело, длинные, как струны, ноги, густая блестящая грива – он походил на ахалтекинца. Но, кажется, он впервые видел перед собой дикую стихию воды, не хотел приближаться, бил копытом то о землю, то по воде. Но я не давал ему возможности увернуться, и конь послушался моей руки, ступил в реку.

С самого начала он пошёл как-то странно, боком, когда дошли до середины, конь как подкошенный упал в ледяную мутную волну, а меня удар потока сорвал с седла. До берега было далеко, я никак не смог бы доплыть, оставалось только отдаться течению и надеяться на Аллаха. Вода бурлила, крутила меня, словно малую щепку, мне осталось пустить себя по течению и переплыть, куда волна меня кинет, лишь бы выбраться на берег. Так и сделал. В месте слияния двух рек показался мой конь и тут же исчез в мутном потоке, по дальнему берегу бегал и кричал Яхья, но река шумела так, что я ни слова не мог разобрать. Только видел, как взлетают его скрещённые руки, и понял, что он запрещает мне даже пробовать преодолеть реку.

Но я учился в Избербашском интернате, то есть много лет жил у моря и хорошо плавал. А для того, кто научился плавать так рано, вода не враг, и каким бы быстрым ни было

течение, справиться с ним не такая уж проблема. Я замахал в ответ, стараясь жестами успокоить Яхью, переплыл реку и выбрался на другой берег.

– А конь твой? – спрашиваю я в полном непонимании, ибо никогда не слышал, чтобы лошадей унесла река.

– Конь в этом бурлящем мутном потоке в двух местах появился, потом пропал с концами – река унесла, так и не нашёл нигде до Аварского Койсу. Даже не нашёл того, кто хотя бы кости моего коня видел. Через несколько месяцев один мой знакомый тлебелав (тохотинец) нашёл недалеко от аула Тохота мои хурджуны и потник от седла, больше ничего не нашли, – сказал отец и посмотрел на картину, которая висела на стене у меня дома. Это было именно то место – место, где сливались реки Глянадинка и Джурмут. Хотя картина висит там несколько лет, почему-то только сегодня отец рассказал мне эту историю. (На картине поздняя золотая осень и маленькие чистые реки. При дождях они становятся раз в пять больше.)

– Жалко было коня? – спрашиваю я, чтобы разговорить отца.

– В тот день нет, был рад, что сам спасся. А потом, когда прошло время, всякий раз вспоминал о коне, переходя эту речку, – совсем молодой и неопытный конь был. И удивительной красоты. С красивыми конями мне не везло, у меня их за мою жизнь было более сорока. Был ещё один удивительно красивый конь, с ним совсем печальная история, да-

же рассказывать не хочу... Ладно, чай дают они нам? – спросил отец, закончив разговор о лошадях.

Я очень хотел его вернуть к разговору, не знал, как это сделать, и спросил:

– А что случилось, отец, с другим конём?

– Застрелил...

– Застрелил??? Кто застрелил?

– Я попросил друга, чтобы застрелил. Это длинная история... Скажи там, чтобы чаю нам дали, – сказал отец и прервал разговор.

О том, как коня застрелили

– Это случилось в 1956 году, в середине лета. Со мной был Багадур из Чорода, шли из Тляраты в село Цумилух верхом на красивых лошадях-иноходцах. Председателем колхоза в те годы там работал наш джурмутовец Абдулазиз. Он позвонил к нам в Тлярату и попросил, чтобы к нему заглянули. «Пока вы едете, барашка тоже зарежем», – пообещал Абдулазиз, и мы, довольные, держали путь в Цумилух. Но Багадур был такой человек: где он, там обязательно должно что-то произойти. От богнодинской речки должны были свернуть в сторону Цумилуха, а Багадур направился в сторону селения Никар или Сикар. Он был беспокойным хулиганистым мужиком, делал что вздумается, особо не заморачиваясь, – рассказывает отец.

– В Цумилух разве через Никар идут?

– В том-то и дело, что не идут. А Багадур кричит мне из лесу: «У меня возлюбленная там, мне надо её видеть... Я слышал, её выдают замуж за односельчанина, если она хоть жестом даст понять, что замуж за него не хочет, я должен украсть и увести её».

Мне не очень понравился этот план, но отпустить его одного в чужое село я не захотел и повернул коня вслед за Багадуром.

За очередным крутым поворотом открылась площадка, где торчащие корни больших сосен взрыхлили землю и образовали подобие лестницы. Мой конь будто застрял в этой рыхлой земле, дважды рывком вспрыгнул через небольшой земляной вал, задыхаясь, поднялся, и на ровной дороге вдруг встал как вкопанный. Я спешился, осмотрел коня, потянул за поводья. Конь сделал шаг-другой, сильно припадая на правую переднюю ногу. Видимо, он неудачно ступил, застряв копытом между корней, а попытавшись рывком высвободить ногу, серьёзно травмировал её, а может быть, и сломал.

Я крикнул Багадуру, что возвращаюсь обратно, мой конь не возьмёт подъём в Никар. Он что-то прокричал в ответ и отправился своей дорогой. С большим трудом добрался я до Цумилуха. Когда пригласили сельского ветеринара, он сразу озвучил приговор. «Перелом... Очень жаль, какой красивый конь...», – сказал и отпустил ногу коня, на которую тот так и не решался ступить.

Всего месяц прошёл с того дня, как я купил этого коня, заплатив за него немалые деньги. Это был иноходец тёмно-каштанового цвета с длинной шеей. На лбу было белое пятно, а красивая длинная грива напоминала волну распущенных женских волос. Мало кто мог равнодушно пройти мимо него, не оглянувшись. И вот теперь из-за прихоти моего земляка, моей беспечности и стечения обстоятельств он был обречён.

Багадур вернулся, и мы направились в Джурмут. В ауле ветеринары и просто разбирающиеся люди подтвердили: ни лечение, ни наложение гипса ничем не помогут, надо избавляться от коня. Конь при этих разговорах прядал ушами и затихал, будто слышал и понимал каждое слово, иногда как человек глядел мне в глаза. Порой вздрагивал, смотрел на синие вершины дальних гор и ржал на весь аул.

Наступила осень. Горы вдалеке уже не были синими, а стали похожи на куски колотого сахара, ущелья и луга поутру оказывались покрыты инеем, речки стали тише, а дни короче. Все лошади спустились с гор: какие – в Цор, Белоканы и Кахетию на зимовку, какие – в кутаны на равнину вместе с чабанами и отарами овец.

Второй месяц шёл, мой конь сильно исхудал, неохотно щипал травинки и стоял на трёх ногах. Одна нога так и не касалась земли.

Когда за поворотом исчезли последние лошади, что направлялись в Цор, и пошёл дождь, перемешанный с мок-

рым снегом, меня охватило отчаяние. Приближалось время нашего расставания, наступала зима. После небольших размышлений я всё же решил избавить друга и себя от мучений.

Пришёл Багадур... Он был легкомысленным беззаботным человеком и с готовностью согласился мне помочь. Я дал ему мой наган, и мы направились в сторону речки. Как только дошли до края скалы, под которой шумела река, Багадур выхватил пистолет и как сумасшедший направил его на голову моего коня.

«Не смей!!! Подожди!!! Подожди, я уйду, тогда выстрелишь», – прокричал я и побежал.

Багадур опустил ствол и ждал, пока я исчезну за поворотом. Моё сердце учащённо билось, дыхание срывалось, я, зажав уши ладонями, сидел на корточках у тропинки. Но выстрела всё не было. Я ждал, и каждая секунда длилась долго и будто оставляла на мне свою отметину: одну, вторую, третью... Выстрела не было. Мои ноги затекли, словно я просидел так несколько часов. Наконец я встал и сделал шаг в направлении обрыва, где оставил Багадур и своего коня. И в это мгновение прогремел выстрел. И ещё один. И ещё. Я замер, а после побежал на ватных подкашивающихся ногах. Багадур собирал с земли гильзы, коня нигде не было. Я подошёл к краю скалы и взглянул вниз. Он лежал в глубине ущелья возле речки.

«Все три в голову», – сказал Багадур, усмехнулся и протянул мне пистолет. Меня на мгновение охватила глубокая

ненависть к этой ухмылке и человеку, который стрелял в коня, хотя я сам просил его об этом. И долго потом я себя упрекал за то, что сам не выстрелил, что передоверил это чужому человеку, для которого ни мой конь, ни то, что он был для меня как член семьи, ни я сам ничего не значили.

P. S. Стих, который отец сочинил о своём коне, он мне не прочитал, сказал, что не помнит. Помнить-то помнит, конечно, но прочитать не захотел – не принято как-то. Мне его по памяти прочитала старшая сестра, она в детстве рылась в отцовских дневниках, нашла этот стих и запомнила:

*Исанаги маялъ муґІрул расалғы,
Харища, тІогьоца берцин ғыабидал,
Тіомуразул васаз хыхъарал чуюл
Русназдаса ричун риччала къватІур.
Цоял эґье хъахІал, цоял бох хъахІал
ЦахІилал, баґІарал, лахІгІан чІегІерал
Тимаралъ цІвакарал, цІерґІан кенЧіолел
Цо ғыезул берцинлғы бищун пайда щиб.
Дир эґьехъахІ буго хІетІегі бекун,
КІудияб паиманлғы тІадеги бегун,
Раґъда ғыужумалде ғыалмаґълғыги ун,
Лъукъун гІодов ккарав раґъухъан гІадин.
Цо-цо лъугыина ғыеб цебеґо гІадин,
Юрґъа бачунаґо цебехун ине.
Цинги чІун хутІила бетІерги къулулн,
ЧІегІераб ракълалде маґІу гирун...*

Подстрочный перевод

*В наступающий май, когда низины гор
Цветами и травой украсятся,
Лошадей джурмутских джигитов
Отвяжут и отпустят на луга.
Одни с белой пяткой и ногами
Серой, гнедой, и вороной масти –
Сверкающие, словно начищенное стекло,
Как вам передать эту красоту?
Мой конь с поломанной ногой
Останется с грузом глубокой печали.
Словно воин, раненный на поле боя,
Когда друзья ушли на войну, а он остался.
Иногда встанет он, как и раньше,
Попытается идти иноходью.
Споткнётся... опустит голову на землю
И прольёт слезу на чёрную землю...*

Не берусь оценивать эти строчки, да они и не нуждаются ни в моей, ни в вашей оценке. Как не нуждается в ней тот бесконечный поток историй, что берёт начало в такой древности, что представить страшно, рассказанных голосами всех когда-либо живших мужчин моего рода, общий поток, в который, надеюсь, когда-нибудь вольётся и мой голос.

Про моего отца, сына, Ивана и немца

– И что? Ответил ты сегодня? – спрашивает отец моего сына, который вернулся из школы.

– Не спросил он. Несколько вопросов задал классу и начал новую тему, – говорит сын. Снимает куртку, шапку и бросает на стул. Прикладывает ладони к покрасневшим от мороза щекам и тут же просит у матери есть. Он ученик 7 класса первой школы Махачкалы. Я не понимаю, о чём они. Отец поясняет.

– Он ночью тут бубнил что-то, книгу, оказывается, читал... Спрашиваю: что читаешь? «Рассказ «Бирюк» Тургенева читаю», – говорит. Помнишь ты это? Вы проходили... – спрашивает отец.

– В школьной программе нет. Из «Записок охотника», кажется. Что-то про лесника, подробности не помню, – говорю я.

– Ну да, этого лесника и зовут Бирюк. Он был физически сильным и жестоким человеком. Вот этот злой лесник избивает одного крестьянина за то, что тот срубил дерево. Забирает его, сажает в подвал, охотник видит эту картину и просит лесника, чтобы он отпустил, готов даже оплатить срубленное крестьянином дерево. Лесник ни в какую не соглашается. Когда избитый крестьянин разозлился и обозвал Бирюка зверем, Бирюк его берёт за шиворот, выкидывает на улицу и отпускает на волю. Так заканчивается рассказ. Вот он рассказывает мне этот сюжет, – указывая пальцем на моего сына, говорит отец.

– Мне интересно стало, кроме пересказа сюжета, что-либо понял он оттуда, есть ли у них анализ или нет? И что хо-

чет Тургенев этим сказать? Почему лесник отпустил нарушителя? Его ответ удивил меня. Он говорит, что этот лесник по имени Бирюк, как пишет Тургенев, злой, как зверь, не совсем зверь такой. Пожалел же он крестьянина и отпустил, говорит.

– У каждого может быть своё мнение, что хочет сказать Тургенев. Это не математика, чтобы вывести формулу и дать единственный и верный ответ. Мне его ответ понравился. Или у них учитель литературы хороший, или сам он случайно мне разумный ответ дал. Поэтому я ему говорил, чтобы обязательно вышел, рассказал урок и дал учителю свой вариант идеи произведения. А он, как видишь, схалтурил и вернулся без оценки, – говорит отец.

Налили нам горячего чая, отец, как всегда, на свой армуд-стакан положил блюдце, чтобы чай долго остывал. Это для меня своего рода знак, что он собирается что-то рассказывать.

– Ты Ивана помнишь? Тракториста, который делал дорогу у нас в Джурмуте?

– Да, конечно же помню!

Это было в конце 1970-х годов. От нас вниз по Джурмуту на своём тракторе автомобильную дорогу делал некий Иван, русский, который работал в геологоразведке. Мой отец в те годы работал директором Чородинской средней школы и был в приятельских отношениях с Иваном. Тот часто бывал у нас в гостях. Отец ему наливал кахетинского, по его же

словам, Иван был человеком с хорошим чувством юмора.

Кажется, это и объединяло их, а не трактора и дороги, в которых отец мало что понимал. Когда Иван впервые к нам приехал и увидел молодцев на лихих скакунах, он сказал отцу: «Тут в горах, Исмаил, ни трус, ни лихач не проживёт. Один сорвётся и полетит в бездну из-за трусости, второй – из-за глупости. Чтобы выжить в горах, человек должен быть мужественным и трезвым». Возможно, эти слова и сблизили отца с Иваном. Они были друзьями.

– И что с Иваном? – спрашиваю я у отца.

– Помнишь, как он говорил? «Я вам не Иван, а Иван Филиппович. Иваном меня называть разрешаю только Айшат (это он про маму твою) и больше никому. Она доктор, имеет право», – вспоминает отец и улыбается.

– В конце 1970-х уехал он от нас, пропал, больше не видел и не слышал о нём. Жив ли? Не думаю, ему сейчас должно быть около 90 лет. Он был из Кубани. Иван Филиппович Годунов звали его.

В Кубань приехал из Центральной России в детстве, в годы войны. Так вот этот рассказ Тургенева мне напомнил одну историю, которую рассказывал Иван. О своём приезде на Кубань, о войне, о голоде, о казаках.

– Вот ваши джурмутовцы по образу жизни очень похожи на казаков, Исмаил, – говорил Иван. – Казаки, как и ваши, заставляют детей драться. Меня сколько в детстве дети казаков били. Стоило выйти, так и сразу взрослые подна-

чивали какого-нибудь мальчишку: «А ну-ка, дай ему в рожу!». Так и колотили. Ваши тоже заставляют детей драться, смотрят и хохочут. Ещё схожие черты у вас – вы бьёте своих жён. У казаков это особо жестоко бывало. Сами казачки ходят в длинных сарафанах. Когда провинится жена перед мужем, тот поднимает её сарафан, сверху над головой завязывает и начинает розгами хлестать по ногам и другим мягким местам.

Чаще всего это происходило по пьянке. Ваши тоже горазды бить жён... Ну ты, педагог, директор школы, наверное, не будешь бить Айшат, интеллигент ведь, а не выпивший казак, – говорит мне и смеётся.

– Я не знаю, что там казаки и Иваны делают, если жена или дети правила нарушат, хоть я трижды интеллигент, как настоящий джурмутовец, должен установить закон плетью, – говорил я, а Иван смеялся. Ещё он вот что рассказывал:

«Ужасное было время. Отец мой пошёл на фронт и пропал без вести. Мы переехали на Кубань. Голодал я много в детстве, сам удивляюсь, как выжил. К осени 1942-го немцы взяли Краснодар, среди народа ходили страшилки о душегубах-немцах, которые издеваются над военнопленными, рассказывали об ужасах и пытках. Была зима 1943 года. Я, как и многие дети, ходил босиком, ноги мёрзли. Но остаться дома – значит голодать.

Однажды с мальчишкой-казачонком мы ходили вокруг

казарм, где жили немецкие солдаты, смотрели на них, ненавидели и вместе с тем завидовали их одежде, начищенной обуви и думали, где бы найти хоть кусочек хлеба. Недалеко от лесополосы были их казармы и склады. Я думаю: «А что если залезть туда, вдруг можно что-нибудь утащить?». А товарищу это говорить не хочу – рискованно.

Он мог меня сдать или немцам, или нашим же, что ходили к немцам. Решил сам пойти, без него. Через пару дней я из лесу ползком добрался до забора позади склада, залез в окно и спрыгнул внутрь. А там целая гора сапог! За неделю до этого солдаты получили новое обмундирование, а ношенные сапоги предназначались военнопленным или разнорабочим в тылу. Я подобрал себе почти новые небольшого размера сапоги, полез обратно в окошко, а там внизу уже ходит немецкий солдат с винтовкой – сторожит.

Долго ждал, пока он отойдёт, выбрал подходящий момент, спрыгнул – и бежать! А тут часовой этот направил в мою сторону винтовку и кричит:

– Стой!!! Стрелять буду!!!

Я бросил ворованные сапоги и бегу дальше. Бегу и жду выстрела и своего конца. Через некоторое время я слышу за спиной тяжёлый топот, догоняет меня проклятый немец! Скатился в овраг кубарем, карабкаюсь на другую его сторону, а тут рядом с моей головой просвистело что-то и шлёпнулось впереди. Гляжу – это сапог. А следом и второй прилетел. Я вылез из оврага, оглянулся, а там, в метрах 15 от ме-

ня, стоит немец, смеётся и рукой на сапоги показывает, мол, забирай. Я и забрал. И домой пошёл».

Вот такую историю мне Иван рассказал, – усмехается отец. – Этот случай вспомнил я, когда твой сын мне про тургеневского Бирюка рассказал. От обоих ожидали зверства, а получили великодушие и сочувствие.

Когда отец и мать спорят

Моя покойная мама была женщина с характером. Она могла бескорыстно и искренно помочь людям, первой шла на помощь родственникам, соседям и просто сельчанам. Она целыми ночами дежурила возле больных, делала на дому курс лечения, когда в горах Джурмута не было ещё автомобильной дороги и не могла приехать скорая помощь. Но был у мамы один недостаток – иногда она была слишком резка и прямолинейна, говорила людям в лицо не очень приятные для них вещи. За что отец её поругивал и называл «гъаб льел гьечІаб ханжар» (клинок или кинжал без ножен). Отец для нашей семьи и школы, где работал, был непререкаемым авторитетом. Не дадут мне соврать джурмутовцы. И мама была единственной, кто осмеливался спорить с ним. Такое случилось, когда она начинала хвастать селом своего отца. Родом мама была из соседнего аула, хвалилась своим тухумом, какими-то газиями из своего тухума, достатком, богатством дома, где родилась и жила до замужества. У отца моего родители умерли рано, и он поехал в город, в интернат, а мама росла в горах в доме зажиточного джурмутовца, который

имел крепкое хозяйство. Однажды мама говорит:

– Наш дом никогда не знал, что такое нехватка еды. У отца всё было. Он делал большие мешки из шкур козла, мыл, чистил и заполнял их пчелиным мёдом. Грузил мешки на трёх лошадях и вёз через Тлянаду в Ритляб, дальше – в Чародинский район, а оттуда в Кумух. Продавал лакцам высшего качества мёд и возвращался с рулонами ткани. У нас дома стояли три сундука с отрезами, три сундука кукурузы, дно которых никто не видел со времён моего прапрадеда (всегда полные были они), и была целая отара овец. Когда я одно за другим платя меняла, ваши салдинки были в залатанных экъделах!

– Не знаю, какие ты платя носила. Я тебя, несчастную дорярку в галошах, испачканных навозом, одел, обул и устроил учиться, – говорил отец в ответ. – А ваше богатство досталось ворам. Если бы не наш салдинец Гамшули Муртазали, у вас всё подчистую забрали бы!

Заметив мой интерес, отец повернулся ко мне и стал рассказывать:

– У нас в ауле был такой тухум – Гамшулиял, многие из них переселились в Цор, а оставшиеся спустились на равнину, они тут в Дагестане. Их предок был прославленный в округе кузнец. Однажды отец твоей мамы пошёл к нему, чтобы заказать навесной замок. Муртазали Гамшули сказал ему: «Сделаю, но мой замок ценой в два годовалых барана». Абдурахимил Мухама возмутился: что это за цена? Как,

мол, можно за всякую железку требовать целых двух баранов. Кузнец сказал: «Неужели у тебя в том доме меньше чем на два барана богатства? Если меньше, тогда повесь на дверь деревянный засов и живи. У меня нет замков, которые висят на дверях, где меньше чем на два барана богатства». Правда остроумный ответ? – сказал отец, улыбнулся и посмотрел на меня довольный.

– Да, конечно, – говорю я. – И что дальше?

– Пожадничал её отец, не купил, подумал, что Муртазали его обманывает. Потом обокрали её отца.

– Ле васав, не говори, чего не знаешь, – возмутилась мама. – Дал два барана и купил у этого скряги тот замок. Он всю жизнь висел у нас на дверях. Къверкъ рахІай (лягушка замок) называют, говорят, ни один вор не может открыть. А в дом наш воры залезли ещё до этой покупки! Но не всё украли.

– Так признай, если бы не наш Гамшули Муртазали, если бы не его замок-лягушка, то хвастать тебе сейчас было бы нечем, – припечатал отец, – остальное тоже украли бы!

1. экъдел – верхняя одежда старых женщин в Джурмуте

Диалоги, рассказы и легенды

Как Гвед не давала девушкам

замуж выйти

Кроме Будус, которая прославилась своим непокорным,

буйным характером, еще были женщины в аулах Джурмута, что выходили за рамки строгого горского уклада. Такие качества как покорность мужьям и страх перед братьями у них напрочь отсутствовали. Они бросили вызов обществу и в итоге заставили себя принимать такими, какие они были по своей натуре. Я не стану судить хорошо это или плохо, но расскажу некоторые истории о них.

– Да убережет нас Всевышний от женщин с мужским нравом, – говорит тетя, – Такие не хотят слышать о чести рода. Хотя люди и случаи разные бывают. То, что для одного мужчины будет позором, который кроме как кровью не сможешь, другие принимали как обычное дело. В итоге и сами люди смирялись с таким положением вещей – говорит тетя. До этого она рассказывала об одной загадочной женщине, которая имела удивительную власть над молодыми, незамужними девушками. О природе этой власти и ее влиянии разное говорили, но никто толком объяснить не смог, почему целомудренные, умные девушки из влиятельных тухумов попадали в ее сети, подчинялись ей и делали то, что она говорила.

– Так это о ней ты рассказывала, что ее поступки должны были смыть кровью? – спрашиваю я тетю.

– И не только о ней, в целом. Хотя кроме вот этой ... болезнью что ли это назвать, талантом, умением, волшебством... я не нахожу нужных слов, каким то необъяснимым даром обладала эта женщина.

– Её как звали? – спрашиваю я. Тетя неторопливо перебирая четки, приступает к рассказу.

– Патима кажется... Но никто ее этим именем не звал. У нее была кличка Гвед (Ястреб на джурмутском говоре).

– Гвед???

– Гвед... – улыбается. Я не знаю каким образом она получила такое странное имя и что это означает. В смысле Гвед – ястреб это или Гвед – гведей – разговор (на диал.) от того, что была слишком болтлива получила она, я не знаю. Моя покойная бабушка рассказывала о ней. По словам бабушки Гвед была маленького роста, худая, с большими светло-серыми глазами. Даже в ее внешности и повадках были странности и что-то из потустороннего мира, хотя о ее связях с шайтанами ничего не известно.

– Странно как то получается, что у тебя появилась героиня без шайтанов, – иронизирую я. Та, не обращая внимания, продолжает.

– Вот эта Гвед имела невиданную власть над девушками села. Стоило Гвед узнать, что какая-то девушка засватана, тут же она встречалась с потенциальной невестой и на следующий день засватанная напрочь отказывалась выходить замуж, какой бы завидный жених, какого бы рода ни был.

– Как объясняли отказ?

– Никак не объясняли, отказывались и все. Для матерей и родни девушки это была целая трагедия. А для стороны жениха – оскорбление, которое очень часто приводило к по-

хищениям против воли и к разборкам на грани кровопролития. А причиной всему, по мнению сельчан, была встреча Гвед и будущей невесты. По мнению одних она находила множество недостатков у жениха, а если не было таких, то придумывала и преподносила все с такой убедительностью, так умела расписать невозможность этого брака, что девушки слушались беспрекословно.

По другой версии обладала каким-то волшебством, которое влияло на молодые, неокрепшие умы молодых девочек. Как бы ни было, она в воспоминаниях сельчан осталась такой женщиной, которую не могли подчинить себе ни мужчины рода, ни сельчане, ни адаты и религия, и которая вытворяла с людьми, что хотела.

– Сама она была замужем?

– Нет. Сама тоже не выходила и другим не давала. И это было очень странно и необъяснимо. Поэтому в Джурмуте говорят когда человек нарушает договор и напрочь отказывается от уже данных обязательств: “Гвед дандчІвараб мехаль бахІарай гІадин нагІадала хьо чІала”. (Отказывается как невеста после встречи Гвед).

– Это про нее был стих, который я слышал “Годол хьибил хьвечІал ясал раталги...”

– О ней, у стиха была предыстория. Вообще она в памяти людей тоже осталась из-за этого стиха. Был оказывается некий ГІ исалав, состоятельный человек со своими отарами овец, богатым домом. Он развелся с женой, решил по новой

жениться на молодой девушке и сыграть свадьбу. Засватал он одну девушку знатного рода, которая осталась дома из-за смерти ее жениха. Она была в возрасте, умна и внешне хороша. Люди, которые были в курсе интриг и козней Гвед, сказали ГІ исалаву, если невеста встретится с Гвед, то не переступит порог его дома и не услышит молодежь мелодии зурны в ауле. Особенно его в этом убеждал приезжий мутаалим (студент в медресе) из Тлянада, который жил в доме у ГІ исалава. Мутаалим еще был парнем с тонким чувством юмора и острый на язык. Оказывается, он тоже был жертвой интриг Гвед, ему тоже отказала девушка, которая была готова выйти за него замуж, отказалась после встречи с Гвед. Когда ГІ исалав засватал невесту, этот мутаалим на гвае (место сбора молодежи для оказания помощи кому строят дом) прочитал стих:

Кири бокъараца Гвед чI вай, супиял,

Гвед чI ва махъияб къо къачI ай, ГІ исалав,

Годол хъибил хъвечI ал ясал раталъи,

Рахъи къирагъуа къулулгъ гъубузи...

(Чтобы ГІ исалав готовил свадьбу на завтра

Пусть суфии убьют Гвед, ради Аллаха.

Если найдутся девушки, неподвластные Гвед

Отведите их в сторону, готов служить им во веки)

Но ГІ исалав не отступил. Уже прибыл зурнач из Генеколоба и барабанщик из Тлянада, во дворе ГІ исалава только разжигали костер и ставили большой казан, куда вмеша-

ются целые туши баранов. Прозвучала пробная песнь зурны и так же несмело отозвался барабан. Но атмосферу праздника нарушили женщины, что быстрыми шагами спускались со второго этажа дома ГІ исалава, взволнованно переговариваясь. Кто-то позвал ГІ исалава и отведя в сторону, обменялся с ним двумя-тремя фразами. После чего ГІ исалав некоторое время в полной растерянности простоял под навесом своего дома, а затем быстро зашагал по узкой улице аула к мечети. Один из поваров у костра почесал затылок и кивнул в сторону соседнего аула:

– Сваты пошли в Салда. Иначе куда денем столько мяса и заготовку на свадьбу? Пошли за новой невестой...

– Как за новой? – спросили несколько человек в один голос в полной растерянности.

– Как и до сих пор. Пришла мать невесты и плачет, хоть убейте, говорит, не соглашается девушка выходить замуж. Еще вчера согласна была, говорит. Когда вечером возвращалась с сенокоса, ее у речки подкараулила Гвед и шла с ней до аула, что-то ей рассказывала. Утром невеста сказала, хоть убейте, не выйду за ГІ исалава.

Вы только подумайте, ГІ исалав где? Она где? – возмущался старик ці ивур (повар у костра) и выбросил в сторонку пену с кипящего мяса. На лицах людей, окружавших костер были странные выражения: у одних – озабоченность, у других – удивление, у третьих – злоба, кто-то злорадствовал и ухмылялся, а некоторые простодушно радовались, что

успели жениться до того, как их невесты попали в сети Гвед. Вот такая оказывается была женщина. А ГИ исалав в срочном порядке нашел девушку в другом ауле, и сыграл свадьбу в тот же день. Что Гвед подвигло на разрушение чужих судеб, одному Аллаху известно. По одной версии, ее бросил любимый человек в молодости, по другой, она сама не хотела замуж и было ревностное отношение к тем, кто в счастливом браке. Когда мужчины аула сказали, что они убьют ее за эти интриги, старик, отец Гвед ответил: “Если вам не жалко свою кровь или у вас есть сто верблюдов дать мне в качестве дийат (штраф за кровную месть) можете это делать”

– И что? Убили её?

– Нет. Никто не рискнул, взять на себя грех кровной мести, как я слышала. А каков был ее конец, мне не известно – сказала тетя и с виноватым видом начала перебирать свои четки и шептать свои “астагьфирулла”, которые были прерваны воспоминаниями о Гвед.

Я не стал у нее спрашивать о второй женщине, которая бросила вызов обществу. Её история несколько щекотлива и может быть истолкована родственниками неоднозначно. Она, в отличие от Будус и Гвед, была внешне очень привлекательна и злоупотребляла этим. Ее мужа убили в Цоре. Когда выстроилась очередь желающих жениться на молодой, красивой вдове, она поставила условие потенциальным женихам. Кто первым принесет отрубленную кисть убийцы ее мужа, за того и выйдет. Вот такая жуть в обертке романти-

ки и любви.

Гешул Патима и её мужа

– Была ещё некая Гешул Патима, которая имела громадную власть над мужчинами. Одни говорят, что она была очень привлекательна внешне, весь секрет во внешности. Говорят, что, когда она улыбалась, её лицо сияло такой красотой и обаянием, что мужчины просто голову теряли и не могли устоять перед ней. А моей покойная бабушка говорила, что не было ничего не обычного в её внешности, хитрость, коварство и изворотливость ума выручали её во всём.

– Её мужа убили? – спрашиваю у тёти, чтобы получить информацию поскорей.

– Да, мужа её звали Иса, убил чисто случайно его близкий друг из Цора. Иса был зажиточный богатый человек, имел отары овец и табуны лошадей. На зиму, как и все джурмутовцы того времени, спускался в Цор, а красавицу-жену, вот эту Гешул Патиму, оставлял возле матери в горах. В ту зиму с Исой в Цоре случилась беда. Один пьяный человек на цорской свадьбе вытащил наган и начал там беспорядочно стрелять. Чтобы обезопасить окружающих его людей, друг Исы, мужик из села Кабахчоли в Цоре, забирал у пьяного пистолет. И в этой борьбе и суматохе, после того как забрал пистолет, чтобы опустошить его, последний выстрел сделал в сторону от толпы. Пуля эта попала в Ису из Чороды, который оказался за навесом из брезента. Все в один голос сказали,

что это был несчастный случай. Вот так в середине зимы похоронили в Цоре богатого красивого мужчину в расцвете лет по имени Иса из Джурмута. Перевал между Цором и Джурмутом был закрыт большими снегами, только в мае открывалась дорога. Вести тоже доходили только весной через людей по этой дороге. Когда остывшее тело Исы предали сырой земле аула Кабахчоли, Гешул Патима сидела у костра в ауле и вязала для мужа удивительной красоты джурабики. Перед её глазами мелькали радужные картины цветущей весны: спускающиеся с альпийских лугов отары овец, лошади да чабаны и, конечно же, сам Иса, бегавул, хозяин всего этого хозяйства на вороном коне-иноходце, в оружии с серебряной насечкой и в красивой черкеске с золотистыми газырями. Когда мечты о весне отпускали, Гешул Патима выглядывала из маленького окошка и бросала взгляд на окружающие огромные горы в снегах, чьи вершины сверкали, словно серебро, под лунным светом. Весна наступила. Растаяли снега на перевале, открыли дорогу сперва благородные олени, вслед за ними – пешие из Джурмута. Пришли и с лошадьми чородинцы. Но они пришли тихо, на годекане и на узких улицах древнего аула люди шептались между собой. Когда пятеро седобородых стариков спускались из годекана в сторону дома Исы, они увидели молодую женщину, которая шла размеренным шагом в сторону аула из летней фермы чородинцев. Один из стариков с разинутым ртом смотрел на неё, вдруг повернулся к старикам и сказал:

– Нет... нет... я не могу... я не могу подойти к этой женщине с этим известием, вы как хотите... и убежал домой. Старики были возмущены, заворчали, пошептались и направились в дом Исы. Гешул Патима у порога своего дома нашла привязанного к столбу коня, которого прислали сельчанам, чтобы передать ей. Она погладила его по гриве, почесала лоб, прошептала ласковые слова и радостная заскочила в дом. Там она наткнулась на седобородых стариков с опущенными головами, которые не могли ей в глаза смотреть. Гешул Патима застыла у дверей, молча, медленно спустилась на порог двери и села. Говорят, она в обморок упала, когда сообщили о страшной вести из Цора. Возможно, за Ису она вышла замуж по любви, тот был во всех отношениях достойный любви мужчина. У их любви было короткое, но красивое начало и ужасный, трагический конец. Но жизнь на смерти одного человека не заканчивается и тут она не закончилась на смерти Исы. Гешул Патима, несмотря на траур и неизгладимую скорбь на лице, ещё была красивой женщиной, чья манера поведения, улыбка, разговор и внешность сводили с ума мужчин. Появилось много желающих жениться на ней. Но она хранила верность ушедшему мужу и отказывала всем. Когда чрезмерно настойчивый жених по имени Халил, которого она жёстко гнала от себя, не отвязывался, она сказала:

– Я храню верность мужу, пока его убийца по земле ходит,

я не могу выйти замуж. А замуж я выйду за того, кто принесёт мне отрубленную кисть руки, которая стреляла в моего Ису.

Влюблённый жених это взял на вооружение и начал прокручивать в голове план, чтобы получить красавицу в жёны. Направился он в Цор, нашёл дом того несчастного в один вечер и отправил туда человека, чтоб его вызвать на улицу. Тот мужчина, которому вся родня Исы в Цоре и в горах сказала, что полностью прощает ему этот несчастный случай, всё же вздрогнул от ужаса, когда услышал слова «вас зовёт Халил из Джурмута». Он на минуту встал у дверей, повернулся к сидящим дома и добавил: «ХИлла бугудай?» («Не обман ли это?»), всё же вышел, чтобы не сомневались в его невиновности. Когда он закрыл в темноте калитку прогремел выстрел в темноте. Вооружённые кабахчольцы выскочили и начали палить, Халил сел на коня, поскакал в лес. Догнать его невозможно было. И пришёл этот межеумок к Гешул Патиме, заявил, что он отомстил и она должна выйти за него замуж.

Вот тут оценки красавицы Гешул Патимы в Джурмута разнятся, и версий несколько. По одной версии она предложила отрубить кисть убийце своего мужа, на её взгляд, не очень решительному человеку, чтобы отвязаться от него, надеясь на его нерешительность. По другой версии она была более чем хитра и коварна, хотела, чтобы убили того человека, по чьей халатности потеряла мужа, и заодно можно отказать

Халилу. Не выйти можно было от того, что он не принёс отрубленную руку убийцы. Это явно невыполнимое условие было поставлено умышленно, чтобы в последующем отказать ему. Была и третья версия, якобы услышанная от самой Гешул Патимы.

Она, оказывается, сказала, что не хотела выйти замуж за Халила, думала, что никогда он не пойдёт на убийство безвинного человека ради неё, имея жену и детей. Сказала это Гешул Патима или нет, одному Аллаху известно. Но эта запутанная история мести и её вынужденное замужество с нелюбимым человеком остались в памяти людей. Говорят, что она Халилу тоже отказывала, несмотря на то что он ради неё человека убил. В конечном итоге она вышла за Халила. Была вынуждена выйти за него. Была ли она счастлива с ним, мне сложно сказать, но, говорят, даже будучи замужем, она оставалась очень обаятельной и привлекательной, мужчинам даже простое общение с ней доставляло большую радость. Была у неё какая-то необъяснимая харизма и власть над мужчинами. Женщины её времени, оказывается, говорили: «Если Гешул Патима прикажет, то любой из мужчин любого убьёт, для чего убивают, они и не будут знать». Говорят, что после смерти Халила она вышла ещё за одного человека. Неизвестно, какова была история их брака, известно, что была красивая женщина по имени Гешул Патима, которая имела огромную власть над мужчинами разных возрастов. От первого брака с Исой у неё был сын Курбанмагомед,

который был известен в Джурмуте и в Цоре под прозвищем Маралбег. По мнению многих, его юмор, обаяние, ловкость, власть над людьми и все лучшие качества были не только от отца, но и от Гешул Патимы, от матери. Когда исполнилось двадцать лет Маралбегу, он пришёл к матери из Цора, положил перед ней большой свёрток и сказал:

– Возьми, Гешул Патима, эти деньги. Найди самую красивую девушку в Джурмуте, купи ей серебро, золото и лучшие платья и сыгрой мне свадьбу. Кто может знать лучше Гешул Патимы, как играть свадьбы и создавать семьи? Ты достаточно вышла замуж, дай выйти замуж и другим девушкам.

Как Маралбег «угощал» черкеску

Я как-то рассказывал о крылатых выражениях и поговорках древнего Джурмута. Горцы ведь ничего просто так не говорят, за каждой поговоркой стоит история, какое-то событие. Многое потеряно, став неактуальным, но есть и такие, что прорвались к нам сквозь толщину веков. Вот, например, «Чухъил гьоболлы» (гостеприимство по черкеске). Смысл-то ясен, но как эта поговорка зародилась? Как-то мне удалось разговорить отца на эту тему. Он на мгновение задумался и попросил ещё стакан чая. А это уже предвестник какого-нибудь рассказа или истории.

– Был некий Маралбег из Чорода, – начал отец. – Зажиточный крестьянин с большой отарой овец, с гарцующими ухоженными конями, красивым домом и оружием в серебре. Пользовался большим почётом в Цоре, в Джурмуте, да-

же в соседней Чароде, в Гочобе было, говорят, много друзей у него, – сказал отец, попросил сахара к чаю и продолжил.

– Маралбег на зиму спускался в Цор, летом поднимался в горы с отарами. Имел большие земли для сенокоса и жил себе, как князь Троекуров на собственной усадьбе со своими прихотями. Помнишь из «Дубровского» Пушкина?

– Да, конечно, – говорю я, чтобы отца как можно быстрее вернуть от Троекурова к Маралбегу, – Маралбег тоже имел крепостных своих, как русский князь?

– Нет конечно. В горах такое не могло быть, там каждый уздень живёт своей жизнью. Я в смысле, что он был богат. Земли, отары, лошади и прочее. И вот однажды спустился Маралбег в Цор со своими отарами и зимовал там. На зиму он в Белоканах арендовал земли у одного богатого кабахчелца. У них были хорошие приятельские отношения. Цорский аварец тоже имел там большие земли, фруктовые сады и своё хозяйство.

Маралбег часто навещал своего кунака в Кабахчеле. У кунака был единственный сын, вырос он, и кабахчелец решил сыграть свадьбу сыну. Пригласил он Маралбега на свадьбу в Кабахчел. Понятно, что даже при одинаковом достатке человек из Цора и горец очень отличаются друг от друга по менталитету. Наши соседи за хребтом очень помпезно отмечают такие мероприятия. Это у них своего рода самоутверждение, признак социального статуса. Возможно, это пришло от азербайджанцев, которые вместе с ними живут.

В горах это не проявляется, и если человек позволит лишнее, его джамаат будет осуждать. Наступило время свадьбы кунака. Маралбег не успел пойти домой и прилично одеться и собрался в своих чабанских лохмотьях на кабахчелскую свадьбу. Когда чабаны сделали ему замечание, как, мол, можно так пойти на свадьбу понтовитых и брезгливых кабахчелцев, Маралбег сказал:

– Ле, кто меня знает лично, и в такой одежде примет, до мнения тех, кто не знает, Маралбегу нет дела, пусть как хотят, так и думают.

К обеду добрался он до двора кунака. Там под виноградным навесом зурна, барабан, танцующий весь Кабахчел, с утра уже все навеселе. Маралбег у одного спросил, где его кунак. Тот усмехнулся, что-то сказал и ушёл. Подошёл к другому, он и слушать не стал. Когда Маралбег собирался уходить, один молодой человек подошёл, посмотрел на его изодранные чарыки, на лохматую папаху и сказал:

– Хозяин с хакимами из Евлаха внутри, тебя не пустят туда, гьоболав. Там важные люди, идём я тебя накормлю вон там, – и указал на пустой столик в углу двора. Маралбег ничего не ответил и молча ушёл. Поехал оттуда в Пошбина, где останавливался у кунака. Побрился, надел новую черкеску, взял кинжал в серебре, надел каракулеву папаху, сел на гнедого коня-иноходца и направился в Кабахчел. Как прискакал красивый конь и нарядный всадник, тут же всей свадьбой встретили его у порога. Кто-то коня взял, второй обнял, и ка-

бахчельцы встали в ряд, чтобы подать руку вновь прибывшему важному гостю. Тут же его повели к хозяину в кунацкую, всем гостям представили и посадили на почётное место за столом. Вмиг принесли Маралбегу варёное мясо, хинкал, долму и прочие яства азербайджанской кухни. Маралбег молчал и не спешил приступать к трапезе. Когда кунак сказал: «Бисмиллах делай, Муралбег-муалим, ты с дороги, проголодался, наверное», Маралбег шлёпнул по подолу своей черкески и крикнул:

– Кванай, чухъа!!! (Ешь, черкеска!!!) Кванай, ханжар!!! (Ешь, кинжал!!!).

Гости из Евлха и кабахчельцы в полном недоумении смотрели, гадая, не свихнулся ли бухадар с гор. Вмешался хозяин свадьбы:

– Ле, Маралбег, что с тобой? Черкеска и кинжал как могут кушать? Ты сдурел что ли?

– Это ведь для черкески и кинжала кушать подали? – возразил Маралбег.

– Как это понимать? – спросил кунак.

– Как это понимать? Я объясню тебе мой, милый друг!!! Этот же Маралбег из Джурмута ровно час назад бегал по твоему двору и искал тебя, ни один кабахчелец прилично на мой салам не ответил, все отмахивались как от назойливой мухи. Я был в своих чарыках и лохматой чабанской папахе. Хотел разделить с тобой радость и сразу вернуться к своей отаре. Не пустили меня к тебе, и как гостя меня никто не принял.

Пришлось съездить в Пошбина, переодеться и надеть кинжал в серебре.

И теперь меня посадили на вот такое почётное место и угощают хинкалом. Поэтому эту еду дали не Маралбегу, а черкеске и дороговому оружию. Вот что вам навязали падарал (азербайджанцы), горцам, для которых выше всех вершин была собственная честь. Я не намерен принять от вас чухъил гьоболлы (уважение черкески), я хочу, чтобы ты во мне видел прежде всего человека, – сказал Маралбег и покинул свадьбу.

Почему Хаджимурад боялся карахцев?

Маралбег, как я упоминал в прошлых заметках, был зажиточным крестьянином с отарами овец, собственной землёй в Цоре и в горах, человек тонкий, язвительный, ироничный и острый на язык, у которого на все случаи жизни были свои словечки и присказки. Многие из них стали крылатыми выражениями в Джурмуте.

Одно из таких выражений: «Къаралал рехърабгу XI ажимурад гI адин тархъила» (боится как Хаджимурад карахцев). Так говорят, когда человек боится непонятно чего. Что за Хаджимурад, какие ещё карахцы, как мог легендарный, самый известный в горах Хаджимурад Хунзахский, которому неведомо было такое чувство как страх, бояться карахцев? И об этом ли Хаджимураде речь, вы поймёте чуть позже.

Маралбег занимался торговлей и поехал в Карах за баранами, чтобы продать их вместе со своей отарой в Кахетии или в Белоканах. С утра оседлал Маралбег своего иноходца вороного цвета по кличке Хаджимурад, надел красивую черкеску, оружие в серебре, сел на коня и направился в Карах. Было цветущее лето и ясный солнечный день. Ближе к концу дня он через Нукатльский перевал спустился к реке Кара-Койсу и держал путь в сторону Гочоба.

От речки по узкой тропинке поднялся на гору, конь шёл быстрой иноходью в сторону аула. Но, когда после очередного поворота открылась ровная дорога, конь прервал быстрый ход и встал как вкопанный, затем фыркнул и прыгнул с тропинки вниз по крутому склону. Маралбег упал и полетел кувырком в овраг. За ним так же кувырком летел конь. Приземлившись, Хаджимурад минутку полежал, фыркнул, заржал и встал на ноги.

С крутого склона вниз к коню и всаднику бежали женщины узнать, целы ли оба. Маралбег встал, шагнул навстречу, поблагодарил их за заботу, сказал, что жив и доберётся сам до Гочоба.

Тогда-то он и понял, что конь на быстром ходу, вывернув из-за поворота, неожиданно увидел прямо перед собой женщин, что косили траву. Их-то он и испугался. Маралбег поправил седло, себя привёл в порядок и направился в сторону Гочоба. Когда вошёл в село, было предзакатное время, вершины дальних гор были залиты последними лучами солнца.

Решил напрямик направиться не к своему кунаку, а на аульский годекан, где все собираются вечером для беседы. Там удобнее будет поговорить с гочобцами о делах, да и по гочобцам он соскучился. Тут его все знали, сам тоже многих знал.

Привязал коня к столбу недалеко от джамаата и подошёл:
– Асаламу гІ алайкум, гьочосел! – обратился Маралбег к гочобцам.

– ВагІ алайкум салам, Маралбег, – сказали гочобцы и встали поздороваться с гостем.

– Ты откуда? С Цора путь держишь или с Джурмута? Как там омур-кьаналал (джурмутовцы и тлянадинцы), что увидел интересного? – спросил один из друзей. Маралбег с хитрым прищуром осмотрел карахцев и сказал:

– Видеть-то я много что видел. Обскакал на моём Хаджимураде и Гуржистан, и Азербайджан, и аулы Дагестана, но я таких мужественных людей, как в Карахе, нигде не встретил. Джамаат замолк от неожиданного ответа, знакомые Маралбега, почувствовав его иронию и какой-то подвох в словах, улыбаясь, спросили: в чём же это выражается, почему именно сегодня ты расщедрился на добрые слова в адрес карахцев?

– Как это, в чём? Вот эти женщины на сенокосе ваши?

– А чьи женщины могут быть там, кроме наших? – ответил кунак Маралбега.

– Они настолько страшные, что мой ХІ ажимурад, кото-

рый не боялся ни в Гуржистане, ни в Дагестане ничего и никого, как увидел карахских женщин, со страху бросил меня и себя с высоты, чуть не разбились мы вдвоём. Вы очень мужественные люди, если к этим женщинам без оружия ночью можете подойти, – сказал Маралбег.

Весь карахский годекан взорвался от хохота и начал бросать друг другу колкости. «От вида твоей жены прыгнул Хаджимурад в пропасть», – говорил один. Другой отвечал: «Если бы твоя там оказалась, ни конь, ни всадник живьём не добрались бы до аула». В общем, весёлые и дружелюбные карахцы с пониманием приняли шутку Маралбега.

– А в жизни его этот юмор и колкости как выручали, так и много неприятностей принесли. Таков был характер человека, – говорит мой отец. – Когда он был уже в преклонном возрасте, из-за его языка произошло убийство. Родственники убитого хотели отомстить, шли зимой за кровником в горы через перевал, попали в снежную лавину и умерли.

Его единственный сын Маралил ГІ али тоже очень приятной внешности, меткий стрелок и отчаянный храбрец, был убит в расцвете лет в Цорском лесу.

Ему устроили засаду и выстрелили в спину. Говорят, тоже был на язык не очень хорош. Может, это было причиной его ранней смерти. Хотя кто знает, говорят ведь, что всё предначертано. А какова наша роль в predetermined судьбе – это большой и сложный вопрос.

Дядя Абдурахим,

кони, оружие и грузины

Отец мой уважал его всегда, у отца к нему были особые чувства. Жил он в аварском селе в Цоре, на границе Грузии и Азербайджана. У него были свои овцы, скот, крепкое хозяйство, красивые лошади, постоянно носил с собой револьвер Наган. Имел большую страсть к оружию, покупал, продавал и дружил с каждым, кто имел отношение к нелегальным стволам и хорошим лошадям. Приходил к отцу из Цора в Джурмут всегда ночью. Отец очень радовался, когда он появлялся, подшучивал над его ночными визитами, над страстью к оружию и лошадям. Он моего отца двоюродный брат, Абдурахим его зовут.

Когда услышал, что отец болеет, он, уже 78-летний мужчина, сел на такси и приехал из Цора. А это почти тысяча километров, ехать около полусуток. Не виделись мы более двадцати лет, после распада СССР в горах нас разделила граница. Я представлял его дряхлым стариком, ведь столько лет прошло. Нет же, пришёл почти тот самый наш джурмутский ночной гость, только уже не на вороном скакуне и без нагана. Всё тот же крупный орлиный нос, высокий лоб, холодный взгляд карих глаз и угрюмость лица, характерная для горцев.

Смотрел я на него и вспоминал, что рассказывал отец и наши сельчане. Говорили, что как-то услышал он, что один молодой человек продаёт пистолет в Белоканах. Позвал его к себе, посмотреть, что за пистолет. Оказалось, самый обыч-

ный, кустарного производства с барабаном, который надо прокрутить после каждого выстрела, с пулями от мелкашки. Дядя Абдурахим выстрелил в ворота своего дома и не нашёл места попадания пули. Он посмотрел на торгаша, забежал к себе в комнату, надел фуфайку и вернулся с двумя пистолетами в руках. В одной руке его собственный наган, в другой – пистолет-самопал. Протянул продавцу его негодный товар и сказал:

– Выстрели в меня из твоего пистолета, он мою фуфайку не продырявит!

Молодой человек стоял в растерянности и не знал, что сказать в ответ странному покупателю.

– Выстрели, говорю тебе, иначе я тебя продырявлю как сито. Что ты уставился?

Продавец бледный как полотно дрожал и не знал, что делать. Стрелять опасно, не стрелять – его самого пристрелить могут. Тут во двор ворвались соседи и с трудом успокоили Абдурахима.

– Если я услышу, что ты кому то продал этот «мундштук», мой наган будет с тобой разговаривать. Кого дурить ты хотел? Исчезни!!! – сказал Абдурахим и выставил за дверь невезучего продавца пистолетов.

Рассказывал отец ещё одну очень непонятную историю. Как лошадь дяди Абдурахима всего за один месяц в горах чуть ли не одичала, и он не мог её поймать. Долго бежал за ней. На закате третьего дня он загнал её в такое ме-

сто, откуда дороги не было. Только скалы вокруг и пропасть. Лошадь остановилась там, повернулась к нему. Выбор был невелик: либо подчиниться хозяину, позволить надеть на себя уздечку, либо столкнуть его с тропы. Человек и лошадь стояли и смотрели глаза в глаза друг другу. Не больше 30 метров разделяли их. Абдурахим сделал вперёд шаг, затем второй, третий... Лошадь заметно нервничала, а при очередном шаге всхрапнула и понеслась навстречу человеку. Её мощные копыта отбивали бешеный ритм, глаза сверкали, развевалась грива, и шла она на него, и тут прогремел выстрел... стремительный бег оборвался, заржала жалобно лошадь, прямо у ног Абдурахима рухнула на колени и там же умерла. Абдурахим вытер с лица пот, подул в дымящийся наган, тяжело вздохнул и сел возле мёртвой лошади. Долго просидел, глядя, как темнеет трава, залитая горячей кровью. Вечером вернулся домой один.

Мне никак не удавалось разговорить его. Только пару историй рассказал, связанных с грузинами в Цоре.

– С азербайджанцами мои отношения особо не сложились, хотя они для нас единоверцы. Они по характеру своему нам, горцам, не подходят. А грузины щедрее, благороднее, они добро, которое ты сделаешь, никогда не забудут, отзывчивы и благодарны. Один мой друг говорил: «Мне мёртвый грузин ближе, чем самый лучший азербайджанец. Если ты пойдёшь к мёртвому грузину, там тебе бокал вина хоть нальют, а азербайджанец будет смотреть, что же ты ему при-

нёс».

– Поэтому ты в Грузии чабановал?

– Именно поэтому, мне легче было с ними. Что мне оставалось, кроме как чабановать? Вырос в Цоре, с учёбой не получилось, да и сам я не желал учиться. Не моё это – ходить и отчитываться перед каким-то хакимом, чтобы в конце месяца гроши получать. Мне по душе горы, овцы, лошади, нормальные люди, которые понимают меня и мне понятны. В Грузии при Советах очень хорошо платили, ещё давали сколько захочешь своих овец держать, – говорит дядя Абдурахим.

Совсем исхудавший от болезни отец внимательно слушает с постели наш разговор. Он очень доволен, что приехал дядя Абдурахим. Абдурахим разговаривает тихо, и отцу не всё слышно, он поворачивается ко мне и говорит ослабшим голосом:

– Ты его попроси, пусть расскажет, как у армянина перец покупал...

Дядя Абдурахим слегка улыбается.

– Исмаил всё помнит, ничего не забыл... Да, было дело, очень давно, молодость, глупость такая... Я шёл по базару с заведующим ОТФ (овцетоварной фермы). Нас только познакомили, поговорили мы об условиях, оплате, надо было ещё всё необходимое для чабана купить и ехать дальше.

Почти всё набрали мы, было уже за полдень, базар почти опустел. Остались несколько рядов торгашей. Кричит на весь

ряд один толстый армянин: «Перец... перец!!! перец!!! Кому нужен красный перец, подойдите, даю недорого!».

Когда мы с зав. ОТФ сравнялись с ним, грузин, который со мной разговаривал, вдруг закричал: «Хватит тут кричат, кому надо купит, ты чё арёшь?!!» Армянин возмутился, мол, это базар, если не нравится, проходите дальше. Перед ним почти полмешка красного перца стояло. Я повернулся к нему и спрашиваю сердито: «Ты почему тут молотый красный кирпич продаёшь и кричишь на весь Гуржистан? Не стыдно?».

– Что за глупости тут мне говоришь? Какой ещё кирпич? Если грамм попадёт, вы места себе не найдёте от жгучести моего перца...», – начал хвастать армянин. Я подошёл к его мешку, взял столовую ложку молотого красного перца, положил в рот и проглотил. У армянина и грузина глаза полезли на лоб, стали бегать вокруг меня. Армянин кричал, что я умру, надо в срочном порядке отвезти в больницу. «Заберите, – говорит, – полмешка перца тоже, денег не надо и идите в больницу, этот человек не жилец». Я махнул рукой, говорю, что не умираю от ложки кирпича, и направились мы дальше.

– И что? Не очень жгучий был?

– Какой там не жгучий, внутри всё горело, будто угли проглотил. Когда прошли метров сто, грузин забежал в какой-то дом, принёс большой бокал то ли айрана, то ли кефира, дал мне выпить. Ну я выпил, сел на коня и направился в горы

к своей отаре, – закончил дядя Абдурахим.

После этого случая грузины зауважали странного горца, который, не моргнув, глотает красный перец большими ложками, постоянно носит с собой наган и выше всего ставит верность слову и собственную честь.

Как отец убил сына

– Отец его был добродушный вежливый человек, я знал его, но мой друг из Кабахчоли был более близок с ним. Это рассказывает мой дядя из Цора, который у армянина, торговца, съел полную ложку красного перца и всегда ходил с наганом. Я о нём писал ранее. Он рассказывает историю про одну семью в Цоре от имени того друга, который имел отношение к героям этого повествования.

Вот что он поведал дяде:

– Когда я вошёл через калитку во двор, услышал панический голос хозяйки дома, она просила, умоляла сына, чтобы спустился с дерева. Вижу, он взобрался высоко на ореховое дерево и оттуда в висячем положении разговаривает с матерью:

– Прыгну, если денег не будет...

– Дам, сынок, зачем мне эти деньги, если и тебе не дам? Только спустись, родненький, пожалей маму, я дам... – говорит, чуть не плача, бедная женщина.

– Быстро принеси и положи там, на пенёк, иначе прыгну! – кричит этот с дерева. Мать побежала в дом, каждую секунду оглядываясь назад. Я стоял и молча смотрел на маль-

чика 14 лет и не знал что сказать. «Почему мать так боится, неужели есть реальная опасность, что он может оттуда прыгнуть? – думаю я про себя. – Судя по глазам ребёнка, он не похож на неадекватного или больного, вряд ли прыгнет». В это время мать прибежала к дереву, положила туда двадцатипятирублёвую купюру (хорошие деньги при советах для мальчика 14 лет) и медленными шагами отдалась. Мальчик спустился, взял деньги и побежал на улицу. Я почувствовал некое неудобство перед матерью оттого, что увидел эту картину их семейной жизни. Ещё больше растерялся, когда сзади подошёл и поздоровался со мной хозяин дома. Он взял меня за руку и повёл под навес, где был самовар, небольшой накрытый стол, выпивка и закуска. Была неловкая пауза, хозяин перекинулся несколькими общими словами и налил нам по сто грамм чаи. Когда пропустили по несколько, он разговорился:

– Это мой долгожданный ребёнок, почти до этого возраста я не вмешивался в его дела, жена воспитывала, я обеспечивал всем необходимым, ничего ведь не жалко бывает для единственного сына. Для кого будет мой магИшат (хозяйство), если не для него? – говорит отец, как бы оправдываясь. Он был состоятельный мужчина для того времени. Я не знал что сказать и просто промолчал, выпил, поддержал разговор и попрощался с ними, – говорил мой знакомый.

А что было дальше, по словам дяди Абдурахима, он не знает.

– А что было дальше? Тебе не известна их судьба? Ты тоже ведь был знаком с отцом этого мальчика, – говорю я.

– Отца знал, говорю же, что был нормальный мужчина, заслуживающий уважение, о сыне мне мало что известно, по словам цорских аварцев, сын спился и умер. Многие говорят, что его убили деньги отца и баловство. Когда мне рассказали эту историю, как он взобрался на дерево, я сказал отцу, что он может так потерять сына, и дал совет, вернее, рецепт для лечения, он не применил это.

– И что вы ему посоветовали?

– Я ему сказал: «Когда он ещё раз поднимется на дерево вымогать деньги, ты возьми пистолет и заставь его прыгнуть оттуда под угрозами. Скажи: если не прыгнешь, застрелю. Пусть прыгнет, будет перелом одной или двух ног, не более...».

Не сделал это, в итоге сын превратился в наркомана, можно сказать, убил собственного сына...

Как жена изменяла абреку

Воин-предводитель Гусманил Нурмухаммад из Унцукуля отличался от других воинов не только молодецкой удачью и дерзкими набегами в Кахетию, но и не тем, что грабил больше остальных. Он был превосходным стрелком и наездником, его рука не дрогнула в бою с врагами, но была история, связанная с ним, что повергла в шок всех хиндалальцев. Долго шушукались по дымным саклям Дагестана об этом

поступке Гусманилава, и никто не мог ни спросить у него об этом, ни дать чёткого, вразумительного ответа и объяснения тому, что он сделал.

Дело было вот как.

Гусманилав с отрядом своим возвращался после очень удачного набега в Кахетию. Потери были незначительные, а добыча – завидной. Было предвечернее время, когда всадники приближались к речке у подножья горы. Большое стадо коров с крутого спуска рвалось на водопой. А перед стадом стояла и отгоняла посохом коров с тропинки женщина средних лет с босыми ногами, в потрёпанном, пожелтевшем от солнца и дождей платье. Лицо её было измождённым, брови с трагическим изломом, будто какая-то давняя беда навсегда изменила её черты. Было невозможно представить, что она может улыбнуться или обрадоваться.

Её муж, аульский пастух, собирал оставшуюся позади часть стада. Заслышав стук копыт и лязг оружия, пастух поднял голову, увидел отряд, рассмотрел предводителя и опустился на землю, будто ноги перестали его держать. Гусманил Нурмухаммад поравнялся с женщиной, отгонявшей стадо, придержал коня и несколько секунд всматривался в её лицо. Её лицо исказилось как от невыносимой боли, она в растерянности то смотрела на всадника, то отводила глаза. Гусманилав, развернувшись в седле, подхватил один из хурджунов, развязал, вытащил рулон пёстрой, нарядной

и очень дорогой ткани. Цветастая парчовая лента выплеснулась на пыльную тропу, легла волнами, Гусманилав саблей отсек половину, сделал женщине рукой знак, мол, это тебе, заberi, завязал хурджун и, не оглядываясь, двинулся дальше.

Лошади били копытами по каменистой тропинке вдоль Аварского Койсу, всадники с большой добычей добрались до Унцукуля. Но непонятная встреча не давала людям покоя. «Кто эта женщина?», – спрашивали шёпотом друг у друга молодые воины. И кто-то из старших ответил: «Она была Гусманилаву женой». Их поверг в шок поступок предводителя Гуманилова, не должен был он так поступить.

А история там была такая.

Много лет назад Гусманил Нурмухаммад женился на девушке из уважаемого в Унцукуле рода. Внешне она была очень мила, ходили просить её руки много влюблённых джигитов. Но, когда узнали, что к ней решил свататься Гусманилав, все отступили, его слава и доблесть взяли верх, да и отец девушки предпочёл уважаемого жениха. Гусманилав её очень любил, но жизнь его протекала в набегах и походах в Закавказье. Возвращался оттуда с богатой добычей, был безгранично счастлив тем ночам, которые проводил возле возлюбленной. Это было вознаграждением за опасные походы и стычки с врагом. Так воспринимал Гусманилав жизнь и жену-красавицу. Пошёл он в очередной раз в Кахетию со своим отрядом в поисках добычи и вернулся с очередным

успехом.

Была поздняя осенняя ночь, когда Гусманилав с другом остановились возле аула. Вершины гор казались серебристыми в лунном неверном свете, а в долинах лежал мрак. Всадники спешили, подвели лошадей к роднику и встали рядом, поговорить о своих планах на ближайшее время. Затем друг Нурмухаммада попрощался и, ведя коня на поводу, зашагал в нижнюю часть аула.

А Нурмухаммад направился к себе, к любимой жене, на которой женился прошлым летом. Лишь цокот подков коня Нурмухаммада нарушал полуночную тишину спящего аула. Когда он повернул в сторону отцовского дома, то заметил внизу, у годекана, два мужских силуэта. Слышны были отдельные слова из их беседы. Нурмухаммад остановился. В ночной тишине отчётливо прозвучало его имя: Гусманил Нурмухаммад.

Он привязал коня к столбу, легко ступая, подошёл поближе к говорящим и прислушался. Сперва они говорили о славе и доблести Гусманил Нурмухаммада, о его подвигах и тут один добавил: «Как получилось, что жена такого прославленного храбреца принимает у себя по ночам вшивого пастуха?» Красная ярость застлала глаза Гусманил Нурмухаммада. Пальцы закаменели на рукояти сабли. Душа его кричала, ему хотелось убивать, рассекать надвое. Сначала вот этих двоих, а затем пойти по селу, взмахом сабли забирая жизни всех, кто говорил или знал о его позоре. Но тут будто

прохладная рука опустилась ему на плечо. Кто-то ему сверху сказал ему: «Сабру» (терпение)!!!

Нурмухаммад решил во всём лично убедиться. Если окажется неправдой, снести голову этим двоим, если окажется правдой... Он направился к дому, привязал коня и постучал рукояткой плети в дверь. В комнате засуетились, будто кто-то спешно одевался, и через небольшой промежуток времени дверь отворилась. Нурмухаммад перешагнул порог, тусклый свет лампы едва разгонял мрак, из которого выплыло к нему красивое белоснежное лицо, распущенные длинные косы и чёрные, словно угли, глаза.

– С возвращением, мой любимый, – пробормотала жена и обняла Нурмухаммада. Он виду не подал, не спросил, почему она открывает дверь, не зная, кто за ней, почему нет на ней чохта, а вошёл в дом, снял оружие, подал жене.

Та приняла его привычным ловким движением и повесила на гвоздь.

Прошла мучительная ночь в раздумьях. Когда рассвело, Нурмухаммад помолился и поручил жене приготовить еду на несколько дней, чтобы снова отправиться в поход на Кахетию.

Когда первые лучи осеннего солнца осветили большую веранду дома Гусманил Нурмухаммада, всё уже было готово. Привели коня, Нурмухаммад ласково, как и раньше, попрощался с женой и отправился в путь. Ему казалось, что все аулы внутреннего Аваристана смеются за его спиной

над позором, который терпит некогда прославленный герой. «Смыть это надо лишь кровью, да и кровью смоеся ли?» – думал Нурмухаммад. Убить пастуха и жену несложно, это ведь может сделать любой, даже трус, который не способен больше ни на что. Неужели то же самое должен повторить я, Гусманил Нурмухаммад, который не дал усомниться в своей отваге никому: ни врагам своим, ни друзьям?

В десятках километрах от дома он остановился. Отпустил коня пастись, а сам лёг под старым дубом. Короткий осенний день казался ему долгим как год. Наконец пришла долгожданная ночь. Нурмухаммад оседлал коня и направился в сторону родного аула. Ему казалось, что луна светит ярко, как никогда раньше. Шум Койсу превращался то в плач, то в смех, и Гусманилав всё время оглядывался, словно кто-то окликал его сзади. Он спешил возле годекана, за квартал до отцовского дома привязал коня и, стараясь держаться в тени, по узким аульским улочкам прокрался к самым своим дверям.

Гусманилав рукояткой плети постучал в дверь. Услышал какой-то шум, будто что-то упало. Потом шуршание, топот ног, и всё замерло. Он опять постучал. Раздались лёгкие шаги, и дверь открылась. У порога стояла жена. Она была в чохто и одета, будто и не спала. Нурмухаммад вошёл. Подозвал жену к себе, посадил рядом и сказал:

– Сейчас же иди, позови твоего отца и братьев. Я тут буду ждать вас.

Жена молча вышла на улицу, а Гусманилав поставил стул у входа в дом и сел на него. Через какое-то время появились седобородый старик и трое его сыновей. Гусманилав их посадил на тахту и сказал:

– Вы у меня ничего не спрашивайте, я вас пригласил сюда, чтобы вернуть вашу дочь. С сего дня она мне не жена.

Отец и трое братьев в полной растерянности смотрели на него и молчали. Из комнаты вышла жена. Она вся тряслась от ужаса. Несчастливая женщина была на волосок от смерти, только не знала, чья рука нанесёт удар первой: мужа или брата. Она сказала:

– Я всё собрала из моих вещей...

– Всё ли??? – спросил Гусманилав и посмотрел хмуро на испуганную жену.

– Всё... – еле слышно пролепетала она.

Гусманилав вскочил, повернулся к большой деревянной бочке для зерна, толкнул её ногой, и бочка перевернулась. Оттуда выпал и остался лежать на полу сжавшийся в комок и обхвативший руками голову несчастный пастух.

– А его для кого ты оставила? – спросил Гусманилав, взял за ухо и поднял напуганного, дрожащего человека с беспомощным лицом. Трое братьев вскочили, готовые растерзать сестру. Гусманилав схватился за рукоять сабли и крикнул:

– Кто тронет, башку снесу!!! Я вас сюда пригласил, чтобы вы были свидетелями для махара (брака).

Гусманилав поставил махар своей бывшей жены с пасту-

хом и поклялся перед братьями и отцом, что если хоть волосинка упадёт с голов этих двоих, весь род уничтожит.

Это всё осталось большой загадкой для воинственных аварцев-хиндалальцев. Они убивали, не моргнув глазом, за любой отход от норм шариата и адата. И тут самый отчаянный храбрец, чья слава распространялась за пределы Аваристана, вместо холодной стали или горячей пули подарил жене, которая его опозорила, сначала жизнь, а после и большой кусок самой дорогой ткани. Был ли это и правда подарок? Сшила ли женщина из этой парчи себе новое красивое платье? Почему-то мне кажется, что нет, не осмелилась. И подарить, продать или выбросить тоже не осмелилась. Думаю, эта парча лежала в их с пастухом нищем тёмном доме как проклятие, от которого некуда деться, как напоминание о вине и наказании. Но это я так думаю, а люди по сей день продолжают говорить и спорить об этом.

Предсказание по лопатке

Когда мы ужинали в отцовском селе, один старший родственник выбрал кусок баранины, аккуратно отделил мясо от кости, посмотрел на лопатку и положил обратно. Я тут же вспомнил детство и разговоры о том, как знающие люди делали свои предсказания по лопатке барана. Позже, когда ислам укрепил свои позиции, это стало считаться харамом, но народные суеверия и память о них кое-где остались. А я всегда был любопытным.

– И что там? – спрашиваю у родственника.

– Да так... Я не знаю ничего... Просто от старших слышал раньше: если есть углубление на головной части кости, это к смерти хозяина барашка или его лошади. Чтобы читать по лопатке, во-первых, нужен человек, который хорошо в этом разбирается, во-вторых тушу нужно очень аккуратно разделать, чтобы ножом не коснуться кости, это может дать ложное предсказание.

– Мне кажется это все чанда (ерунда)... Люди запоминают такое, только если предсказание сбылось, а если не случится, то никто его и не вспомнит, – говорю я, провоцируя его на разговор.

– Как тебе сказать... Совпадений ведь немало, и не с одним человеком это произошло. Я даже не знаю, кто и как это всё может объяснить. Рассказывают, сидел в доме чородинца один наш сельчанин, ели они. Когда салдинец вдруг стал вглядываться в лопаточную кость, хозяин дома пристал к нему, расскажи, мол, что говорит овечья лопатка. Салдинец всячески уходил от темы. Но хозяин настаивал, чтобы рассказал, если даже кость говорит, что умрёт он в тот же день. Салдинец поддался его уговорам и сказал:

– Как бы горько это ни звучало, друг, ты потеряешь одного из сыновей... Так сказал и указал на отметину, что была на кости. Об этом тут же стало известно всему селу, а ровно через месяц его сына унесла река Джурмут, которая бушевала после продолжительных дождей. Об этом все знают. И как это объяснить? – спросил меня родственник.

У меня не было ответа на этот вопрос, ни у кого его нет.

– Почему другие не знали, а он знал? – спрашиваю я опять.

– Он был некоторое время в Грузии, от грузин это всё...

– Грузины не нашей веры люди, как может быть верным то, чему нас учили иноверцы, христиане?

– Вот это я не знаю. Ещё говорят, что они всё предсказывают по ребру, а наши – по лопатке. Что верно, что нет, одному Аллаху известно, – сказал хозяин дома и указал нам место для ночлега в кунацкой.

Мою комнату освещал лунный свет осенней ночи древнего Джурмута, а шум реки втянул в бесконечную вереницу ушедших дней, людей, преданий и легенд. Они приходили ко мне и не давали спать. То я видел большое корыто варёного мяса и собравшихся вокруг него аульских стариков, которые умерли давно. То двоих героев рассказа, их застолье, диалог и предсказание по лопатке. Позже привиделся несчастный мальчик, который попал в бурлящий поток мутной холодной реки, как он своими маленькими обессиленными ручонками хватается за ветку склонившегося над водой дерева, а беспощадная река его забирает вместе с веточкой... Так и провёл я длинную ночь в Джурмуте.

Загадочная незнакомка

Шёл 2003 год. Я работал в районе главредом местной газеты, а жил в Махачкале. Захотел снять на лето квартиру ближе к морю. Долго не находил, наконец нашёл небольшую

квартиру на втором этаже старинного дома недалеко от Ку-мыкского театра и снял с предоплатой на несколько месяцев. Жил на втором этаже, утром, когда просыпался, и ночью перед сном спускался на море, плавал, дышал свежим морским воздухом, гулял по парку и жил себе в удовольствие.

На втором этаже, где моя квартира, был небольшой коридор и ещё одна квартира с выходом на улицу. Там жили две женщины и трое детей. Одна из них была красивая женщина средних лет с большими зелёными глазами и приветливой милой улыбкой на лице. Имя её было Диана. За день я её по несколько раз встречал на лестничной площадке, во дворе, на улице. Вежливо здоровалась, интересовалась, всё ли у меня хорошо, какая вода в море и т. д.

А её подругу я, кажется, видел всего один раз со спины уходящей по коридору к себе домой. Она казалась глуповатой женщиной, истеричкой, постоянно орала на детей, кричала матом, порой слышал грохот опрокинутых стульев и битой посуды. Долго не мог понять, как эти две разные женщины уживаются друг с другом в этой каморке. Очень жалел Диану. Но тут обстоятельства преподнесли мне шокирующий сюрприз.

Примерно полгода мне понадобилось, чтобы понять, что никакой второй женщины там нет. И эта «уходящая спина» тоже не была другой женщиной. В моей голове засели два образа: один, который я создал себе визуально по тому, что слышу за стеной. Второй – милое приветливое лицо с влаж-

ными зелёными глазами, которое видел на веранде, на улице, во дворе. Диана оказалась безупречной актрисой. После того как мне сказали, что там живёт только одна женщина и никакой второй нет, меня это известие повергло в шок.

Осенью я съехал с квартиры, был дождливый октябрьский день, за стеной у соседей было невероятно тихо. Я загрузил свои книги и пару сумок в машину. Вернулся и стоял в коридоре, не выйдет ли Диана хоть случайно на улицу. Я не верил уверениям соседки, что за той дверью лишь разведённая женщина с детьми. Не вышла, я уехал...

Два сына

У женщины было два сына. Старший родился маленьким и больным. Он с раннего детства обучался Корану, обрабатывал землю и ухаживал за садом. У него были самые хорошие абрикосы во всём ауле. И весь урожай он раздавал людям.

Второй сын был красавцем: высокий привлекательный и успешный молодой человек. У него сразу сложилась карьера: открыл в 90-е годы коммерческий банк, были и развлекательные заведения: казино, рестораны, сауны и много недвижимости. Он брал её в качестве залога у должников и в последующем выкупал по остаточной стоимости. Карьера шла в гору, он ел икру и запивал дорогим коньяком. Красивые женщины, несметное количество денег, зарубежные поездки, яхты и горнолыжные курорты, признание, почёт и слава

окружали нашего героя.

Когда он прижимал к своей груди очередную красавицу и пропускал очередную рюмку шотландского виски, его брат выгружал арбу навоза возле персикового дерева в ауле. Когда он принимал очередную порцию кокаина и плавал в небесах, брат его, больной и невезучий, закрывался в дальней комнате своего дома, думал о своей смерти, саване и могиле, Судном дне и Сирате и плакал тайно от всех, представляя картину МахИшара.

Мать периодически навещала больного сына и привозила ему разные подарки, младший брат его уговаривал поехать в санаторий, он хотел помочь ему, брат непростого человека не должен так прозябать. В последний раз они его навестили вместе, мать привезла из Турции дорогую куртку и туфли, брат положил на стол деньги. Уговаривали оставить сад, аул и переехать в город. Они его жалели...

Пушкин и бандиты

– Огь Бандитги бандит я... гьалеха бихьинчи!!! – крикнул гость вошедшему мальчику и подозвал к себе.

– В какой класс пошёл?

– Во второй...

– Спортом занимаешься?..

Мальчик промолчал, посмотрел на отца, который сидел в роскошном кожаном кресле напротив гостя.

– На панкратион записал я его... – сказал отец, но ответ

был неубедительный.

Гость, чтобы избавиться от неловкой паузы, разговор перевёл на другую тему. Но отцу приятно было услышать от гостя слово «бандит» в адрес своего сына. Звучало оно для него как комплимент. «Может, есть в нём какие-то бандитские задатки и выйдет нормальный человек», – думал он про себя.

Когда гость ушёл, Гусейн вспомнил своё прошлое. Начиная с воровства и грабежа поездов, которые шли из Кизляра в Астрахань. Через несколько лет один из его «коллег по поездкам» стал депутатом парламента и важным человеком. Он дал бывшему подельнику заправку, чтоб зарабатывать, и частное охранное предприятие, чтобы обеспечить безопасность ему.

Наладилась жизнь, построил большой дом, имел авторитет, был даже депутатом парламента в одном созыве. Рос у него сын Салам, отцу в нём не нравилось одно его увлечение – сын всё время был занят раскраской разных картинок, читал сказки и смотрел мультфильмы, когда его сверстники играли во дворе в бандитов. Из того, что говорил отец, одно делал сын беспрекословно – это намаз. Делал вовремя, иногда на утренний намаз отца тоже будил.

Гусейн понимал, что если сын не будет молиться, то общество его не примет. И намаз, и разные дуа, которые делают на таъзиятах, больше нужны для этого мира, чем для загробного. Он видел, как близкие к духовенству люди непло-

хо кушают. Но только намаза недостаточно, надо ещё что-то делать, чтобы пробиться наверх. Например, ранить или грохнуть кого-нибудь ближе к двадцати годам. Там дальше можно было подключить духовенство, авторитетных людей и маслиат сделать. По крайней мере было бы с чем идти в Белый дом, когда будешь просить мандаты для своих детей. Не скажешь же ты там, что он хорошо учится и математику знает. Или у него необычного цвета, красный диплом. За чмошника примет избирком и секретариат партии.

«И это будет правильно. Если бы я послушался своего отца в своё время и поступил в финансовый техникум, что было бы со мной?» – грустные размышления охватили Гусейна. Он, заложив руки за спину, шагал по персидскому ковру, наискосок пересекая просторный зал. Вдруг остановился и посмотрел на столик в углу, где лежали наполовину раскрашенные рисунки из журнала «Почемучка» и потрёпанная книга сказок. Его лицо изменилось, глаза заблестели в ярости:

– Вот эта обезьяна украла у меня сына!!! – крикнул Гусейн и швырнул в дальний угол «Сказку о золотом петушке». Со старой книги сорвались и, словно листья в осеннем саду, в разные углы полетели страницы сказки.

– Сам он петушок, этот Пушкин, – добавил Гусейн и пошёл сына искать.

История на мельнице

В горах, после того как выпадал снег, мы оказывались полностью отрезанными от внешнего мира. Автомобильной до-

роги ещё не было, свет очень часто отключался из-за снегопадов, в маленьких аулах на 20–30 дворов не знали, как скоротать время. Собирались перед печкой, пекли в ней картошку и рассказывали истории, кому что интересно. Истории были самые разные. Тема рассказов зависела от возраста, пола и интересов самого рассказчика. Женщины чаще всего рассказывали о сновидениях, привидениях, о шайтанах и джиннах, будалалах и кавтарах (будала – мифические невидимые существа, которые пасут диких животных в горах, кавтар – Снежный человек, из той же серии).

Мужчины рассказывали о походах в Кахетию, о войнах и предках, которые совершали подвиги, о горском быте, овцеводстве и вопросах хозяйства.

У детей был свой мир. Дети дни считали, дожидаясь наступления весны. В длинные зимние ночи перед глазами мелькали красивые картинки весны: первый весенний дождь, пахота, возвращение овец и чабанов с равнины, гостей из Цора, лакомства, фрукты, красивые лошади и походы на них в горы. В общем, каждая пора по-своему прелестна, но дети всегда ждут наступления чего-то нового. Были и у нас свои рассказы, сказки и разного рода легенды из детства.

В горах занятия людей соответствуют времени года. Жизнь там скудна и бедна, природа и климатические условия суровые. Поэтому работать надо круглый год, чтобы выжить. Я очень любил, когда осенью на мельнице жарили яч-

мень с кукурузой и делали толокно. В открытом огне пекли картошку и собирались у огня. Приятный запах свежего толокна, жареного картофеля и тепло у очага радовали глаза и грели душу и тело. Это воспоминание осталось на всю жизнь со мной.

Осенью, когда делали муку или толокно, надо было оставаться на мельнице, чтобы убрать измельчённое толокно из корыта, чтобы жернова могли свободно крутиться до утра. Так оставался и я, когда с дядей, когда со старшим братом. Но одна жуткая история, рассказанная нам старшей родственницей меня так сильно впечатлила, что я больше не захотел пойти с ночёвкой на мельницу.

– Мне бабушка рассказывала об этом случае на мельнице, – говорила она, заметно волнуясь и начиная дышать учащённо.

– Что рассказывала? Отдышись и спокойно рассказывай, воду выпей... – говорю я, полный предвкушения услышать что-то очень интересное.

– Жители каждой сакли аула по очереди ходили на мельницу, чтобы помолоть муку на зиму. Была поздняя осень. От ранних холодов речка стала совсем маленькой, и мельница работала медленно. Приходилось работать круглосуточно, чтобы всем успеть промолоть до наступления зимы. Когда заморозки начинаются, мельница не работает.

Наступила очередь одной вдовы с четырёхлетним сыном. Муж её умер в то лето от малярии, и она осталась одна с ре-

бёнком. Не было у неё родственников, и вдова с сыном пошла на мельницу, чтобы ночью помолоть свой мешок. Время было беспокойное. В лесах Джурмута и в Цоре ходили кьачагьи (разбойники), грабили путников, угоняли скот и воровали кто где мог. Несмотря на это, пришлось этой несчастной женщине направиться на мельницу, иначе с голоду умерла бы зимой с ребёнком. Разожгла костёр, дала сыну напиток из толокна и уложила его спать. Мельница работала с монотонным стуком, шум большого потока воды, которая била по лопастям, и вращение жерновов звучали своего рода музыкой в глуши осенней ночи.

Женщина дремала и каждый раз от шороха вздрагивала и бросалась к корыту, куда сыпалась мука от жерновов, чтобы вращающийся камень не остановился. Когда всё насыпала в мешок и вернулась, кто-то с улицы начал дёргать дверь в мельницу. Она от страха побежала к сыну, подняла его на руки и спряталась в дальнем углу. Чья-то сильная рука дёрнула повторно, засов сломался, дверь отворилась. Вошедший зажёг огонь, подошёл к жерновам и корыту, где была мука, и начал осматриваться кругом. Через мгновение увидел дрожащую вдову с ребёнком в дальнем углу.

– Принимайте гостя, – сказал разбойник. – Мука есть, огонь есть, вода есть, женщина есть, как тут не быть хинкалу. Делай хинкал, а этого волчонка дай мне, – сказал неожиданный гость и взял на руки ребёнка. Ни винтовку с плеча, ни кинжал с пояса он не снял. Маленький мальчик начал играть

с ним, щупать, осматривать газыри на черкеске и кинжал ночного гостя. Женщина взяла сах муки из корыта, насыпала на плоский камень, чтобы тесто месить, и решила пойти за водой.

– Идём, сынок, с мамой за водой, наш гость голодный, ты будешь держать лучину с огоньком, когда я буду воду набирать.

– Не пойду, я хочу с ним, у него кинжал красивый, – сказал сын. Он упрямылся, не хотел идти с матерью. Мать настойчиво уговаривала сына, он не слушал её. Наконец, мать вышла из мельницы. Тогда она закрыла дверь, взяла толстый кол, воткнула в наружное отверстие в стене и закрыла намертво дверь. Гость, почувствовавший неладное, бросился к двери, она оказалась заперта крепко.

– Не глупи, твой сын у меня, набери воду и вернись, – сказал он через отверстие.

– Мой сын со мной вышел бы, он не мой сын, – ответила вдова.

– Открой быстро, если не выйдешь, я его убью! – захрипел разбойник.

– Это твой сын, если он отказался со мной выйти и остался с тобой, – ответила мать.

– Я начну его тебе кусками выдавать, потом пожалеешь! – прокричал разбойник. – Не хочешь ты своего сына? Открой быстрее дверь!

Из отверстия выкинул отрезанную руку мальчика.

– Это твой сын, мой сын вышел бы, когда мать просила, – ответила мать. Разбойник выкинул отрезанную вторую руку и опять спросил:

– Не хочешь ли ты открыть дверь?

Мать боялась, что он может выбраться по широкому дымоходу на крышу и схватить её. Заглянула вовнутрь: окровавленный мальчик плакал, лёжа на земле, а разбойник ставил друг на друга мешки и камни, чтобы подняться по дымоходу на крышу. Она побежала во двор мельницы, взяла топор и поднялась на крышу. Была ясная лунная ночь. Непрекращающийся плач ребёнка, шум мельницы и речки почти заглушили её шаги по крыше. Сердце всё сильнее и сильнее билось, по телу проходила дрожь, дрожали руки и ноги. Всё больше и больше приближалось дыхание врага, который вылезал из дымохода. Через мгновение перед ней промелькнула голова с затылочной части, которая выглянула из дымохода. Когда вслед за головой высунулась правая рука, женщина изо всех сил ударила топором по голове...

Когда её привели утром в аул, она истерично повторяла одни и те же слова:

– Мой сын маму одну не пустит, мой сын маму... мой сын одну... мой сын...

Вот эта жуткая история о мельнице и несчастной женщине врезались в память. После этого каждый раз, когда я заглядывал туда, перед моими глазами мелькали эти кровавые картины, и большого удовольствия это место не вызывало.

Хотя и речи не было, что это произошло именно на нашей мельнице.

Произошло ли это реально? Если да, то где и с кем? Если нет, кто и для чего это придумал? Сколько таких историй и легенд в горах!

Шайтаны и джинны древнего Джурмута

– У них ведь жизнь на 40 дней раньше заканчивается, чем у нас. Шайтаны, наши двойники, рождаются на 40 дней раньше и умирают на 40 дней раньше, – говорит тётя без тени сомнения, как о вполне реальных людях этого мира.

– А кто их видел? У нас в ауле всё вокруг шайтанов происходило всегда. Слышал я много этих сказок, придумали всякие небылицы и обманывают себя, – говорю я с любопытством, чтобы вытащить у неё эти странные стихи шайтанов, которые я многократно слышал в детстве в горах.

– О шайтанах и джиннах и в Коране есть, ты глупые вещи не говори, грех будет.

– Знаю, что в Коране есть, но почему-то во всём остальном мире нет столько шайтанов и их приключений, как в нашем Джурмуте. Такое ощущение, что столица Шайтанистана там! – говорю я.

– Не знаю, как в других местах, но у нас они всегда были, и сейчас есть. И очень много доказательств есть этому, – говорит тётя.

Тут я вспоминаю одну историю о шайтанах, известную

мне с детства.

– Ну да, слышал и я, как некий салдинец под лунным светом пахал землю чёрным и белым быком, – рассказываю я тёте. Она внимательно меня слушает и неточности поправляет: – Кто-то из лесу крикнул: «Эй, хозяин белого и чёрного быка!!! Эчлечила Мечлечил умерла, передайте Меслесу, чтобы пришёл её хоронить». Испугался бедный крестьянин, бросил бычков, побежал домой и рассказал жене слово в слово о том, что услышал там, где землю пахал. Шайтан, который это крикнул, был очень коварен и хитёр, знал, что салдинец расскажет это дома, и специально крикнул эти слова, чтобы он передал их.

Меслес, женщина шайтанов, которая должна была это услышать, была дома, где жил крестьянин. Когда муж рассказал жене об услышанном, жена страшно испугалась одних имён. Эчлеч, Мечлеч, Меслес, какие-то непонятные шайтанские имена. Муж её дрожал от озноба, на лбу его сверкали капельки пота, костёр в очаге освещал его бледное лицо, в глазах был страх перед чем-то неведомым и непонятным. Он то горел, как в огне, то дрожал от холода. После того, как он рассказал об этом странном случае, заскрипело бревно, которое держало крышу дома. Муж дрогнул в страхе и повернулся в дальний тёмный угол их убогой сакли.

– Ты слышишь плач? – спросил он и прижал к себе жену. Жена тоже дрожала от страха. Шум, вздохи и плач людей усиливались. Вдруг услышали душераздирающий плач жен-

щины-плакальщицы по умершей Эчлечила Мечлеч, женщине шайтанов, о которой только что рассказал муж. Она причитала на джурмутском диалекте:

*ХIваразулги чIаргIин ва, чIагуяй дун,
ЧIагуязул ургъил ва, паиманай дун...*

Плакальщица оплакивает себя, на долю которой пало такое громадное горе как смерть некоей Мечлеч. Дословно это звучит так:

*О, как я несчастна, будучи живой, от смертей близких,
Не меньше переживаний и горя от проблем и забот живых.*

Одним словом, уход из жизни одних и проблемы других живых – и то и другое терзает в этой несчастной жизни, говорила в своём плаче несчастная женщина шайтанов.

Вот эту странную историю про шайтанов рассказывали в одну из зимних ночей мне в ауле. Трудные для восприятия и не очень благозвучные имена шайтанов пугали, когда я выходил ночью на улицу. За каждым поворотом и серпантинном старого аула, в развалинах, возле кладбищ и в затённых местах мы, дети, видели Эчлечов и Мечлечов. Порой от страха слышали странные звуки отовсюду. Кругом был какой-то ореол таинственности и волшебства. Вышеприведённый стих женщины на диалекте звучит вполне поэтически, красивым слогом и аллитерацией, в переводе получается коряво и не очень звучно.

С тётёй у меня получилась занимательная и долгая беседа.

Она очень остроумный и тонкий рассказчик, умеет передать все краски, чувства и переживания тех, о ком она рассказывает. У нас особое место занимают истории потустороннего мира: истории шайтанов и джиннов, кажей и кавтаров (домовых и снежных людей), будалаов и матерей болезни. У меня постоянно возникают вопросы. Как эти волшебные истории, стихи и плачи, фольклор за шайтанов и джиннов придумывали? Кто это делал? Если джинны, то как это мы должны себе представлять? Если люди, зачем и для чего сочиняли? Если не люди, тогда кто? Нет ответа.

Легенды древнего Джурмута

– Говорю же я тебе, на пустом месте люди не станут такое придумывать, – горячится тётя. – Они ведь были чистые и набожные люди, которые знали, что такое «халал» и «харам». Ели только то, что выращивали собственными руками, побоятся они Аллаха, не станут придумывать это всё. Я же по своему детству много случаев знаю, когда люди, охваченные джиннами, болели. Жарях (исламский лекарь, знахарь) читал Коран, и больному помогало. Джинны и шайтаны убегают от Корана. Это самое ненавистное для них. И женщины, которые общались с джинами, знали, когда джинны человеку вредят или просто болеет человек.

– Каким образом они могли знать?

– Они уходили к ним. Встаёт женщина ночью и уходит в ночь. Уходит в горы, где скалы и пропасти. Шайтаны заби-

рают её. Мне рассказывали, как они уходят. Словно лист дерева, подхваченный ветром, улетают далеко через горы, реки и пропасти и оказываются в мире джиннов. Там встречаются знакомых и незнакомых людей, общаются с ними. Когда спрашивают, почему болеет такой-то человек, шайтаны рассказывают, как и за что больной наказан. А если человек не по их вине болеет, то на это они внимания не обращают. Тогда женщины возвращаются к родственникам больных и говорят: «Это не джиннов дело, идите к докторам». Тому много доказательств, – говорит тётя в полной уверенности.

– Ты мне пыталась доказать, что джинн или шайтан-двойник умирает на 40 дней раньше. Есть доказательство хоть одно?

– Моя бабушка рассказывала одну историю про это. Было предвечернее время ранней весны. Одна молодая девушка возвращалась домой с фермы, что была недалеко от аула. Когда она вышла, казалось, что село совсем близко и до наступления сумерек она будет дома. А вышло всё не так. Она шла быстрым шагом, быстро стемнело. А сердце всё сильнее и сильнее билось у неё. Вот открылось ей село, видны стали слабые огоньки убогих саклей, тогда электричества ещё не было. Приблизилась девушка к селу, страх полностью прошёл.

Ей осталось только перейти речку. Ты помнишь небольшой водопад и теснину, которая видна из окна дома нашего дедушки?

– Помню...

– Это очень опасное место. После сумерек если кто-нибудь туда пойдёт, обязательно заболеет. Люди старались обходить такие места. Говорили, там большой город шайтанов. Дошла она до этой узкой тропинки над водопадом, и вдруг слышит песню из теснины, где протекает речка. Там темно-та, и оттуда веет холодом, когда заглядываешь вниз. Как там могли петь, внизу, в ущелье?

– И что это за песня? Может, спустился кто верёвкой туда и пел? – говорю я.

– Нет, не песня это была, это был плач женщины. Умер кто-то, и плакальщица поёт, и хором женщины плачут из-под водопада. Девушка страшно перепугалась и побежала домой. Бабушка рассказывала, что, когда она забежала домой, лица на ней не было. Бледная, как полотно, и дрожит вся. Ясно было, что она пришла через территорию шайтанов. Тут же позвали жаряха, он сжёг синюю материю, андуз (корень какого-то растения), впустил в неё дым, чтобы шайтаны отстали, прочитал дуа и ушёл.

– А песню эту не помнишь, тётя? – возвращаю я её к рассказу.

– Плач женщины-шайтана, не песня! – поправляет она меня. Звучало это так на джурмутском диалекте:

Агъав Мусал ГІалил вас вугу чамав?

Агъав Мусал ГІалил яс югу чамай?

ГІесенал чІарайги, чІахъен хъунала,

Чахлаял эхдейги кыбил хьунала.

Я с большим трудом, не без тётиной помощи, понял смысл этого древнего джурмутского заговора. А стих по звучанию, по чувствам уникален и звучит очень красиво, в буквальном смысле душу выворачивает, когда представляешь картину и плакальщицу.

У этого Мусал Али сколько сыновей?

У этого Мусал Али сколько дочерей?

Маленькие пусть умрут, чтобы большим выжить,

Большие пусть живут, чтобы род продолжить.

– Судя по смыслу, это было очень голодное время? – говорю я тёте.

– Именно так, иначе зачем умирать младшим, чтобы спасти старших? Настолько бедное и голодное время было... Чтобы землю вспахать, только у одного богатого человека в селе были быки. И этого человека, знаешь, как звали? Его звали Мусал Али! – говорит тётя и смотрит на меня торжествующе.

Я кусками собирал картину. Девушка, которая слышала плач, заболела. А богатый Мусал Али был в это время в Цоре со своими отарами. Пока перевал не откроют, он не приедет в горы. А на перевале были большие снега, и дорога из Цора открывалась только в середине мая. Если шайтаны плачут по кончине Мусал Али, то он непременно должен умереть. Если он умрёт, обязательно его сын зарежет обоих быков, которые пахали землю для села. В предстоящей смерти Му-

сал Али не сомневался никто из людей, которым рассказала про подслушанный плач больная девушка. И все побежали просить быков и быстрее сеять ячмень, пока не поступила весть о кончине Мусал Али. Его сын никак не мог понять такую активность села, почему они спорили, обещали больше, чем в предыдущие годы, и просили быков.

Через сорок дней с небольшим один кунак из Тлянада привязал лошадь во дворе Мусал Али, зашёл в дом, сделал дуа и рассказал сыну, что его отец умер в Цоре два дня назад. Мусал Али был известный и знатный человек в Джурмуте и не только там. Должно было прийти много народу на соборезнование. Весеннее время, люди с прошлого лета не ели мяса, все идут на соборезнование, где дают садака каждому, даже если он не знал умершего.

Мужчины сидели во дворе большого дома, делали дуа с каждым проходящим. Прибыла одна хромая женщина из Генеколоба и направилась к дому, где принимали женщин. У самого порога хромая душераздирающим голосом начала плач, причитания. Все женщины, которые только что хором плакали, замолкли. Гробовая тишина в комнате. А хромая всё пела и пела.

*Агъав Мусал ГИалил вас вугу чамав,
агъав Мусал ГИали яс югу чамай...*

– Именно те слова, что слышала больная девушка, и всё село их знало. Значит, двойник Мусал Али и правда умер на сорок дней раньше, и по этому двойнику плакали в том

водопаде, а в это время наш Мусал Али был в добром здравии в Белоканах и не подозревал о приближающейся своей кончине.

– А ты говоришь «придумали»! – бросила тётя, забив последний гвоздь в гроб моих сомнений о джиннах-двойниках.

Как пропал ребёнок

(Рассказ написан на основе реальных событий

в одном из аулов древнего Антрагля)

Было время предзакатной молитвы. Женщина шла то-ропливо и всё время оглядывалась, будто кого-то искала. Она выглядела растерянной и встревоженной. Мы сидели на годекане перед мечетью. Человек лет сорока внимательно смотрел в сторону домов, за которыми исчезла женщина, потом повернулся к сидящим, пнул ногой небольшой камешек и сказал:

– Кажется, не нашла...

– Он утром ушёл?

– Не знаю, говорят, в полдень Залиха его видела на окраине села, возле водополя. Сидел на бревне и камушки бросал в воду. Один был.

– Куда же он мог уйти? – произнёс небритый молодой человек.

Она была матерью пропавшего ребёнка. После полуденной молитвы бегала по аулу в поисках. Не нашла, хотя в ауле было чуть больше двадцати дворов – стоит подняться на од-

ну из плоских крыш и крикнуть, в каждом доме услышат и ответят.

Так и сделала Алипат, когда не нашла своего пятилетнего сына во дворе. Почему-то откликнулись не все, лишь из нескольких дворов ответили, что мальчика нет у них. Его ровесники, с кем он обычно играл на улице, тоже не знали, где он. Её вопросы они будто не слышали и как-то странно смотрели на неё, словно она на ином языке спрашивает. Это ещё больше встревожило Алипат.

Она бросила взгляд на высокие горы, окружавшие аул, а затем на бурлящую внизу реку. «Мог ли он к речке спуститься? – подумала она первым делом. – Далековато для пятилетнего мальчика. Да и дети все в ауле, как он мог один туда пойти?». И всё же побежала к речке по крутому спуску. Её воображение рисовало жуткие картины. То она представляла сына висящим на выступе деревянного моста, то его уносила река, и она бежала по берегу, протягивая к нему руки. Сменяя друг друга, перед ней представляли все опасности: волки и собаки, тёмный лес, снежная лавина посреди лета и много чего ещё.

Река была всё ближе, сердце Алипат билось так часто, словно хотело вырваться из груди. Вот она у деревянного моста. Стоя над бурлящей мутной водой, подставив лицо прохладному ветру, она попыталась прийти в себя. По реке вверх и вниз не видно было ни одной живой души. Из леса на той стороне реки доносилась переключка, которую пере-

бивало размеренное «ку-ку, ку-ку». Во рту Алипат было сухо, а дышать становилось всё труднее. Ей казалось, что голос кукушки зовёт её, повторяя: «Он здесь, он здесь... он здесь». Но в лес войти она не рискнула, вернулась в аул ближе к вечерней молитве.

Она чувствовала, что-то страшное надвигается, но гнала эти мысли: «Может, мой Сайпул выглянет вон из-за того угла, подбежит и скажет: “Баба, я кушать хочу!”». На мгновение ей показалось, что по узкому переулку бежит мальчишка. Но улица была пуста. Солнце садилось за румяные вершины дальних гор. По аулу раздавались голоса: «Ва адама-а-аллл!!! Нашёл кто-нибудь мальчика?». Вдоль аульских улочек, по берегу реки, всюду бегали жители четырех сёл – кто с фонарями, кто с факелами.

Алипат бегала вместе со всеми по переулкам, развалинам, хлевам для скота и брошенным домам. Ей казалось, что она слышит тиканье часового механизма, отсчитывающего последние секунды дня. А затем хлынет темнота и навсегда заберёт сына.

Она не плакала. Она боялась плакать. Алипат думала: «Я должна держаться, будто ничего не случилось, тогда, может, мой Сайпул вернётся». Голоса звучали реже и реже. Было далеко за полночь. Часть людей вернулась в аул, сидя на годекане перед мечетью, они говорили полушёпотом.

– Лучше сказать ей, ведь всё равно не заснёт, – сказал один из пожилых людей.

– Кто из вас может сказать матери, что её сына не нашли? – возмутился один из сельчан. – Хоть бы муж её был жив! Я не могу к ней с этой вестью, вернее, без никакой вести, идти.

Алипат слушала разговор, застыв за углом мечети. Там её и нашли женщины, нашли и увели домой. Она шла за ними безвольная и безмолвная, только спать не легла, как ни уговаривали. Сидела в тёмной комнате сгустком черноты. Так страшно было возле неё, что женщины невольно прижались одна к другой и тихонько переговаривались, не находя слов утешения. Хромая Айша начала почёсывать нос и чихать. Такое случилось с ней перед дождём.

– Да убережёт Аллах от этого... – сказала Айша с тревогой, подошла к окну и посмотрела в небо. – Делайте дуа, будет ливень.

Алипат вздрогнула, когда услышала эти слова, и повернула голову к окну. Айша легко коснулась её и указала на восток. Там было зарево.

– Не зря ведь говорят: «Радал баГар – къенаб, къаси баГар – хГораб» («Утром зарево – к дождю, вечером – к ясной погоде»), – сказал кто-то из женщин.

Не прошло и получаса, как небо над аулом покрыли густые чёрные тучи. Прогредел гром, и через мгновение тяжёлые капли ударили по крышам домов. Дождь всё усиливался и усиливался. К полудню следующего дня все речушки, что текли с гор, превратились в бурные мутные селевые по-

токи. Большая река поднялась. Автомобильная дорога, что вела в райцентр и город, оказалась местами размыта. Целые сутки шёл дождь, то слабея, то припуская с новой силой.

А к концу следующего дня Алипат завыла, словно раненый зверь. Всей роднёй держали её. Женщины плакали вместе с ней, да и мужчины не сдерживали слёз.

Прошла неделя, мальчика так и не смогли найти. Одни говорили, что ребёнок стал жертвой кавтаров, шайтанов или джиннов, другие во всём винили хищников древнего Антратля – волков и медведей. Бедная Алипат от безнадёжности кидалась то к людям с даром предвидения, то к экстрасенсам, к женщине, которая имела связь с миром шайтанов. И вот та вроде бы сказала ей, мол, не ищи его в воде. Но большая часть джамаата считала, что ребёнка унесла река. И все аулы вдоль реки до Хебда и Голотля не прекращали поиски мальчика.

Мать стала замкнутой, она не реагировала на людей, не замечала их. И только бормотала что-то несвязное. Трудно было её понять. Разве что отдельные фразы.

– Мой сын идёт в гору, он вчера тоже шёл навстречу мне, я была наверху... мой Сайпульчик, мамин золотой... зачем ты так? Ты ведь убежал, когда мама шла к тебе...

Прошли три месяца, мучительных для маленького аула. Это в городе люди остаются одни со своими проблемами, а в ауле радость и горе касаются всех.

Было предзакатное время обычного дня. Джамаат сидел

на камнях у мечети. Один молодой человек, только что приехавший из города, кивнул в сторону горы напротив и спросил:

– Кто этот мужик, что так несётся по крутому склону?

– Это Мухтар, – сказали молодые ребята.

Джамаат обратил свои взоры на гору. За считанные минуты Мухтар добежал до моста и, не снижая темпа, поднимался к аулу. Не нравилась сельчанам такая спешка, и ждали они с волнением его прихода.

Мухтар не подошёл к джамаату, как положено. Остановился метрах в пятидесяти от годекана, отправил мальчишку позвать имама, а когда тот пришёл, они перекинулись парой слов и вместе куда-то направились.

А случилось вот что.

Мухтар со своей отарой спускался с дальних гор к лугам. Наступило время намаза, но на крутом спуске не было места, чтобы помолиться. И он пошёл по узкой тропинке среди зарослей рододендрона в поисках ровного места. Нашёл, расстелил чобос (короткая бурка чабана), сделал намаз. А когда поднялся с очередного земного поклона, почуял резкий неприятный запах. Только он собрался поднять свой «молитвенный коврик», как замер и несколько минут стоял как вкопанный. Напротив, в кустах рододендрона, лежало разлагающееся детское тело. Над ним зелёным жужжащим покрывалом завис рой потревоженных мух-падальниц.

Мухтар сделал пару шагов в сторону и увидел валяющиеся

на траве детские штанишки, выбеленные солнцем и дождями, и рядом два носка, будто бы скомканных детской рукой, как если бы промокший ребёнок пытался выжать мокрую одежду. Но отсюда до ближайшего аула несколько километров не самой лёгкой дороги. Каким образом на этой высоте оказался пятилетний мальчик? Как прошёл он через лес, не упал со скалы в пропасть? И от чего он умер: от голода, холода, страха или кто-то умертвил его? Кто это мог быть? Человек? Животное? Или неведомое нам существо потустороннего мира подхватило ребёнка, играющего у дома, и перенесло сюда, чтобы отнять его жизнь?

«Это что-то, чего я не могу постичь, – с ужасом подумал Мухтар. – Надо поскорей позвать джамаат и похоронить то, что нашли». Он забрал носки и штаны и побежал в аул.

Мальчика похоронили на сельском кладбище. Когда его хоронили, мать почти не понимала, что происходит. Люди её принимали за сумасшедшую. Однажды через несколько дней после похорон она наткнулась на выцветшие от солнца и дождя штанишки на веранде дома. Взяла их, прижала к груди, зарыдала на весь аул и пошла босиком с плачем и причитаниями. Говорят, что мало кому удалось сдержать слёзы, когда её увидели босой на улице...

Как Будус «оседлала» мужа

– Наши джурмутские женщины были кроткого нрава, покладистые, хотя бывали случаи, когда некоторые брали главенство в семье. Это особый такой тайпа-тухум (порода)

женщин, которых сложно подчинить. У нас такие очень редко встречаются. Именно такой женщиной была Будус...

– Кто???

– Будус... Не наша она, не из Джурмута, она – тлянадинка. Не в смысле, что у них все такие, а в смысле, что она была оттуда (Тлянада – одно из обществ Антрагля, которое находится в верхнем участке Тляратинского района, ближайшие соседи общества Джурмут). Как только Будус не мучила бедного мужа. Вдобавок к её необузданному характеру, коварству и дерзости, она ещё была на короткой ноге с шайтанами, они приходили ей на помощь, когда надо было кого-нибудь наказать, – говорит тётя.

Я начинаю смеяться, она с недоумением смотрит на меня.

– Неудивительно, – отвечаю я тётё. – У тебя, о чём бы мы ни говорили, везде шайтаны выскакивают. Я слышал об этой Будус, имя слышал, слышал один случай, как она ночью ходила на мельницу и как там мучила несчастного мужа. Подробности не знаю.

Дальше привожу рассказ тёти.

«Как рассказывала покойная бабушка, у Будус была связь с шайтанами. Люди заметили много загадочного в ней, и решили, что она, возможно, пользовалась этим и без постоянной связи с шайтанами. Верили тому, что она могла ночью встать и из селения Гортноб (село Джурмута) направиться одна в Тлянада. Расстояние между ними – около 15–20 километров, для неё не имело значения. Лето стоит иль зи-

ма, по страшным тропам взбиралась она в горы, спускалась в ущелья, через леса и пропасти шла одна. Вряд ли какая другая женщина могла пойти так.

Моя покойная бабушка рассказывала, что её мать знала Будус, и они были даже в приятельских отношениях. Спросила прабабушка как-то у Будус:

– Как ты можешь ходить по этим страшным тропинкам через тёмные леса и пропасти, где за любым поворотом можешь нарваться на медведя или волка? Ты всегда ходишь ночью. Медведи-то ничего, а джиннов не боишься ты, Будус?

Так и спросила моя прабабушка. А Будус в ответ расхохоталась:

– Ночь и шайтаны – мои попутчики в Тлянада, днём они исчезают, поэтому я люблю отправляться в путь, как стемнеет. Медведей я не раз встречала, они не хотят со мной ссориться, уступают дорогу, тихонько уходят в свою берлогу или за деревьями в лесу исчезают. А с шайтанами разное бывает. Вышла я однажды в сумерки из Гортноба и решила пойти в Тлянада. Я была одета красиво, на поясе звенели серебряные погремушки, для надёжности сверху на пояс завязала горменду и через горменду нацепила серп для сенокоса и небольшую верёвку. Их я взяла, чтобы на обратном пути скосить и принести сено для своих телят. Была ранняя осень. Холодная лунная ночь. В горах в сентябре становится холодно, появляются первые признаки скорой зимы. Только я повернула за тлянадинский мост и спустилась

к опушке леса, слышу, там свадьба идёт вовсю. Зурна, барабан, песни и свист доносятся со всех сторон, а на поляне ни одной живой души. Я сразу поняла, что шайтаны решили поиграть со мной. Такое часто бывало. Когда дошла до середины поляны, не удержалась, пустилась в пляс под зурну и барабан. Свист и крики всё усиливались и усиливались. Как пошла по второму кругу, танцевать со мной выскочил красивый мужчина в белой черкеске. И вдруг под ритмичный танец и овации свадьбы джинны запели хором:

*Ракъчухъ бугаб кIатI-кIатI бахъи,
гъайбатай, гъайбатай...*

*Гарцул мача,
чараб гурма дуа рокъолу боъла,
Ад бухъараб рохъен бичи,
жаб дуй бегъу болару.*

*Ракъчухъ бугаб кIатI-кIатI бахъи,
гъайбатай, гъайбатай гъайбатай...*

Песня разлеталась повсюду и, удвоенная эхом, возвращалась, оттолкнувшись от отвесных скал, из тёмных пропастей. На шайтанском сужбате (вечеринке) танцевала Будус. Шайтанская молодёжь не выпускала её со свадьбы. За верёвку на поясе дёргали, замуж звали, танцевать заставляли. Когда много их стало кругом, Будус пригрозила им, и они отстали...»

Мне стало очень смешно от слова «пригрозила». Прервав тётю, спрашиваю:

– Чем же она на шайтанском сходняке могла им пригрозить?

– А ты смысл песни хоть понял? Из слов понятно, что шайтаны её боятся! – говорит тётя. – Когда она пошла в пляс, запели они.

В переводе песня звучит примерно так:

*То, что болтается за поясом, развяжи,
красивая, красивая.*

К белой шали и поясу в серебре

Не подходит то, что ты привязала к верёвке.

*То, что болтается за поясом, развяжи,
красивая, красивая, красивая...*

Вот и вся песня. Слово «красивая» повторяется несколько раз, это для звучания песни. Чего же боятся шайтаны? Они боятся серпа, который у неё под поясом. «KlatI-kIatI» – это то, что торчит из-под пояса (буквальный перевод). Как говорят в горах, шайтаны боятся металлического.

– Помнишь, тебе маленькому, когда за овцами или ещё куда-нибудь вечером шёл, бабушка пихала в карман нож, чтобы шайтаны не навредили?

Тётя продолжила свой рассказ.

– Вот так и ходила Будус, летом ли зимой – без разницы, в основном ночью, в Тлянада и обратно.

– Как она могла ходить одна, будучи замужем? Как муж её терпел и не разводился? – опять прерываю я.

Тётя терпеливо продолжает:

«Говорят, она с самого начала приручила его. Однажды муж побил её: почему, мол, без моего разрешения ты ходишь ночью непонятно куда. Будус ответила ему: «Мои друзья с того мира (шайтаны) не простят тебе того, что ты сделал».

Он не обратил внимания на её слова.

Однажды ему пришлось пойти на целую ночь на мельницу, чтобы перемолоть зерно. После полуночи Будус пошла туда же, воткнула большой камень в открытые деревянные трубы, откуда шла вода на мельницу, и спряталась за кустами. От недостатка воды мельница остановилась. Муж Будус зажёл лучину и пошёл вдоль трубы посмотреть, не застряло ли что. В это время в него полетели камни, щебень и гравий – всё, что она могла бросить.

Муж от страха побежал обратно к мельнице, закрылся в ней и не высовывался до утра. Утром он рассказал Будус о непонятном камнепаде и нападении на мельницу и попросил прощения у неё. Муж стал ручным, и Будус свободно ходила ночью, по одной версии, к шайтанам, по другой... непонятно, куда она ходила.

Ещё говорят, что она была внешне хороша. Глаза у неё были светло-голубые, огромные, но когда она рассказывала о шайтанах, они становились большие и страшные, а голос – тихим, хрипловатым.

Детей у неё с мужем не было. Она его не только шайтанами пугала, говорила, что есть много мужчин, готовых на ней

жениться. Есть даже песня её, которая сохранилась по сей день, где она пренебрежительно обращается к мужу и открыто говорит, что она с ним временно, пока не найдёт себе мужа получше. За подобное, по праву горцев, должно было убивать, а Будус убить не смогла. Она взяла верх над адатами и шариатом своим неугомонным и буйным характером. Послушай её песню – обращение к мужу:

*Дун мун вакьу толу егърайги гуру,
Вакъанав цвезиган лъураб магъари.
Чатамануб энкел, мун чадад чIваяб,
Чам къоялъ балана, экъаб жинсалъа?*

В построчном переводе это звучит не так красиво, многое теряется, но смысл таков:

*Не от любви я вышла за тебя –
Махар заключён, пока не найду любимого.
Потник для седла, чтоб тебя другие носили,
Сколько же мне смотреть на кривую розу твою?*

Рассказывали, что как-то ночью, ещё до рассвета пошла Будус за село, туда, где сено косили; разделась догола, распустила волосы и так побежала навстречу женщинам, которые шли на сенокос. Те от страха кинулись домой, крича о привидении. Всё село туда отправилось. А подойдя, увидели Будус. Она траву по кругу покосила и отметила свои границы, чтобы другие не забрали хорошее место. На вопрос, видела ли она голую женщину, совершенно спокойно ответила:
– Мы только что расстались, она жена Далгата.

– Какой Далгат? – спросили её люди.

– Не наш, их Далгат. Он хан шайтанов; женщина, которая утром тут голая бегала, это жена его. Она моя подруга, – сказала Будус и продолжила косить.

...Историй про Будус много разных рассказывали, её имя на слуху было. Но память моя ослабла, ничего не помню: ни сколько она жила с мужем-джурмутовцем, ни каков был их конец», – завершает свой рассказ тётя.

Предания о похищенных

Как рассказывают старшие, Джурмут был своего рода перевалочной базой по обмену пленных из Грузии и сбору войск для набегов. И джурмутовцам, и другим джамаатам Антратля приходилось быть в постоянной боевой готовности. Отряды из внутреннего Дагестана шли в набеги через Анцух-Капуча или через Тлейсерух в Камилух, дальше через Джурмут в Грузию. В известной народной песне, посвящённой отчаянному храбрецу, предводителю войск аварцев Мусал Адалову из Балахани, встречаются такие строки:

Нухда гъара балел гъолодисеца,
ГъалбацИлан тарав Мусал ГИадалав.
Къокъаби тЮтЮлел дол тЮмураца
ТIаса вищун тарав балахъунисев.

В переводе звучит примерно так:
В засаде успешными голодинцами,
Львом прозванный Мусал Адалав.

*Группы разбивающими джурмутовцами
Предводителем избранный балаханинец.*

Были походы, и делили добычу поровну, и уходили аварцы по реке вниз в свои аулы. А Джурмуту приходилось воевать с грузинскими отрядами, идущими, чтоб отомстить, и у себя, и в Цоре, куда приходилось спускаться на зимовку – в горах снега, и там не выживут овцы зимой.

Ещё есть предание про Джоджи, пленного грузина. Бетельдинцы передавали его друг другу от очага к очагу, и каждый вечер после работы привязывали, чтоб не сбежал. Дошла очередь до одного добряка-бетельдинца. Ему жалко стало Джоджи, и он спросил:

– Привязать ли тебя, Джоджи?

– Это тебе знать.

– Убежишь, если не привяжу? – спросил бетельдинец.

– Это мне знать, – ответил Джоджи.

«Устал он, куда может сбежать в такую погоду? На улице дождь. Дорогу тоже вряд ли он найдёт в такой темноте, пусть свободно поспит», – подумал бетельдинец и оставил пленника несвязанным. Как узнали, что он не привязал Джоджи и тот убежал, встало всё село, но его так и не нашли. Джоджи спрятался возле аула в пещере, он смотрел на бетельдинцев, которые шли с факелами искать его в темноте. Они вернулись по домам, а он спокойно встал и отправился через горы в Грузию. И поныне есть местность под названием Джоджил нохь (Пещера Джоджи).

...Про чородинского Зураба, которого похитил из Грузии Малу, я рассказывал. Есть такие же предания и у других сёл Антратля. Отец рассказал ещё одну жуткую историю, которой невозможно найти никакое оправдание.

Жестокость

– Повели одни молодые ребята из Салда в село Чорода похищенную в Грузии женщину и её двух дочерей, чтобы продать. Был день рузмана, там ждали людей из внутреннего Дагестана, которые приходили за пленными в Чорода. Их покупали хиндалалы², – сказал отец и накрыл армуд с чаем блюдцем.

Так чай дольше не остывает, и бывает вкуснее – сам пробовав. Этот знак мне понравился, это означало, что мы никуда не спешим. Я слушаю внимательно, предвкушая интересную беседу.

– После рузмана два хиндалава вышли на годекан и спросили, у кого есть женщины на продажу. К покупателям привели женщину с дочерьми. И говорит хиндалав салдинцу: «Дочерей беру, они ещё маленькие, скрутить прутьями проще, и получится из них что-нибудь. А вот её я не возьму, ничему хорошему она их не научит, в глазах её макру (коварство, хитрость)». Так сказал хиндалав и начал готовить хурджуны. Мать ненавидящим взглядом обвела всех и остановила его на покупателе-хиндалаве, смотревшего в её сторону

---

² Хиндалав (м. р.), хиндалал (мн. ч.) – аварцы-садоводы, жители тёплых долин Дагестана.

и говорившего что-то на непонятном ей языке. Когда он стал разглядывать её малолетних дочерей и смотреть на хурджуны, прикидывая, поместятся ли в них девочки, мать вздрогнула. Злость в глазах сменилась испугом. Она со страхом смотрела то на гостя, то на своих дочерей, то на людей, собравшихся вокруг.

Кажется, она уже что-то заподозрила, но сердце не желало верить страшному. Салдинец уговаривал хиндалава купить и мать. Объяснял, что она и внешне хороша, не стара – чего отказываться?! – мол, пригодится для хозяйства. Хиндалав ни в какую не соглашался, сказал как отрезал.

Он засунул в хурджун одну из девочек – лет семи, и затянул верхнюю верёвку так, что из мешка торчала только её голова. Девочка начала плакать и биться. Он прикрикнул, она задрожала от испуга и замолкла. Вторую девочку он таким же образом засунул в другой хурджун. Взгляд женщины, встревоженный и молящий, метался от дочерей к её собственным связанным рукам, затем к хозяину-салдинцу, от него к покупателю и снова замирал на девочках; она ждала, что руки развяжут, и её поведут с дочерьми. Но к ней никто не подходил.

Она начала биться, плакать, просить, умолять. Она умоляла хиндалава взять и её тоже, твердила, что умрёт она без дочерей. Тот не знал грузинский язык – переводили рядом стоящие, уговаривая, чтобы взял и женщину. Он отказался наотрез. Сказал, что девочек не удержит, если рядом с ними

будет мать. Гости распрощались с чородинцами, взяли своих лошадей и направились в путь.

Привязанная к столбу женщина рыдала на весь аул, а когда гости скрылись за поворотом, принялась что-то говорить нараспев. Это был то ли плач, то ли проклятие, то ли молитва, то ли ворожба. Сельчане спешно стали расходиться, подалее от несчастной женщины, будто опасаясь, что её беда и страдания могут задеть и их.

Через некоторое время кто-то развязал ей руки и отпустил. Она пулей полетела вслед за лошадьми, увозившими её детей. В это время лошади и хиндалал перешли речку и приближались к местности Халцах. Увидев бегущую за ними женщину, они остановились. Жители села, издалека наблюдавшие эту картину, терялись в догадках и даже предположить не могли, как будут развиваться события дальше.

Женщина добежала, схватила за уздечку лошадь, на которую были погружены хурджуны с её детьми. Она умоляла о чём-то всадника, направляясь к хурджуну. Обняла дочь, поцеловала её и долго не выпускала из объятий. Потом побежала на другую сторону, обняла другую дочь, и тоже поцеловала, и долго не отпускала её.

Лошадь и всадник дёргались то назад, то вперёд. Дважды крикнул что-то всадник, потом рукояткой плети оттолкнул её и продолжил путь дальше. Женщина зарыдала и упала на землю. Долго лежала она так и не шевелилась, а жители села разошлись по своим саклям. Говорили, в предвечернее

время она встала и направилась в сторону Салда, оттуда пошла по реке вверх.

Через неделю её труп нашли чабаны в местности Ор Ричдиб по дороге в Грузию. Какова была причина смерти, неизвестно. Было это поздней осенью. Могла замёрзнуть, могла умереть с голоду, могла и покончить с собой после всего, что пережила. Есть там недалеко от водораздела по дороге в Грузию, у подножья горы, холмик и почерневший от ветров и дождей маленький камень на нём. Джурмутовцы называют эту местность Хъазахъальул хІуб (могила грузинки) как свидетельство печальной истории несчастной женщины и её дочерей.

История ружья

и храброго человека

В моих дневниковых записях много всякого. Кого-то зацепили эти истории, перенесли в ранее им неведомый мир волшебства и легенд древнего Джурмута. Для других то, что я рассказывал, не стало новостью. Не исключено, что часть людей равнодушно прошлись взглядом по буковкам, их мои записи не заинтересовали. Тут нет ничего удивительного, у каждого пишущего человека свой читатель. К чему это я тут?

К тому, что в этих моих повествованиях вы познакомились с моим аулом, обществом из восьми сёл Джурмут, с Ан-

тратлем и с главными моими собеседниками – отцом моим и тётёй.

А был в моём раннем детстве ещё один очень интересный персонаж в лице моего покойного дедушки. Отца моей матери звали Абдурахимил Мухама из Чорода. Он слишком рано ушёл, мне было всего 10, когда его не стало. Но я хорошо помню его внешность, одежду, людей, которые окружали, его длинные молитвы и разговоры с гостями. Он был удивительным рассказчиком.

У дедушки была небольшая комната, постоянно горел огонь в печи, а на ней закипающий свистящий чайник или кастрюля, на полу матрас и овечья шкура на матрасе. Там лежал он, там сидел и там же молился. Бабушка готовила возле печи, а он в центре сидел и что-то рассказывал людям. Я был слишком мал, чтобы понять и запомнить его истории. Потом, как дедушки не стало и я повзрослел, стал слушать, что говорили о нём старики:

«Когда Абдурахимил Мухама рассказывал, такое ощущение было, что мы не возле него, а там, на месте его повествования находимся. Он заставлял или смеяться, или печалиться, слушать его было одно удовольствие», – говорили его друзья и сельчане. Всю жизнь дед чабановал. В детстве изучал исламские науки, как я помню, постоянно дома читал Коран. Светского образования не было у него, и кириллицу не знал. Каждое воскресенье старший брат ходил к дедушке с аварскими книгами, чтобы ему читать.

Без них дедушка никак не мог. Брал в руки аварскую хрестоматию и по лицам писателей и поэтов определял, кто из какого общества или аула. Очень хорошо разбирался в лицах людей. Хорошо знал аварцев, их внешность и характеры.

Почему вдруг я сегодня заговорил о дедушке? Причиной стала беседа с одним из читателей газеты «Миллат». Там в моей колонке была одна мысль, которую читатели приняли неоднозначно. Вот она: «Когда люди физически бьют друг друга, это унижает обоих участников этого процесса. И того, кто сам бьёт, и того, кого бьют. Не зря ведь горцы в прошлые века кинжал с пояса не снимали ни при каких обстоятельствах. Оружие было на страже чести и достоинства горца. Оно ставило людей в равное положение и не давало оскорблять друг друга».

Вы скажете: «Всё верно, но при чём тут твой дедушка?». А вот при чём. Он рассказывал одну удивительную историю из совсем давних времён, где оружие поставило людей в неравное положение. Вот она:

– В старину был, оказывается, один цорский аварец, признанный храбрец. Он был очень ловким, удалым молодцом, с кем никто не мог сразиться ни на саблях, ни в кинжальном бою. Одним махом отсёк бы голову любому, кто замахнётся на него. Все очень уважали его за удаль и ловкость, а ещё за благородство и доблесть. Его часто чабаны приглашали в гости, резали для гостя барашка и проводили славные ве-

чера в горах у костра. И вот как-то гостил он у чабанов недалеко от Белоканов, и к их костру подошёл путник, а за спиной он нёс странный длинный предмет. Храбрец, любопытный до всего нового, начал беседу с гостем и поинтересовался, что это за металлическая палка.

– Этой палкой можно убить человека на расстоянии, – ответил гость. – Вот тут зажигают огонь, она выстрелит и убьёт. Тупанк (ружьё) называется.

Храбрец недоверчиво усмехнулся:

– Да брось ты, убей, если можешь, меня.

– За что я буду тебя убивать? Ты мне не враг, а так убьёт, и не сомневайся, – ответил гость.

– Убей, если можешь, вон того буйвола, – сказал опять молодой человек, – я разберусь с хозяином.

Гость выстрелил. Буйвол грохнулся на землю. Молодой человек побежал к буйволу пощупал тушу, замер на мгновение и зашагал назад, глядя на свою ладонь, где ярким цветком алела буйволиная кровь. Он был бледен как полотно. Гость поскакал дальше. Молодой человек долго молчал и смотрел вслед странному гостю, а потом, обращаясь к друзьям-чабанам, сказал:

– Да, братья, времена храбрецов прошли, отныне любой трус, который получит вот такую дырявую палку, из-за угла может убить любого бихьинчи.

Байби ургьил эрбенияса

(Пусть армянин позаботится)

У многих пословиц и поговорок есть своя предыстория. Просто так ничего не появляется. Например, у джурмутовцев есть такая поговорка: «Байби ургьил эрбенияса» (Пусть об этом позаботится армянин). Что за армянин? Откуда он возник в Джурмуте, вроде бы и не граничим мы с Арменией.

Мне недавно рассказали историю появления этой поговорки, делюсь с вами.

В старину джурмутская молодёжь от скуки часто устраивала сухбаты (вечеринки). Разводили костёр на открытой площадке в центре аула. Под зурну и барабан танцевали лезгинку. Самые отчаянные парни в азарте танца перепрыгивали через огонь. А девушки держали дистанцию, к костру не приближались. Как-то была на сухбате избалованная девица знатного, богатого рода, увешанная серебром и золотом. Подошёл к ней один из танцоров и пригласил на танец. Красавица в золоте пошла в пляс, словно бабочка порхала она вокруг костра.

Ритм танца всё ускорялся, расстояние между костром и девушкой всё уменьшалось, она кружилась и кружилась. И в какой-то момент её роскошное платье коснулось пламени костра, вспыхнуло, и огонь перекинулся на девчонку. Женщины с кувшинами воды, мужчины с бурками бросились спасать её. Не успели сбить с неё пламя, как она вновь закружилась в танце ещё ближе к огню. Танцем красавицы любовались не только собравшиеся на сухбате, но и аульча-

не со своих плоских крыш, наблюдавшие за весельем. Вдруг с одной из крыш закричали:

– Огонь!!! Огонь!!! Ещё чуточку подойдёшь, сгорит в огне твоё дорогое платье!

В ответ девушка бросила ставшие поговоркой слова:

– Байби ургьил эрбенияса (Пусть позаботится армянин).

Дело в том, что каждый год весной через перевал в Джурмут приходил армянин с белой кобылицей. Все женщины села, начиная с девчонок, что только научились ходить, заканчивая старухами, которые уже готовились к последнему пути, ждали его прихода. Ведь и на спине кобылицы, и на собственной спине нёс он товар – дорогую ткань и платья для девушек. Позволить себе такие покупки могла не каждая женщина в Джурмуте, но всем хотелось хотя бы поглядеть на расшитое золотом платье, погладить рукой разноцветные отрезы шёлка, атласа и бархата.

Богатая избалованная танцовщица, которой родители не отказывали ни в чём, бросила те слова, чтобы лишний раз подчеркнуть свой статус, богатство и важность своего рода. По сей день их произносят в Джурмуте по поводу дел, не касающихся говорящих:

– Мне-то что, не моя печаль, байби ургьил эрбенияса (пусть позаботится армянин).

Бедняк и монеты

А мы за ужином сидим молча. Присутствие отца за столом

несколько сковывает всех. Одна Ик может нарушить «протокол» и рассказывать всё, что считает нужным: о своём учителе английского, о повадках её кота и прочих вещах вселенского масштаба.

– Так ушёл Абдулатипов или нет? – спросил отец, пользуясь паузой.

– Заявление об уходе подал он, Путин в Туркмении, кого определили на его место, неизвестно, завтра, наверное, узнаем, – говорю я.

– А что люди говорят?

– Разное... Кто-то радуется, другие недовольны. Большинство в ожидании чуда, только с чем связан такой оптимизм, не знаю.

– Там, наверху, нет порядка, судя по всему, иначе такая ситуация не возникла бы, – сказал отец и замолк...

– Радость или печаль от ухода одного или прихода другого главы – это глупость. Такое чувство может быть только у очень недалёкого человека. Верующий в предопределённость судьбы не испытает ни радости, ни печали, ибо от правителей ничего не зависит. Есть же одна интересная притча про крестьянина, который потерял монету... – сказал отец и замолк. Я ждал продолжения разговора, а он возился с куском мяса и молчал.

– И что было у крестьянина? – спрашиваю я. Отец отодвинул мясо, потянул к себе стакан чая и начал:

– Работал крестьянин на земле у одного богатого чело-

века. Богатый его кормил. Однажды, когда собрали небывалые урожаи, богатый дал крестьянину золотую монету и отпустил его. Радости бедного крестьянина не было конца. Он шёл по полю, луна стояла над его головой, и он чувствовал себя безмерно счастливым человеком. Когда луну закрыли облака и стало совсем темно, крестьянин споткнулся о камень на тропе и упал лицом вниз. Он встал, пощупал карман, где была монета, и вздрогнул, дырочка в кармане и нет монеты. Испугался бедный крестьянин, хватался то за карман, то за голову и начал тёмной ночью среди высокой травы наощупь искать свою монету. Под руки попадала сухая осенняя трава, камни, хворост и ещё непонятно что. Заплакал крестьянин и пнул ногой камень, о который споткнулся. Уже собираясь уходить, он на всякий случай ещё раз присел и пошарил по земле вокруг себя. Вдруг что-то прохладное и круглое оказалось в руке, в ту же минуту разошлись облака, бледная луна опять повисла над его головой и под лунным светом тускло заблестела на его ладони потерянная монета. От радости часто заколотилось сердце крестьянина. Монету в карман он больше не положил, крепко сжал в кулаке и зашагал дальше. К утру добрался до дома, обнял старую матушку, рассказал о великодушии богача, который дал монету, и милости Всевышнего, который вернул её. Он отдал матери монету, присел и стал разуваться. Снял чарыки, бросил к порогу сначала один, потом другой, и тут из второго чарыка что-то выпало, покатилося и легло прямо у его ног. Это

была золотая монета. По видимости, она выпала из дырявого кармана и, скользнув вдоль ноги, упала в чарык. То, что суждено Аллахом, человек найдёт даже ночью наощупь в бескрайном поле. Обе монеты дал Аллах, первую сделал причиной, чтобы привести его ко второй. Поэтому глупо радоваться чему-то или печалиться, каждому своя доля предопределена, – сказал отец.

История одной беды

в обществе Тлянада

– Много несчастья и горя принесла охота на туров и оленей в горах, много... Кто-то попадал под камнепад и снежную лавину. Другие срывались и разбивались насмерть, это очень безбаракатное и глупое занятие. Не зря ведь говорят в горах Джурмута: «Адамазул гАбдал – чанахъан, чвазул гАбдал – юргъачу» («Среди людей дурак – охотник, среди лошадей – иноходец»), – говорит тётя сидящим за столом и рассказывает какую-то очень занимательную историю. Был осенний дождливый день в Махачкале, она приезжала к моей старшей сестре на недельку в гости. Я не стал её возвращать к началу повествования. Внимательно историю слушала моя сестра и её гости.

– Там, кажется, шесть или семь человек погибли тогда, под лавину попали. Первым пропал охотник, узнали, что его унесла снежная лавина. Когда пошло всё село, чтобы его искать, в это время пошла ещё одна лавина и унесла тех,

кто искал охотника. Жуткая история... Как услышишь плачи и причитания их женщин по этому горю, прямо душу выворачивает, – поддержала разговор моя старшая сестра. Она дёрнулась от картины ужаса, постучала пальцами по столу, потом тихо что-то прошептала про себя: «... да убержёт Аллах».

– Мне среди тех умерших людей больше всего жалко жену того охотника, который пропал первым. Некоторых из них нашли в снежной лавине и предали земле. Другие остались там почти до весны. Искали, оказывается, когда растаяла лавина, находили трупы и предавали земле. А у охотника отдельная история. А что испытывала жена того несчастного – это один ужас, – говорит тётя.

– А что она могла испытывать, в отличие от других пропавших?

– Ей не до горя было. Оказывается, она ещё ужасно стыдилась тех женщин и детей, чьи мужья и отцы пропали из-за её мужа. Он пошёл на охоту один. Его унесла лавина, а все остальные люди умерли тогда, когда пошли его искать. Он стал причиной смерти ещё шести человек. Это всё от Аллаха, их дни были сочтены на земле, а охотник стал причиной их ухода в мир иной. Но не все же умные, чтоб это понимать. Некоторые жёны и родственники умерших, оказывается, упрекали жену охотника. Слух пошёл в ауле, мол, она сказала, что хочет свежее мясо тура. А молодой муж, над которым имела власть красивая молодая жена, пошёл на охоту,

чтобы ей мясо достать. Возможно, что это было не так, мужчина и сам мог пойти на охоту, однако пошёл слух, что причиной этого несчастья стали капризы молодой красивой женщины. А отчаявшиеся от горя и безысходности жёны пропавших мужей открыто упрекали жену охотника: «Почему не ешь мясо тура? Поставь казан и довольствуйся мясом, твоя алчность похоронила наших мужей живьём в снежной лавине».

Вот такую страшную зиму прожили люди, убитые горем в этой снежной стихии, в диком, оторванном от большого мира вместе с лютыми морозами, со снежными бурями и лавинами, где выли волки, плакали ночами жёны и матери, ждали обманутые дети наступления весны и возвращения своих отцов домой.

Отцы не возвращались. С большим опозданием проявлялись первые признаки весны: таяли снега, снежные лавины, что заполняли ущелья, изо дня в день они становились меньше. Люди ежедневно работали и искали потерянных сельчан. Понемногу находили тела и предавали земле. А несчастного охотника и ещё одного человека из пропавших не могли найти. Когда после очередных поисков возвращались люди с трупом, женщины и дети стояли на плоских крышах и ждали вестей: кого же нашли на этот раз? Среди ожидающих была и несчастная жена охотника. Часть молодых людей пришла вперёд, чтобы подготовить могилу на кладбище. Они и сказали женщинам, которые их встретили у годёка-

на, чей труп оттуда несут. Выяснилось, что не охотник он, а один из последних, кто пошёл на поиски охотника. Женщины гурьбой с плачем и причитаниями пошли к дому, где должна была пройти похоронная процессия. На краю плоской крыши осталась одна оклеветанная и сторбленная горем несчастная жена охотника, которая стала объектом ненависти сельчан. Она зарыдала и что-то говорила там причитаниями, длинный плач был, я не всё помню, – сказала тётя и прервала разговор. Мне чрезвычайно интересен был именно этот плач несчастной женщины, но я не спрашивал об этом, могло выглядеть несерьёзно, когда мужчина интересуется такими вещами. Тут она процитировала несколько строк из того, что осталось в её памяти из плачи жены охотника:

*«Ратунби, ратунби, раццла ратунби,
Мун, гIайиб ккарав чи, гIорсой хутIиб.
Регьиб, регьиб, раццла регьиб,
Лгымал гьеав дада дава воунби...»*

В подстрочном переводе звучит примерно так:

*Пусть находят, находят, всех находят,
Ты же виноват, оставайся в лавине.
Пусть вернутся домой, все вернутся,
Отец без детей пусть останется там,
(обращается к пропавшему мужу – ред.)*

В русском переводе плач получается несколько корявым и не звучит, на диалекте аварского – сильно цепляет...

– И какова была судьба этого несчастного охотника? Нашли его? – спросил я наконец у тётки, хотя во всей их беседе практически не принимал участия.

– Летом... летом, когда полностью растаяла лавина, нашли его тело на самом верху, где было мало снега и легче всего можно было найти. Просто не попали на него, так было угодно Аллаху, – закончила тётка эту страшную историю общества Тлянада. Я не стал вдаваться в подробности жуткой истории, не раскрыл имена людей и название аула, ибо люди есть разные и не всем нравится, когда упоминают страшные истории их родных и близких. Многие от такого убегают как от дурного сна, от привидения, будто, если вспомнить это, мы накликаем на себя очередную беду...

Но была, оказывается, ещё одна жуткая история из этой же серии, это было в Джурмуте.

История одной беды в Джурмуте

История эта случилась в 30-х годах прошлого столетия в ауле Чорода общества Джурмут. У них луга для сенокоса находятся в нескольких километрах, по ту сторону реки. Поэтому чородинцы не возили сено в аул, строили там же, на пологих склонах хутора. Молодые женщины переселялись туда, до середины зимы ухаживали за животными, а ближе к марту, когда заканчивались запасы сена, возвращались в аул вместе со скотом. Но беда, если зима окажется снежной, огромные сугробы, зависшие на горных хребтах,

обрушиваются вниз, перекрывая и ущелья, и даже саму реку Джурмут.

Та зима была именно такой. Два дня без перерыва падал снег, а к вечеру второго дня сошла лавина, унося все, что встретилось на ее пути, вниз, к большой реке. Когда грохот стих, все в природе будто оцепенело в ужасе и тоске. Люди Чароды застыли на плоских крышах своих домов. Они смотрели в сторону ущелья, где мгновение назад чернели их зимние фермы.

Все, кто мог хоть что-то делать, схватили лопаты, веревки и побежали вниз к речке. Наступил вечер, в ауле было так тихо, будто онемели мужчины, онемели женщины и даже младенцы у материнской груди тоже онемели.

После полуночи кто-то крикнул, что по мосту через реку Джурмут вроде бы кто-то идет, виден слабый свет факелов. Спустя некоторое время к годекану вышли трое молодых парней, они шли тяжело, сгорбившись, будто каждый нес на плечах пудовые мешки. Они не поднимали голов, не глядели в глаза аульчанам. Аул боялся их о чем-либо спросить. А они боялись заговорить.

А потом один из них сделал шаг вперед и стал называть имена. Одно имя. Два. Три. Четыре. Пять... После шестого имени он замолчал. И тогда над аулом поднялся плач. Женские вопли и причитания смешивались с детским плачем и страшными лающими звуками мужских рыданий без слез. Понемногу к годекану подходили остальные спасатели, они

и рассказали, что первая лавина, обрушившаяся с западного склона горы, унесла двух молодых девушек с зимней фермы. А когда подоспевшие раньше других шестеро молодых крепких мужчин, начали поиски, с восточного склона сошла вторая, забрав и их.

Выжившие стояли вдоль стены мечети, не смея поднять взгляд. А аул на разные голоса оплакивал своих погибших, дочерей, сыновей, сестер, братьев. Через некоторое время шагнул вперед убеленный сединой старик и прокричал:

– Воистину мы все от Аллаха к нему и возвращаемся. К этой большой беде привело наше безрассудство и неумение слушать старших. Когда первые три человека побежали к речке после лавины я, старый человек до нижней части аула бежал за ними, кричал и умолял, чтобы остановились на минуту! Не послушались они. Видимо, так было угодно Аллаху, не зря ведь говорят, когда у раба кончается ризк на земле, его за одну ресницу тянут, ведут навстречу смерти.

Все возвращайтесь в свои дома и ни один человек никуда не выходите до весны, читайте зикру и салават за упокой души умерших. У них смерть шахидов и их души в райских садах, нас, живых надо жалеть, которые остались в этом грешном мире – сказал Супи Муса (суфий).

Люди стояли, слушали его и понимали – старик прав. Искать тела погибших в огромных завалах снега в ущелье, было не проще, чем иголку в стоге сена, да еще и неизвестно, не унесло ли их дальше. Одним словом, чородинцы прожили

тяжелую, безотрадную зиму. В какой-то момент слезы закончились, а общее горе сделалось настолько невыносимым, что не только женщины, но и мужчины приглашали к себе в дома лучших плакальщиц. Те заводили свою песню, всплескивая руками, раскачиваясь из стороны в сторону и сердца, окаменевшие от горя, смягчались, человек мог плакать, а значит, снова делался живым.

Наступила долгожданная весна, но смерзшаяся гора снега, принесенного лавиной, стояла, как и раньше, будто солнце и тепло обходили ее стороной. Люди бродили, не зная, где копать и как найти своих пропавших. Возвращались вечером полумертвые от усталости и отчаянья. Супи Муса ежедневно читал проповедь, успокаивал людей: «Совсем скоро растает снег, скорее всего они окажутся в самом внизу ущелья», – говорил он. Шли весенние работы, несмотря на большое горе надо было дальше жить.

Наконец проход по речке стал возможен. Правда, пройти можно было, только пригнувшись. Не много было охотников брести по студенной воде, в полумраке, искать мертвые тела. Всего двое вызвались пойти. Некий Махамат из аула Салда и бесстрашная женщина из Тохота. Махамат должен был наощупь искать, а женщина – освещать ему путь факелом. Рассказывают, что эти двое каждый день по одному-два трупа находили в этом страшном, холодном и темном месте. Находили и волоком тащили туда, к свету, где стояли и ждали люди. Изувеченное мертвое тело, пролежавшее вечность

под снегом и будто бы ставшее его частью, попадало в руки тех, кто его знал, любил, кто тосковал по нему, и оплаканное, вновь обретало имя.

Истол, Хабибил Мухама и винтовка

Хабибил Мухама из Чороды был братом моей прабабушки. Он был мужественным, волевым, иногда совсем безбашенным человеком, который не давал себе отчёта в поступках и поведении. Покойная мама говорила, что её покойная бабушка тоже была конфликтной женщиной со сложным характером. «Отец говорил, что очень часто возникали в семье ссоры и недоразумения между его родителями, по моему наблюдению, всегда причиной конфликта был сложный характер мамы, не помню, чтобы отец был неправ», – вспоминала мама слова своего отца. Видимо, это была особенность рода – беспокойный, буйный, склонный к склокам и конфликтам характер. Был ли таковым, как моя прабабушка, Хабибил Мухама, сложно сказать, ясно, что он был сложным человеком, с которым происходили разные необычные вещи. Очевидно, что присутствовала в нём суровость нрава и дерзость характера.

Был, оказывается, он однажды в гостях у своего кунака по прозвищу Истол в ауле Тад Тохота. Человек, который носил это необычное для горцев того времени имя, был зажиточным крестьянином, который имел богатый дом и много кунаков из разных обществ Антратля. Прозвище Истол тоже, скорее, он получил оттого, что купил роскошь для того

времени – стол для гостей. (*У аварцев не встречается сочетания двух согласных в начале слова, поэтому добавляют гласную букву в начале или после согласных, отсюда и слово «истол».*)

Раньше ведь горцы садились на пол, только состоятельные люди имели мебель в виде столов и стульев. Вот и получил человек столь необычную кличку как Истол.

Был ясный осенний день и предзакатное время, когда на веранде у Истола собрались тохотинцы и несколько кунаков, которые прибыли туда с разными нуждами. Среди них был друг и кунак Истола Хабибил Мухама из Чороды. Истол их принял с большим почтением, накрыл стол, угостил, шли характерные для наших шутки и колкости про джурмутовцев, про тлебелал, все хохотом принимали, и никто друг на друга зла не держал. Но у Хабибил Мухамы была одна непростительная и очень распространённая в то время страсть к оружию. Когда он уставился на старинную винтовку среди прочего оружия на стене, Истол встал, снял и дал кунаку её посмотреть.

– Это ингилис тупанк (английская винтовка), мне её дал в Цоре один мой должник. Человек, который под гарантию взял на зиму моего коня, не смог мне вернуть весной, и вместо коня дал эту винтовку. Боёк не работает, один мастер из Хадияла мне обещал его сделать. После этого со стола у Истола мясо горного тура не исчезнет, – хвастался винтовкой самодовольный Истол. Хабибил Мухама долго осматри-

вал красивую винтовку с длинным стволом, потом задёрнул затвор, щёлкнул из окна в сторону гор пару раз и вернул хозяину.

– Винтовка хороша. Только меткий глаз и рука, которая не дрогнет, даст результат. У моего друга Истола руки хороши, вот глаз чуть косой, он может подвести.

Друзья за столом расхохотались. Особенно Истола дразнил, оказывается, один тохотинец, друг и родственник Истола.

– Ты тут много не смейся, я покажу тебе, какой я стрелок, – сказал Истол, направил на него винтовку, которую держал в руках, и щёлкнул один раз. Тот руки держал перед лицом и кричал, чтобы не щёлкал. А Истол по очереди щёлкал за столом перед сидящими. Пошла игра, кто сможет не моргнуть глазом перед щелчком винтовки. Тут же Хабибил Мухама пошутил жёстко с дальнего угла:

– У тлебелав духа не хватит не моргнуть на щелчок, это сможет только томурав (джурмутовец). Хотите проверить – щёлкните мне...

Истол направил винтовку и щёлкнул. За столом кто-то из тохотинцев бросил, что Мухама тупой, он и не знает, что винтовка может выстрелить. Гости опять расхохотались. Пошли щелчки по второму кругу, все моргали и были удивлены, как удаётся Хабибил Мухаме не моргнуть перед щелчком винтовки. Кто-то из-за стола сказал, что всё дело в расстоянии. Хабибил Мухама не моргнул оттого, что он был

чуть дальше от винтовки. В это время Истол повторно направил винтовку с близкого расстояния, Хабибил Мухама посмеялся над Истолом, потянул дуло к своему глазу и сказал: – Къвагье, льебелав («Стреляй, тлебелав»)...

Прогремел выстрел, опрокинулся стул, здоровое тело Хабибил Мухамы рухнуло на пол скрипучей деревянной веранды дома Истола из Тад Тохоты. Гости за столом со страху все на месте застыли, сам Истол в полной растерянности на мгновение встал, как вкопанный. Винтовка из рук упала. Он бросился, прижал к себе окровавленную голову друга и зарыдал, как сумасшедший, на весь дом.

Хабибил Мухама был мёртв, не было никаких признаков жизни. На этот выстрел и крик прибежали все тохотинцы с нижнего и верхнего села. Наступил вечер, тело Хабибил Мухамы омыли и положили в мечети аула. И всю ночь старики-тохотинцы обсуждали вопрос, как поступить дальше. Кто пойдёт с этой трагической вестью к чородинцам? Кто поверит, зная конфликтный и буйный характер Хабибил Мухамы, что всё было случайно, и это несчастье случайно, по ошибке пришло в дом его близкого друга? Некоторые советовали Истолу уйти в Цор, пока все успокоятся, отправить на маслихат людей и объяснить, что и как случилось, иначе брат убитого, Хабиб, не заставит ждать кровной мести. Он очень быстро отомстит. Таков закон гор – кровь только кровью смывается. Но один мудрый старик сказал: «Если Истол убежит в Цор, это точно будет расцениваться как убий-

ство, и его непременно убьют. Убьют, если даже брат убитого будет знать, что он невиновен. Люди будут это толковать по-своему. Он, чтобы смыть позор, вынужден будет убить». На следующее утро весь тлебелалский джамаат направился с телом убитого в Чороду, и Хабибил Мухаму предали земле. Поверил ли их объяснениям брат убитого Хабиб или нет, никому не было известно. Он молчал. Это ещё больше беспокоило сторону Истола. В один пятничный день пришли исламские учёные и все участники этого несчастного случая в мечеть в Чороду и сказали, что они готовы поклясться на Коране, что это не было умышленным убийством. Когда один набожный человек взял Коран для клятвы, Хабиб остановил его и сказал, что верит и не намерен мстить. Решили на следующий день представители всех трёх обществ верхней части Антратля – Джурмут, Тлебел и Тляналал – собраться у слияния рек трёх ущелий на перемирие. Собрались в назначенный час. Пришёл туда к Хабибу из Тад Чороды сам Истол. На шее у него был саван, сам встал на четвереньки перед братом убитого. Это означало, что он готов принять смерть от кровника в доказательство своей невиновности. Хабиб тоже, как и брат его, был грубоватым человеком:

– Ты почему, как корова, на четвереньках, если невиноват? Встань и дай руку. Шариат с тебя дийат берёт за халатность и убийство, если даже неумышленно убил. Я с тебя это не беру и мстить не стану. Иди к себе. Истол с опущенной головой со своим саваном направился к себе в Тохоту. Джа-

мааты трёх обществ загудели с одобрением, алимь сделали проповеди, прочитали дуа для защиты от несчастных случаев и разошлись по аулам. А история эта пришла к потомкам сквозь века, и её передают друг другу. У этого Хабиба был ещё сын по имени Рамазан. Хабибил Рамазан звали его. Человек непростой судьбы, отчаянной дерзости и с умением метко стрелять. В 30-е годы он был репрессирован. Удивительным образом выжил и вернулся оттуда. Есть ещё один занимательный случай, как он убил милиционера, который забрал у его отца лошадь. Но это уже другая история...

История одной смерти в Джурмуте

– Был в Чороде некий Алил Омар. Он часто спускался в Цор через перевал Большого Кавказского хребта, что между Джурмутом и Белоканами, – говорит отец, перебирая чётки, и замолкает на минуту. Досчитал, отложил, придвинул к себе чашку с чаем и продолжил:

– Мы с ним были в приятельских отношениях, несмотря на разницу в возрасте. Алил Омар последним возвращался из Цора, а весной первым открывал дорогу туда. Хорошо знал дорогу, умел переждать бурю и непогоду и успешно добирался всегда туда и обратно. Однажды мы с моим другом Муртазали из Бетельда направились на водораздел, что между Цором и Джурмутом.

Был ясный солнечный день, разгар лета. На перевале наткнулись на наших чабанов из Джурмута, работников геоло-

горазведки и нескольких знакомых из Белоканов. Они разожгли костёр, сварили много мяса, из Цора привезли фрукты да овощи, кахетинское лилось ручьём. Мы с Муртазали тоже не были с пустыми руками. Цорские приехали на отдых, а чабаны наши зарезали барана и устроили пир. Нашему приходу все обрадовались и сразу посадили на почётное место. После обмена приветствиями я посмотрел на противоположную сторону горы. Там человек отвязывал и седлал коня, по видимости, собираясь спуститься к речке.

– Это кто? – спрашиваю я у знакомого чабана.

– Это Алил Омар... Вчера вечером приехал из Цора, кажется, в Чорода собирается...

– У Алил Омара вся жизнь в пути. Или в Цор, или из Цора в Джурмут. Постоянного места жительства нет у него, – говорит один из чабанов, и все хохочут. Тем временем Алил Омар, уже оседлав коня, скакал в нашу сторону, лихой всадник на гнедом жеребце. Изредка ветер доносил до нас его голос. Он пел. Это была удивительно печальная, трогательная мелодия и слова, которые нигде ни до, ни после я не слышал.

*Гьадиндай хутИла, хвелдай бачИна,
Я мугІрул щобазда щапундай ккела?..*

(Останусь ли я в живых или уйду из жизни,

Может, достигнет смерть в горах или теснинах?..)

Он приблизился к нам, слез с коня, поздоровался, а увидев меня, приветливо улыбнулся. Мы чуточку посидели, и я его проводил в село, где мы и распрощались.

Больше я Алил Омара не видел. После этого прошёл год. Была поздняя осень. Зима подступала к Джурмуту, хотя ещё не было снегов, кроме как на вершинах гор и на перевале в сторону Цора. Пришёл гонец из Чорода и сказал, что Алил Омар ушёл из Цора в Джурмут, третий день, как его нет, и джамаат отправился на поиски. Мы тоже всем селом направились туда. Наткнулись на обледеневшее тело Алил Омара возле небольшого ручейка по дороге из Цора в Джурмут. Знаешь, что за место? Именно то место, где он седлал коня год назад и пел ту печальную песню: «Гьадиндай хутҭила, хвелдай бачҭина, я мугҭрул щобазда щапундай ккела?».

Когда чородинцы накинули на покойного бурку и подняли его, чтобы отнести в село, в моей памяти прорезались те слова и всю дорогу не покидали меня. Передо мной, словно кадры из фильма, прокручивались опять и опять. Снова скакал к нашему костру тот красивый человек на гнедом коне, снова пел печальную песню, будто спрашивая кого-то: «доживу ли, или останусь в теснинах гор умершим?». Это – было? Предчувствие, вещий сон или то, что наши называют «кҭалул пал» – гадание языком, где произнесённое слово сбывается? У меня нет ответа на этот вопрос, но всю жизнь я об этом думаю, – закончил отец свой рассказ.

Вероотступники Цора

– Хьанчфаразы (вероотступники) в Цоре получили много земель, денег и высокое положение у грузинского царя и но-

вой русской власти. Они имели административную власть над мусульманами Джаро-Белоканов. Склоняли слабых в вере и падких на мирские блага людей в свою сторону. Были даже отдельные кладбища этих «хъанчфаразов», я помню их. Позже, когда в Белоканах открыли мост над речкой и проложили новую дорогу, местные жители – мусульмане – направили трактора через их могилы. Это был знак, своего рода месть и надругательство над вероотступниками, как мне кажется, – говорит отец. Но это было много позже. А тогда положение было серьёзное. Если города Белоканы и Закаталы не могли открыто восстать против новой власти, то с аулами дело обстояло иначе. Там были фанатично преданные религии и враждебно настроенные к иноверцам мусульмане. Больше всего таких было в аварском селе Чар (Джар).

Теперь вот что хочу сказать, как автор, многие детали вызывают сильные сомнения, чтоб не сказать больше. Вопрос – разве может быть такое, чтобы крестили кровью, да ещё и в церкви и откуда бралась всё время свежая свиная кровь – я задавал себе сам. Наверное, это было придумано людьми, чтобы подчеркнуть их отношение к отказу от своей веры. Но я всего лишь рассказчик, старающийся передать то, что слышал, без искажений. Так что слушайте и не перебивайте.

Итак, люди говорили, что сама процедура отказа от ислама и принятия христианской веры проходила в церкви на грузинской стороне. Мол, человек должен был прийти

в церковь, произнести слова об отказе от ислама, после чего его голову мазали свиной кровью, надевали на шею крест, и дальше новообращённый насраниав (христианин) пользовался всеми благами новой жизни. Когда в Джаре об этом слышали, один молодой человек из влиятельного и набожного тухума тоже изъявил желание принять христианство. У него было доисламское аварское имя – ЛъикIав (Добрый). И тухум их назывался, оказывается, ЛъикIазул тухум. Итак, прискакал на гнедом коне этот молодец в грузинскую церковь, где принимали христианство. Рассказывают, это был пасмурный летний день, город и река Алазани были покрыты густым туманом. Коня своего ЛъикIазул ЛъикIав привязал к дереву возле церкви, поздоровался с двумя солдатами и вошёл внутрь. На плечах ЛъикIава был чобос (одежда, похожая на пальто без рукавов).

– Я пришёл принять религию Иисуса, он и у мусульман среди самых почитаемых пророков. Думаю, что можно принять религию Исы (мир ему), – сказал ЛъикIав. Служители внимательно смотрели на загадочного гостя. Обычно мусульмане в церковь шли через новообращённого христианина и доверенного лица, некоего Горги из Белоканы. А тут человек явился без сопровождения и предварительных переговоров.

ЛъикIав почувствовал недоверие служителей и сказал: «Вы только скажите, какие слова необходимо произнести и что за процедура у вас тут для принятия христианства».

Один из служителей пошёл к стене, где стоял какой-то таз. Свиная кровь! – решил ЛъикIав, скинул с плеч чобос, выхватил саблю и одним ударом по горлу лишил врага жизни. Второй не успел даже крикнуть, ЛъикIав и его убил. Когда он выбежал с окровавленной саблей, солдат схватился за ружьё, но опоздал – его ЛъикIав зарубил на месте. Другой же от страха убежал в сторону города.

Могучий конь унёс молодца с места кровавой резни. Густой туман и лес укрыли от погони. Преследователи не смогли понять, откуда он явился и в каком направлении исчез.

Дальнейшая судьба ЛъикIазул ЛъикIава неизвестна, но эта резня положила конец процессу перехода мусульман Джаро-Белоканов в христианство, – говорили старики. А те, кто уже отошёл от ислама, по-прежнему жили богато и имели власть, но и в христианство они не вошли, разве что на словах. Наиболее богатым и влиятельным среди них был тухум Горгиял. Из этого тухума был, кажется, и тот Горгил Башир, который вместе с Мавраевым скрывался в Джурмуте в 30-х годах XX века, – говорит отец. – О нём мне больше ничего не известно. Убит ли он был, репрессирован ли, не знаю. Но о людях Горгиял говорили, что вот такая история была. Какие именно из Горгиял, тоже не могу сказать, слышал, в Кабахчели есть такой тухум, имеют ли они связь с этими или нет, не знаю.

Маралбег, Горги и его дочь Яци

– Был ещё один забавный случай, связанный человеком по имени Горги из Белоканов. Выходит, что он был именно из тех хъанчфаразов. Он, как богатый человек, имел дома на каждое время года: осенне-весенние, летние, зимние. Летом Горги жил в местности ЖохЮль на горе, на границе с Джурмутом, где живописные места и чистый горный воздух. Пришёл как-то к нему в гости известный шутник и острослов Маралбег из Чорода. Поздоровались, словами перекинулись, пошутили друг с другом Горги и Маралбег и поинтересовался Горги, куда путь держит Маралбег.

– Еду за кукурузой в Белоканы, пока перевал не закрыт, надо на зиму запасы делать, – сказал Маралбег.

– У меня есть очень хорошая кукуруза, если ты мне отправишь из Чорода овечий сыр, можешь у меня из Белоканы брать кукурузу сколько тебе надо, – сказал Горги. Охотно согласился Маралбег, даже обрадовался, что можно, не теряя время по базарам Белоканов, вернуться быстро домой, и спросил:

– Кого мне там искать? Дадут ли они мне кукурузу, если пойду к тебе?

– Там моя дочь дома, скажи, что я отправил, наполняй свои мешки, сколько могут взять твои лошади, и вернись сегодня же.

У Горги дома была взрослая незамужняя дочка, то ли имя было у неё такое, то ли прозвище, но белоканцы ее называли Яци. Эта горделивая и взбалмошная девица имела большое

влияние в доме у Горги. Когда Маралбег, привязав коней на улице, рукояткой плети постучал в калитку, эта Яци лежала на тахте, привязанной к ветке орехового дерева на манер гамака, и раскачивалась, отталкиваясь от земли ногой в нарядной туфельке.

– Ле адамал!!! (Эй... люди!!!) – крикнул Маралбег.

– Шев мун? (Кто ты?) – прокричала в ответ Яци. Ей лень было вставать. Маралбег отворил калитку и вошёл во двор. Прямо на него летела тахта, на которой развалилась полная девушка с дерзким взглядом, через секунду тахта понеслась назад, пряча в густой тени и девицу, и её дерзкий взгляд, и излишне обнажённые, по горским меркам, полные ножки. Он задумался немного, никогда ничего подобного он в горах не видел. Потом собрался и сказал:

– Меня зовут Маралбег, я из Джурмута. Я был у отца вашего в ЖохЮль, он сказал, чтобы вы мне дали кукурузу. За кукурузу я Горги отправлю с гор овечий сыр...

– Где сыр?

– Сыр в горах...

– Что тебе надо?

– Кукуруза...

– За кукурузу что даёшь?

– Сыр...

– Сыр где?

– В горах...

– За сыр, который в горах, кто тебе в Цоре кукурузу

даст? – сказала Яци, выбирая себе ягоду покрасивее из блюда с черешней. Маралбег оказался в сложном положении, он несколько раз попытался этой неадекватной девушке объяснить, что он идёт от её отца, она его прерывала. Он направился к выходу, но у калитки остановился и решил сделать последнюю попытку.

– Яци ведь вас зовут, вот видите, я ваше имя тоже знаю, вы поверьте мне... я взрослый человек, не буду врать, тем более ваш отец знает меня...

– Не верю, глаза нехорошие у тебя, они у тебя косые, – сказала Яци и нагло посмотрела на Маралбега.

– Неудивительно, что вы мне не верите. Ваш тухум Горгиял не верует во Всевышнего Аллаха, который вас создал, косому бухадару из Джурмута по имени Маралбег что ли вы поверите? Будьте вы прокляты, – захлопнул Маралбег калитку Горги и отправился на базар. Больше о них мне ничего не известно, – сказал отец.

Джурмут в годы лихолетья

– О Горгил Башире, который во время революции прятался в Джурмуте от большевиков, были другие воспоминания в Джурмуте. Выходит, что он сын того вероотступника Горги, – говорит отец и окунается в воспоминания, как известный просветитель Магомедмирза Мавраев из Чоха и Горгил Башир из Белоканы бежали из охваченного революцией Дагестана и прятались от преследования новой власти у нас,

в Джурмуте.

– Они пришли к нам поздно осенью, перевал был закрыт снегами.

Сидя с джамаатом на годекане, они с тоской смотрели на снежные вершины дальних гор, с нетерпением ожидая, когда откроется перевал и они смогут спастись, бежать в Грузию, а оттуда – в Турцию. Отдалённость Джурмута и плохие дороги гарантировали, что преследователи если и доберутся сюда, то очень нескоро.

Горгил Башир, говорят, был легкомысленный, болтливый человек. Снова и снова рассказывал о своём богатстве в Цоре: об отарах овец, о табуна лошадей, стаде быков, больших землях и огромных домах. Мавраев тоже был очень богатым человеком для своего времени. Владел виноградными плантациями, консервными заводами, кинжальным заводом, кожевенной фабрикой и много чем другим. Но утраченные богатства свои не перечислял, ничего не рассказывал, всё время молчал.

Как-то на годекане Башир вновь завёл рассказ о своём хозяйстве. Один из стариков спросил у Мавраева:

– У тебя что-нибудь забрали большевики, Мухаммадмирза? Видишь, сколько всего потерял Башир – стада, отары овец, табуны лошадей и земли?

Чуть помолчав, Мавраев почесал затылок и бросил:

– Стоимость одной бумаги для печати, что там осталась, и то больше была. Это я уже не говорю про остальное.

– Что? Какая ещё бумага? – заинтересовались горцы.

Они представить себе не могли, что бумага может стоить больше отары овец, табуна лошадей и стада быков. А у Мавраева, оказывается, была в Дагестане единственная типография и много тысяч тонн белой бумаги. Мавраев был хорошо образованным и информированным человеком. Он не мог не знать, что вытворяют большевики в Петербурге, в остальной России, и какова участь богатых людей. Это были 30-е годы XX века, в стране начался красный террор. Забирали всё, что имели, раскулачивали, отправляли в Сибирь, расстреливали. Надо было спасти себе жизнь. В Анжи, в Темир-Хан-Шуре и в Нагорном Дагестане была установлена советская власть – за исключением отдалённых труднодоступных районов, таких, как Цумадинский, Цунтинский и Тляринский. Поэтому он пришёл к нам в Джурмут.

– В Джурмуте у Мавраева знакомый был, Рамазан Мусаласул Мухаммад из Чорода. Они то ли в Чохе, то ли в Согратле вместе учились, оказывается. Сам Рамазан Мусалав (так называли его в селе) был зажиточным крестьянином. Были у него земли, овцы, пчёлы, он занимался торговыми делами в горах и в Цоре. Когда Мавраев пришёл к нему, то застал у Рамазана Мусалава другого гостя – Горгил Башира – беглеца из Азербайджана. Тот и поведал Мавраеву, что и в Азербайджане утвердилась советская власть, потому он и убежал от большевиков в горы. Известие это в буквальном смысле подкосило Мавраева. Рамазан Мусалав гостей успокоил,

до весны продуктовых запасов хватит, а потом перевал откроется, придут первые вести из Цора, и там уже посмотрим.

«За наше село и людей вы не беспокойтесь, ни один человек отсюда не выдаст вас чекистам – народ наш благородный», – успокоил гостей Рамазан Мусалав.

Худо-бедно они пережили длинную снежную зиму в Джурмуте. Два капиталиста, когда-то евшие лучшую еду, купавшиеся в шелках и золоте, жили в небольшой комнате джурмутского крестьянина, спали на деревянной тахте и ели, чем делился хозяин.

Наступила долгожданная весна. Открылся перевал. Ждали новостей и гостей из Цора, нельзя было вслепую направляться туда без дополнительной информации. Вскоре выяснилось, что Азербайджан прочно в руках большевиков, а в Грузии ещё хаос. Это известие очень обрадовало Мавраева. В одну весеннюю ночь на хороших конях с полными хурджунами еды и необходимой в пути одежды Мавраев и Рамазан Мусалав направились в Цор. Им надо было, проследовав по лесам Азербайджана, спуститься через перевал, а дальше уже лежала дорога в Грузию, по которой Мавраеву предстояло отправиться самому. Рамазан Мусалав проводил его и вернулся. Дальнейшая судьба Мавраева неизвестна. Было много легенд в горах, – сказал отец. – Многие думали, что он через Грузию направился в Турцию и живёт там со всеми мухаджирами.

Но мне, молодому студенту филфака ДГУ, рассказывал

о нём ныне покойный мой преподаватель, фольклорист, собиратель легенд, поговорок и пословиц Дагестана Александр Фёдорович Назаревич. Не помню, каким ветром занесло Александра Фёдоровича в Среднюю Азию, но там произошло вот что. Как-то на базаре Бухары, где он покупал то ли черешню, то ли вишню, Назаревич почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Обернувшись, увидел старца, сквозь толпу внимательно разглядывавшего его. Когда глаза их встретились, старик отвёл взгляд, заторопился, стал собирать свои покупки. Было в нём что-то знакомое, но не смог Александр Фёдорович сразу вспомнить, где видел это лицо. Тот же больше ни разу не посмотрел в сторону Назаревича. И, когда Александр Фёдорович подошёл к нему, он повернулся спиной, взяв с рюкзаком, будто что-то завязывает. Но через мгновение повернул голову и тихо бросил через плечо:

– Молча следуй за мной...

– Я шёл за ним, а он всё время незаметно осматривался, как человек, привыкший к осторожности и умеющий распознать слежку, спиной почувствовать холодный и цепкий взгляд сыщика, – рассказывал Александр Фёдорович.

По роду своей деятельности они с Мавраевым часто сталкивались и хорошо знали друг друга в Дагестане. Как и предполагал Назаревич, Мавраев не пошёл в безлюдное место, напротив, они пришли туда, где ходило много народу. На улице был небольшой скверик, а в скверике – две лавоч-

ки, стоящие спиной друг к другу. Расстояние между ними было несколько метров. Мавраев показал место, куда сесть Назаревичу, и сам сел спиной к нему. Ещё раз осмотревшись, он сказал, не поворачиваясь к собеседнику:

– Александр, я тебе как фольклористу расскажу одну притчу, ты, как неглупый человек, должен понять смысл. Храни это в себе и ни один вопрос мне не задавай, хорошо?

– Хорошо, – ответил Александр Фёдорович.

И рассказал Мавраев небольшую притчу тихим голосом, будто сам с собой разговаривает. Через некоторое время встал и, не попрощавшись, затерялся в гуще людей. А Александр Фёдорович остался. Судя по всему, он жил под другим именем и продолжал прятаться от чекистов.

– А эту притчу не помнишь? – спрашиваю я отца.

– Дело в том, что Александр Фёдорович её не рассказал, то ли не помнил, то ли не успел, кто-то отвлѣк в беседе, смысл притчи был в том – «я тебя не видел, и ты меня не видел»... В общем, притчу сам Назаревич мне не рассказал, лишь воспоминание о нём, Мавраеве, было. Когда я рассказал об этой истории нашим в Джурмуте, старики сказали, что, по словам Рамазана Мусалава, у Мавраева было много золотых царских монет, зашитых в широкие пояса, которые он носил на себе. С такими деньгами он мог уйти куда угодно. Много позже выяснилось, что почти 30 лет он прожил в нелегальном положении в Казахстане, где было много депортированных чеченцев и ингушей. Там легче было остать-

ся незамеченным. Был женат на татарке, умер в 86 лет, похоронен в Целинограде Республики Казахстан, – завершил свой рассказ отец.

Чекист Имаммуса из Чоха

и абрек Хизри из Джурмута

– Я про Хизри из Камилуха слышал, то ли абрек, то ли конокрад, говорят, был такой горец сурового нрава и на характер дерзкий, – говорю я отцу.

– Был такой человек, Джамалдинасул Хизри называли его камилухцы. Противоречивая личность, как и все абреки того времени. Где-то благородство и мужество, где-то чистое разбойничество, – сказал отец и начал рассказывать: – В Генеколобе был один зажиточный крестьянин, который жил праведной, честной жизнью. Мухамадибир звали его. Он бедным милостыню давал, из своей отары овец закят (обязательная выплата мусульман) снимал и жил на своём хуторе недалеко от аула. В один весенний день, когда генеколобец пахал свою землю, по извилистой дороге вдоль реки Джурмут двигался всадник на жеребце-иноходце.

Пахарь замер. На несколько минут разинутый рот закрыть не мог пахарь, был пленён статью вороного жеребца. Конь сверкал под солнцем, словно вымытое стекло. Тонкие, как струны, ноги, длинная, густая волнистая грива и хвост, бьющие о землю мощные копыта – нельзя было глаз оторвать

от такого коня. Только потом пахарь разглядел всадника, своего приятеля из Тлейсеруха. Они тепло поздоровались, обнялись, и генеколобец гостя завёл в дом. Когда перед гостем поставили выпивку и еду, хозяин извинился и выбежал на улицу ещё раз взглянуть на коня. Тлейсерухцу очень не понравилось такое равнодушие к его коню. Гость был суеверен и сильно боялся сглаза. Встревоженный, он вышел за хозяином и с порога крикнул:

– Кажется, я своего коня теряю. Каждый раз, когда что-то из моей собственности сильно нравилось человеку, я это терял. Ты глаз положил на моего коня, если у меня останется он, или с кручи свалится, или камилухцы своруют. Придётся тебе его отдать. Генеколобец засиял от радости и беспомощно спросил:

– Сколько?..

– В Цабулане (посёлок в Азербайджане) я за него отдал 15 баранов. Ещё никто столько за коня там не давал. Но это особый конь. Ты видел его скорость, и ещё он иноходец, такое ощущение, что не скачешь, а плывёшь. Очень не хочу продавать, но твои глаза мне не нравятся.

– 15 баранов хоть сегодня пригону, – сказал Мухамадибир.

– Сегодня не надо мне. Мне надо в Тлейсерух, на обратном пути возьму ещё одну лошадь, эту оставлю у тебя, на другой со своими баранами пойду в Белоканы. Ты приготовь барашков, ты набожный, честный человек, надеюсь,

что плохих не дашь, – сказал тлейсерухец, сел на коня и поскакал, как полетел. Одним словом, купил генеколобец этого коня, и во всём Джурмуте, и в Антратле он стал известен как резвый иноходец, который на скачках побеждал всех. В один летний вечер в хутор к Мухамадибиру постучался гость. Это был абрек Джамалудинасул Хизри.

Хозяину очень не понравился визит незваного гостя. Хизри попросил у него коня, чтобы пойти в Тлянаду. Мухамадибир был в полной растерянности: не дать он не может, не того характера он был человек, чтобы противиться абреку. Дать тоже жалко. Но всё же дал с надеждой на слово абрека, посчитал это менее опасным, чем отказать. По договору Хизри должен был вернуться через пару дней. Но его не было и через пару недель, и через пару месяцев. Почти каждый божий день несчастный генеколобец ходил в Камилух, чтобы узнать, вернулся ли Хизри с его конём. А Хизри всё не было. Он на вороном иноходце появлялся то в аулах Антратля, то в Тлянаде, в Чароде, Тлейсерухе и в Карахе. Все завидовали коню. Когда наступила осень и в горах выпал первый снег, всё же вернулся он в Камилух. Один уважаемый человек из его тухума отругал Хизри и сказал, чтобы немедленно отдал коня хозяину. Тот решил вернуть, тем более, наступала зима и нечем было кормить его. Заслышав конский топот, Мухамадибир выбежал на улицу, он увидел уходящего Хизри и узнал его со спины, а своего коня, привязанного к дереву, не узнал. Тот был измученный и исхудавший на-

столько, что рёбра торчали. От сверкающей волнистой гривы и хвоста ничего не осталось, только грязные колтуны. Ноги местами ранены, одна подкова утеряна и, видимо, давно. Мухамадибир прослезился, обнял коня и долго стоял с поникшей головой. На мгновение оторвался от лошади, поднял руки в небо и попросил Аллаха, чтобы наказал разбойника за надругательство над животным и муки, которые испытал сам хозяин.

– И что? Получил наказание Хизри?

– Через некоторое время его убили. Убил его тот чохинец-чекист, о котором я тебе говорил. Имаммуса его звали. Как-то под покровом ночи энкавэдэшники окружили дом Хизри в Камилухе. Его взяли спящим. Говорят, сами камилухцы устали от его беспредела, и многие злорадствовали. Надели на Хизри наручники, и пятеро вооружённых чекистов забрали его в Тлярату. Когда приблизились к Генеколобу, он набросился на одного из сопровождающих и попытался выхватить пистолет. Чекисты стали стрелять. Было раннее утро. Генеколобец, который спал, услышал выстрелы и выбежал на улицу. А там вооружённые люди собрались вокруг лежачего ничком человека. Люди сели на лошадей и ушли, а труп так и бросили. Знаешь, где это произошло? Именно на том повороте, откуда генеколобец забирал своего измождённого, заезженного коня, возле дерева, где конь был привязан. Именно в том месте Мухамадибир обратился к Аллаху с мольбой, чтобы мучитель нашёл гАжал (смерть).

И небеса слышали мольбу.

– А что было с чекистом Имаммусой?

– Имаммуса был жестокий, подленький человек. Мне его дальнейшая судьба неизвестна. Об убийстве Хизри он, оказывается, сказал на чохском диалекте: «Валлагъ хІвечІу болгъон белэр багъичІого» (*Валлахи не умирала свинья, пока не продырявил голову*). Он много людей убил разных. Был ещё один богатый, щедрый и порядочный чохинец, который имел целые отары овец. Он у наших джурмутовцев брал в аренду летние пастбища на границе с Азербайджаном. Гарунхаджи знали его. Когда началась коллективизация и забирали овец, он сопротивлялся, что ли. Одним словом, Имаммуса и чекисты начали за ним охотиться. Без всякого суда и следствия Имаммуса убил его, односельчанина, порядочного человека. Не просто убил, ещё хвастал этим убийством. Говорил так: «ГъарунхІажиявги витІана анціл белэрлы гъубузи хІабалы». Это на чохском, переводится как: «Гарунхаджи отправил командиром десятки на том свете». Десятым стал Гарунхаджи. Десятым по счёту из убитых Имаммусой.

УхІ МухІама –

поэт и вор древнего Антратля

– Я помню его... УхІ МухІама однажды гостем был в нашем доме (УхІ – название одного из обществ Антратля –

ред.), – рассказывает тётя. Было много народу, когда он вошёл, пошли шутки, колкости, хохот, все оживились. Кто-то спросил за столом: «Скажи честно, УхI МухIама, сколько баранов ты своровал?». Тот хитро прищурился и указательный палец направил на голову: «Сколько там волос, столько, наверное». Все посмеялись. Кто-то другой заметил: «Лучше этого досыта накормить, а то сворует что-нибудь и исчезнет ещё, ешь и после еды два сделай». УхI МухIама странно ухмыльнулся, всё тот же указательный приставил к своему горлу, провёл вниз по нему и сказал: «За всю жизнь тут, кроме чистой воды из родника, ничего халяльного не прошло». Гости опять расхохотались. Был такой странный человек, – вспоминала тётя. Он моему деду признался и попросил прощения за то, что однажды по дороге в Цор через Джурмут с веранды дедовского дома своровал баранью тушу. Сказал, что были в пути, поздняя осень и были голодны как волки, пришлось воровать. Дед простил, халяль сделал ему это.

Поговаривают, что в голодное время благодаря своему умению воровать много сельчан спас. Всё, что у одних брал, раздавал другим. Такой своего рода благородный рыцарь, абрек Зелимхан или Робин Гуд Антратля (Семиземелья). Его все знали, он всех знал и все к нему относились с юмором, не вызывал он никакой ненависти и неприятия, несмотря на такое своё не очень похвальное занятие. Был в нём ещё талант к стихосложению. По образу жизни, странности поведения, непредсказуемости в поступках был таким поэтом-бун-

тарём. Мне очень странным показалось, как он выжил в век доносов, репрессий, казней даже по надуманным преступлениям, в то время как у него ненадуманных было выше крыши.

Рассказывали, как он совершил побег из здания милиции в Тлярате. Старый корпус был построен на краю пропасти. Говорят, УхI МухIама каким-то образом пробрался оттуда вниз, а реку Джурмут то ли вброд перешёл, то ли переплыл – ушёл оттуда. Спрятался у себя дома в УхI ада и отправил на следующее утро жену с едой в милицию себя навестить. Чтоб не додумались дома его искать.

Но мне он не этим интересен, воров, казнокрадов и прочих грабителей у нас было много. УхI МухIама был безупречным поэтом. Жаль, что из его стихов остались в народной памяти отдельные, незначительные строки. О чём же была поэзия УхI МухIамы? По большей части он писал о трагическом конце своих друзей-абреков в лесах Цора и в горах Джурмута. Большую дружбу он имел с нашими джурмутовцами, для которых воровство овец, крупного рогатого скота и коней было в то время чуть ли не главной профессией. В Камилухе было много друзей по тёмным делам у него. Но были у УхI МухIама стихи, посвящённые тем, в ком признавал он отвагу и благородство.

В Камилухе был один очень уважаемый человек по имени АхI мадав. Он ударил хI акима Советской власти, этим воспользовались его недруги и подвели его под репрессии. Суд

состоялся в Тлярате, позднее его отправили оттуда в Хунзах в тюрьму, и дальше он бесследно пропал. УхI МухIама и Завурбек из Чадаколоба, как услышали в Цоре, что забрали АхI мадава, прискакали в Чадаколоб, зарезали ягнёнка, сварили мясо и отправились на лошадях в Хунзах его навестить в последний раз. Известно было, что не вернётся оттуда, были времена жестокие и кровавые. Оказалось, что в то утро АхI мадава отправили этапом в Темирхан-Шуру и дальше в Петровск. Вернулись друзья обратно с большим огорчением. УхI МухIама от отчаяния написал стих, в котором проклял и судьбу, который вынес решение, и доносчиков-камилихцев.

*Мун туснахъ гъавизе мацI ал гъарурал,
Цуял гъерсихъаби гъарчица чI вайги,
Дуе ахирисеб диван къотI арав,
Анцухъа Асильдар Росси тун айги.*

*Трусливые лжецы, кто доносил на тебя,
Пусть в этом мире попадут под камнепад.
Асильдар из Анцуха, кто вынес приговор,
Да покинет он сам Россию навеки.*

Был ещё и отдельный стих, посвящённый АхI мадаву, где воспевалось его благородство, мужество и прочие достоинства. Говорят, в Камилухе есть человек, что помнит его, даст Аллах, непременно найду стихотворение и поделюсь. А пока

мы знаем всего две строки из этого стиха. Их вместе с другими народными песнями исполняла известная певица Манарша Дибирова, которая была замужем за камилухцем. Они звучали вот как:

*...Лъебелазда, Къанада, къармал тун ТI омуразда
ТI ад чI ван щвараб багI арбакъ, щинкIун ана нукI кI лакъе...*

*...У тлебелал, у тлянадинцев и в Джурмуте —
без камилухцев*

*Взошедшее солнце в своём зените
пропало за тёмными тучами...*

Ещё одну песню поют и сегодня в Джурмуте, к сожалению, тоже не знаю её целиком:

*БецI ал сардал хI алий ккун,
АхI лъимаздеги рахун,
БахI арзал сверун ккуна,
ЧКялъул малгIуназ.
Къокъаялъул цевехъан -
МухIамадтI али чI вана.
Пирхараб пири гI адин,
Пахрудин тI агIун ана...*

В подстрочном переводе теряется красота слога, ритм, но перевожу, чтобы было понятно, о чём речь:

Воспользовавшись тёмными ночами,

*Поднялись до Ахтлимала,
Окружили тайно героев
Малуъны (нечисть) из ЧК,
Предводитель Мухаммадали
Пал первым в бою,
Пахрудин, словно молния,
Пропал в ночной мгле.*

Одним словом, УхI МухIама, этот загадочный человек с противоречивым характером, оставил яркий след в жизни Антратля в прошлом столетии. Он воровал и делился тем, что ворует. Был щедр и открыт, говорил не на ухадинском говоре анцухского диалекта, а на болмаце, то есть на литературном аварском. Его мировосприятие шло вразрез и с шариатскими, и с государственными законами, но у него был свой кодекс чести, который УхI МухIама никогда не нарушал.

В нём был талант поэта и бунтарский дух. К большому сожалению, многое из того, что он написал, потеряно. Его внучка мне рассказала, что некий ухадинец после смерти УхI МухIама тетрадь с его стихами отдал одному штатному поэту из Союза писателей в Махачкале, и тот сказал, что не нашёл в записях поэзии. А сама тетрадь пропала. То ли потеряны стихи, то ли присвоил их кто-то. Ухадинец, далёкий от поэзии, махнул рукой и забыл. А я вот забыть никак не могу. В океане талантливого и бездарного воспевания страны Советов, Ленина, Сталина и коммунизма очень ярко

прозвучал бы сегодня бунтарский мощный голос УхI МухIа-мы. Голос человека, что сочинял не для того, чтобы его напечатали, не для государственных наград, а потому что природа его была такой! Который писал не за письменным столом в душном кабинете, вымучивая каждую строчку, а так же, как и жил, как стрелял, дрался, уходил от погони, слившись со своим конём, бешено несущимся по нашим горным тропам, уносящим хозяина от верной смерти.

Будалаи, шайтаны и охотники

– Историй, как шайтаны или будалаи забирали детей, было много. Слышала в детстве от покойной бабушки, как некий гортнобец (Гортноб – это такое селение) нашёл в местности Маала Росо мальчика лет 16, непохожего на наших детей, – продолжила тётя.

– И что тут необычного?

– Дело в том, что мальчик этот был необычный. Он был не из наших, хотя был похож на наших детей. Одет был в какие-то шкурки, на голове шапка, связанная из травы. В руках держал посох с волосистым покровом наподобие рогов оленя ранней весной, а на спине у него висел небольшой мешочек из коры белой берёзы, привязанный сверху.

– Ты кто? Чей ты сын? – спросил гортнобец загадочного мальчишку, не понимая, как он мог оказаться в местности настолько отдалённой от аулов и людей. А тот ответил на чистом джурмутском говоре:

– Я сын Цодорил Ибрагьима... Мама моя умерла в день

моего рождения, и отец мой умер незадолго до моего рождения, меня забрали к себе будалаи. Вот и хожу я по горам и ущельям, охраняю покой горных туров и лесных оленей. Мне пора... – сказал мальчик и, легко поднявшись по крутому скалистому хребту, исчез в облаках, окутавших вершину горы.

Гортнобец сильно испугался, кое-как дошёл до своей отары, а к вечеру понял, что заболел. То в жар его бросало, то такой озноб охватывал, что он дрожал весь. Перед его глазами мелькали картины прошедшего дня: густой туман, загадочный мальчик, его одежда, неподвижные его глаза, непонятная ухмылка на лице и слова, которые, словно круглые камешки, выпадали из его рта, и эхо билось между скал, повторяя: «Я сын Цодорил Ибрагьима... Ибрагьима... Ибрагьима!!!»

Эти слова не отпускали несчастного чабана. Его ещё удивило это странное, доисламское имя – Цодор, ведь Цодорил Ибрагьим значит «сын Умного по имени Ибрагьим».

Когда другой чабан, совсем уже старик, пришёл его сменить, то сразу и не узнал, а узнав, вскрикнул:

– Что с тобой? На тебе лица нет!

И гортнобец рассказал обо всём: как встретился с загадочным мальчиком и как тот исчез среди скалистых вершин и облаков, сказав, что идёт ухаживать за горными турами и лесными оленями.

– Цодорил Ибрагьим?.. – переспросил старик, задумался

и замолчал.

– Ну, что? Почему ты замолк? – спросил гортнобец, торопясь получить от старшего хоть какое-то объяснение.

– От покойного дедушки я слышал удивительную историю о некоем Цодорил Ибрагьиме – она была почти как сказка. И более ни от кого и никогда это имя не слышал я до сегодняшнего дня, – задумчиво произнёс старик-чабан.

Он ненадолго замолчал, пытаясь вспомнить рассказ своего дедушки, и после раздумий продолжил:

– Жил, оказывается, у нас в ауле некий Цодор, заядлый охотник, и был у него единственный сын Ибрагьим. Про Цодора говорили, что он никогда не возвращался с охоты без дичи. В стрельбе был меток – хоть в глаз птичке. Дом его был богатым, но Цодор охоту не бросал, нравилось ему, и гордился он своим талантом. Один набожный человек предупредил его, мол, не будь таким алчным, знай меру, у тебя семья – ты да сын, а сушёного мяса полная веранда. Не будет бараката твоему дому, если и дальше будешь так охотиться. Аллах всем людям дал ризк в виде дичи, не только тебе. Не послушал Цодор старика и бросил высокомерно: «Аллах мне дал зоркий глаз и умение метко стрелять, чтобы я взял столько дичи, сколько мне надо». Опечалился старик, когда Цодор так ответил, чувствовал, что человек накликает на себя беду.

– Почему же он Умный, если был так глуп? – спросил гортнобец.

– Люди называли его так за удачливость в охоте. Но, оказалось, не очень умный. В один холодный зимний день вышел он на охоту. На тропинке, которая шла вдоль отвесной скалы, было место, где снег лишь чуть припорошил, припрятал ледяной покров. На том месте соскользнул и полетел в пропасть меткий охотник Цодор. Сельчане его похоронили к вечеру, и все в один голос утверждали, что это знак сверху. Не зря, мол, набожный человек предостерегал его.

Вырос у него сын Ибрагим. Тоже пошёл по пути отца. Охотился на туров и никогда не возвращался пустым. И его предупреждали старики: безбаракатное это дело, отец твой плохо кончил, знай меру! Но разум его был затуманен, успех опьянял, и всё тянуло его на альпийские луга, где пасутся стада горных туров. И стрелял Цодорил Ибрагим в отборных туров с красивыми телами и большими рогами. Как-то на рассвете оседлал Цодорил Ибрагим своего гнедого жеребца и направился на охоту. Встретил его у мечети тот почтенный старец, что предостерегал его отца.

«Сегодня пятничный день», – сказал старик, оглянувшись. Ибрагим усмехнулся и продолжил свой путь.

А по преданиям старого Джурмута, весь дикий животный мир находится под опекой будалаов гор. Они охраняют их от бед, от слепой силы природы и злой силы человека. Во все дни можно охотиться, если знать меру. Но пятничный день – он особый. В этот день, как говорят, за турами и оленями присматривают девочки будалаов. И если кто убьёт оленя

или тура в пятницу, того девочки будалаов проклянут, и кара настигнет нарушившего запрет.

Именно в пятницу пошёл на охоту Щодорил Ибрагьим. Змеёй прополз он по узкому карнизу вокруг скалы, обрывавшейся в пропасть, и выглянул из-за камня. Перед ним на отвесных скалах траву щипали два тура. Один был большой, со сломанным концом рога, а другой – помельче. Ибрагьим выстрелил. Скалы загрохотали в ответ, перебрасывая эхо друг другу, а потом утопили его в серебристой речке, что текла на дне ущелья. Маленький тур, словно камушек, брошенный ловкой рукой, легко прыгнул в сторону, затем вниз по отвесным скалам и исчез за поворотом. А большой на минуту встал как вкопанный, медленно опустил голову, будто пригнула его к земле тяжесть огромных рогов и, сорвавшись со скалы, полетел в пропасть. Дым от выстрела рассеялся, и тут ущелье заполнил женский крик, через минуту перешедший в рыдания. Ибрагьим со страху чуть сам не сорвался, да ухватился за колючий куст можжевельника и так замер, всем телом прижавшись к скале. А женский голос всё звучал, выплёвывал по одному острые ранящие слова, похожие на маленькие блестящие стрелы:

«Гуч бекараб тІаму кІва рукьиб швезигІан тараб гІумру батлугуяс». (В безрогого выстрелил проклятый, да не будет ему жизни, кроме как до дома).

На мгновение потерял себя Ибрагьим, с трудом спустился на узкую тропинку. «Что бы значили слова: да не будет ему

жизни, кроме как до дома?» – думал он.

И тут заныло в груди, будто кто-то сжал ладонью сердце. Забыл Ибрагьим про подстреленного тура, кинулся туда, где привязал коня, вскочил в седло и помчался прочь. А как добрался до дома, упал и прожил ровно столько, сколько нужно, чтобы рассказать прибежавшим сельчанам, что с ним произошло.

Случилось это поздней осенью. Весь его скот остался на летней ферме в местности Сугърухъ, и беременная жена Цодорил Ибрагьима осталась там же. Наступила зима и отрезала от мира и её, и скот, и Сугърухъ.

Когда за сеном на летнюю ферму пошли другие гортнобцы, они нашли умершую жену Цодорил Ибрагьима и пустую люльку. – Старик встал и, тяжело ступая, пошёл к отаре. А молодой чабан так и сидел, не двигаясь с места, пока ночь не рассыпала по небу звёзды.

* * *

– Вот так. А что там было и чего не было, одному Аллаху известно, – шлёпнула себя по коленкам тётя, завершив свой длинный рассказ о гортнобских будалаах, шайтанах и охотниках.

Сказ о чёрном камне,

или Как пропала девочка

– Моя покойная бабушка говорила, что в Гортнобе у рода

Малачиял есть чёрный плоский камень размером со сковороду. Когда сено, запасённое на зиму, заканчивается, камень кладут в хлев для бараката. После этого сена легко хватает до весны. Если заканчивалась мука, камень клали в муку, и всегда у Малачиял были хинкал из пшеничной и кукурузной муки. Такой баракатный камень есть у Малачиял, – говорит тётя. Увидев мою скептическую ухмылку, она продолжает: – Ле, васав, я тебе рассказываю, что услышала от старших, верить или не верить – твоё дело.

– Что за камень? Как можно камнем баракат держать? Это же ширк и опасная вещь по исламу, если кто-то верит в могущество камня... – говорю я, провоцируя тётю на продолжение разговора.

Тётя моя, женщина простодушная, подвоха не заподозрила и принялась рассказывать. Но знала она лишь часть истории. Вторую часть рассказала другая тётя. А детали, которые я по крупицам собрал, слушая женщин Джурмута, сделали историю объёмной и красочной. Дело было вот как.

– В Гортнобе (аул Джурмута) жил большой и зажиточный тухум, Малачиял звали их. Они имели большие отары овец, наёмных чабанов, свои летние и зимние пастбища в горах и в Цоре. Овцы на зиму направлялись в Цор, а крупнорогатый скот оставался в горах. Там же, в горах, Малачиял построили сараи для скота и дома для людей. Часть зимы люди со своим скотом проводили на ферме, а когда сено заканчивалось, возвращались в аул ждать весны.

Как-то одна женщина рода Малачиял осталась на зимней ферме в местности Сугърухъ, чтобы ухаживать за скотом. За день до того, как её должны были сменить, выпал большой снег. Ни она в аул, ни к ней в Сугърухъ люди не могли пройти. Весь Джурмут был в заложниках снежной стихии. Сутками падал и не прекращался снег, лавины одна за другой шли, местами даже закрыли реки и образовали снежные плотины. Всё бы ничего, но женщина эта была беременна и очень скоро должна была родить. Это знали и в ауле, но против снежной стихии пойти не могли, надо было переждать непогоду.

К вечеру шестого дня женщина выглянула из окна. Не разобрать было, где небо, где земля, где горы, – кругом бесконечное белое полотно, сливающееся с небом. Даже отвесные скалы, высокие горы, леса и река Сугъру-ор, которая обычно видна была из окна, пропали из виду. Вьюга вилась вокруг её убогой сакли, билась в двери, хлестала по стенам. Сквозь завывания ветра пробивался другой вой – вой голодной волчьей стаи. Женщина знала, чей голос задаёт там тон и ведёт за собой остальных. Неделю назад, ещё до непогоды, она гнала скотину на водопой к речке, и тогда впервые увидела два огненных глаза, что следили за её коровами и бычками. Это был большой старый волк, вожак стаи. Ей случилось видеть, как его стая охотилась на туров, отбивая от стада одного и умело загоняя его к речке, где после недолгой битвы жертва падала с разорванным горлом. Но сейчас туры ушли высоко, спрятались в скалах, куда волкам было не до-

браться, и вожак искал новую добычу.

Вой всё приближался и усиливался, на какие-то секунды она даже обрадовалась, что в этом оторванном от остального мира месте на краю Вселенной есть ещё кто-то живой.

Но тут женщина услышала детский плач. Ребёнок сначала плакал где-то вдалеке, голос его был тих и время от времени пропадал совсем, словно буря задувала его, как свечу. Через несколько минут плач стал громче, отчётливей, как будто дитя поднесли ближе к сакле. Но тут опять завёл свою песню вожак, её подхватила стая. Женщина схватилась за живот и задрожала, чуточку успокоилась, когда в утробе шевельнулся ребёнок. «Мамина девочка... никому не отдам... уходите, злые духи да волки... никому не отдам... мамина-а-а...» – прошептала женщина и пошла в дальний угол хижины.

В очаге догорали последние угольки, у неё не было сил выйти за дровами, чтобы поддержать огонь. Голова кружилась, бросало то в жар, то в холод, ломило спину, а время от времени острая боль опоясывала её тело. К полуночи она родила. Девочка! – выдохнула измученная родами женщина, взяв ребёнка на руки; укутала малышку в то, что было под рукой, уложила рядом с собой и заснула. И приснилось ей, как через окно вошла в хижину некрасивая женщина с длинными запутанными волосами и стала перед ней.

– Ты кто? – спросила женщина.

– Гьорол эбел (Мать ветра), – ответила гостя и расхохо-

талась.

Женщине стало страшно – не к добру эта ведьма явилась, надо бы спрятать от неё ребёнка! Она потянулась за дочкой и проснулась. Её руки продолжали искать ребёнка, но не находили. Двери хижины были заперты изнутри, на окне деревянный засов. А дочери нет. Женщина вскочила, принялась встряхивать лохмотья, которыми укрывалась, подбежала к двери, с большим трудом отворила её. Было раннее утро, снегопад прекратился, но солнце не выглянуло ещё. Почти по пояс снег был у входа. Нетронутый снег. И никаких следов на нём. Женщина обхватила руками голову, опустилась на корточки и по-звериному завывала, раскачиваясь из стороны в сторону.

На одиннадцатый день после снегопада гортнобцы добрались до фермы Сугърухъ. Скот в сарае хором замычал, услышав их приближающиеся голоса. Но женщина не вышла к ним навстречу. Они нашли её в хижине, всё так же сидящую на корточках и обезумевшую от горя. Такой и привезли её в Гортноб. Там она немного пришла в себя и рассказала им и про сон, и как ребёнок пропал.

– Ты точно помнишь, что женщина приходила во сне? Может, это не сон? – поинтересовалась одна.

Её тут же заткнули старшие и объяснили, что это место отрезано от мира, и не было на снегу никаких следов, кроме тех, что оставили добравшиеся до фермы сельчане.

– Что тут гадать, на всё воля Аллаха! Твою дочку забрали

или будалаи, или джинны, существа нашего мира не могли через запертую дверь дочку забрать, – сказала как отрезала старшая тухума Малачиял.

И женщины увели несчастную мать домой.

Прошло много лет, много воды реки Сугъру ор утекло после той злосчастной ночи, женщина, лишившаяся своего ребёнка, жила обычной размеренной жизнью. Что странно, у неё не было ненависти или отвращения к тому месту, где произошло несчастье. Напротив, её манило туда.

Там её встречали золотистые рассветы и багряные закаты осени, красивая зима со снегами и тихими изумрудными речками, где сверкает каждый камушек на дне. Там наступала шумная цветущая весна и щедрое, неопишимо красивое лето; её туда тянуло, тянуло, несмотря на несчастье, которое её там постигло.

Там со всех холмов на неё смотрели вожаки – стражи горных туров, что охраняли покой своих стад; из лесу за черникой на поляну выходила медведица с медвежатами; а из-за поворота на тропинке, что вела к речке, за ней следили два огненных глаза серого волка-вожака.

Ни людям, ни себе женщина не могла объяснить этой своей тяги, противоестественного желания бывать там, где её жизнь была сломана, и такого же противоестественного покоя, который она испытывала, оставаясь одна на ферме.

И однажды глубокой осенней ночью всё прояснилось, и были даны все ответы, отмечены все предположения и до-

гадки, развеяны сомнения, что копились десятилетиями.

В ту ночь она сидела перед очагом и грелась у огня. Никого не было на ферме. Ночь была тихая, будто всё живое замерло в ожидании долгой снежной безжалостной зимы. И эта тишина была разорвана как подол платья, зацепившегося за колючий кустарник. С протяжным скрипом медленно приоткрылась дверь хижины.

Но никого не было у порога. Вдруг метнулось пламя в очаге, скрипнули брёвна старого дома, и прозвучал чей-то голос:

– Ва, Малачиязул яс!!! Дур ясаль вас гьувуйла, вас вехъзи егы!!! (О, дочь тухума Малачиял!!! Твоя дочь родила сына, приходи его навестить!!!).

Женщина никогда ранее не слышала такого голоса. Невозможно было определить, чей он – мужской или женский, ещё сложнее понять, откуда он доносился – справа или слева, сверху или снизу. Казалось, он заполнил всё ущелье, и каждое слово многократно повторялось эхом, будто скалы перебрасывали его друг другу, пока последнее, уже еле различимое, не затерялось где-то в глубоких расщелинах.

«Дочь сына родила... сына родила... сына родила... навестить... навестить...» – женщина беззвучно повторяла эти слова. Голос ей не подчинялся. Ей не подчинялось и её тело. Она словно оцепенела и продолжала сидеть, держа в руках хворост, что минуту назад собиралась бросить в огонь, и смотрела на стену. Там, в прямоугольнике света, черне-

ла её собственная сгорбленная тень. Но тут тень вдруг распрямилась, будто сбрасывая годы и горести, согнувшие её, и с запозданием на секунду женщина повторила это движение. Тень вскинула руки, и руки женщины сами собой взлетели вверх. Тень метнулась к двери с изяществом юной девушки, и женщина последовала за ней, чувствуя себя молодой, гибкой и сильной, готовой идти за голосом на край света – хоть через реки и пропасти, хоть в лес и в горы.

Горы и леса, реки и пропасти сверкали под лунным светом и молчали, будто ничего не произошло.

«Я должна идти туда... туда, где моя дочь...» – повторяла женщина, шагая вдоль реки по узкой тропинке вверх. Она никогда не была в этих местах, но ступала уверенно, как по собственному двору. Ей не приходилось искать тропинку, та сама ложилась ей под ноги, уводя от невидимых расщелин и опасных склонов. Неизвестно, сколько длился этот путь, но вдруг перед ней выросла стена заброшенного хлева. Дальше дороги не было.

Луна зашла за дальние горы, стало совсем темно. Уверенность покинула женщину, страх подполз, сжал холодной рукой сердце. Но тут ей в лицо дунул лёгкий ветерок, и она услышала голос, который узнала мгновенно, хотя раньше не слышала его никогда. Это был голос её дочери, пропавшей в день своего рождения:

– Иди в сторону Киблы по узкой тропинке, пока не закончится она. Когда не будет дальше дороги, закрой глаза, про-

читай «бисмиллах», шагни вперёд правой ногой, и ты меня найдёшь. И запомни, – сказал голос дочери на чистом джурмутском диалекте: – Квензи кьураб – бослугигуй, кодоб кьураб – толугигуй (То, что кушать дадут – не трогай, то, что с собой дадут – заberi).

И пошла женщина, как ей сказали, и оказалась в красивом доме. А там её встретила молодая красивая женщина – её дочь с мальчиком на руках. Рассказала, что забрали её джинны, вырастили, выдали замуж, и родила она сына. Сколько просидели, обнявшись, мать и дочь, какие слова они говорили друг другу, нам неизвестно.

Только через какое-то время позвали их джинны к трапезе. Во все глаза смотрела женщина на джиннов, молодёжь танцевала и пела, остальные – кто работал, кто молился, и похожи все они были на людей Джурмута.

За столом отвели матери место, на которое сажают самых почётных гостей, но поглядела она, чем её угощают, и увидела, что это ослиный навоз и кровь зарезанного барана. Поблагодарила она джиннов, но не притронулась к их еде. А когда закончилось застолье и разговоры, старший из джиннов спросил, не желает ли она остаться с ними. Стала просить женщина, чтоб отпустили её обратно в человеческий мир.

– Хорошо, – согласился тот, – пусть будет так, как ты сказала.

Она попрощалась с дочерью, а когда уже выходила из дому, старший из джиннов дал ей чёрный камень размером

со сковороду и сказал:

– Держи это. Пока дома этот камень будет, ваш род не узнает, что такое голод, и будет всегда баракат. За дочкой больше не ходи и забудь её. Считай, что её река унесла или под лавину попала. А от лавины и реки никакой опасности вам от Сугърухъа до Гортноба не будет.

Так и вернулась женщина от джиннов к людям. Камень тот остался у Малачиял, и не знали они ни голода, ни холода, ни других тягот жизни, что выпадали на долю других джурмутовцев. И это всё благодаря баракату чёрного камня. Так рассказывают люди.

Можно этому верить, можно не верить, но, как утверждают сами гортнобцы, по той дороге от Сугърухъа до Гортноба, где ненадёжные тропы, снежные лавины, опасная река, пропасти да камнепады, не было с тех пор ни одного несчастного случая, который унёс бы человеческую жизнь.

О вещих снах, шайтанах, их песнях

и тухуме Квачикъилал

У меня есть ещё одна тётя. Не та, которая главный рассказчик про шайтанов и кавтаров, эта тётя – сестра моего отца. Тоже человек непростой судьбы. Её всю жизнь преследовали вещие сны, чаще всего дурные, опасные. Она сама мучилась и жаловалась. Видела, как тот или иной человек умрёт, получала знак. Тётя переехала в Махачкалу и те-

перь тут живёт. Иногда заходит ко мне с ночёвкой, чтобы навестить моего отца, своего старшего брата. Отец очень радуется её приходу, бывает такая умиротворённость, тишина и неспешные, интересные разговоры. Разговоры о родителях, о детстве, о жизни в горах, о людях. Я получаю колоссальное удовольствие, когда наблюдаю за ними. Заходила она недавно, мне очень хотелось спросить о её вещих снах, но стеснялся, что ей это может показаться легкомысленным. Всё же решил я её разговорить.

– Твои сны ты сама толковала, или там предстоящее было не намёками показано, а прямо, как есть?

– По-разному. Были случаи, когда то, что произойдёт, я могла видеть точно. Но чаще косвенно, намёком. Иногда в самом сне я пугалась и так, через испуг, находилась ответ, к чему это.

– Что было самое страшное, что сбылось?

– Я видела, что умрёт один из моих сыновей. Точно это знала, никому это не рассказала. Смотрела на спящих моих детей, плакала и думала, который же уходит от меня?

– И как ты это видела?

– Вижу во сне – ко мне в дом пришла моя умершая бабушка. Я знаю, что она умерла, и боюсь её. Она ходит по дому и ищет что-то. Я прошу, умоляю, чтобы она не взяла ничего. Ибо, говорят, это к смерти близких, если умерший человек что-то заберёт. Взяла она нож с роговой рукояткой. Я хватаюсь, умоляю, чтобы оставила, что это не к добру.

«Не оставлю я это!!!» – крикнула бабушка, из рук моих выдернула нож, захлопнула дверь и ушла. Я проснулась и побежала к моим спящим детям. Нож – к потере сына, сразу так решила, и не было дальше сна и покоя. Каждый день проходил в тревоге, жила и ждала страшной вести. А она уже стояла у порога. Как-то под вечер принесли мне моего одиннадцатилетнего сына. Пошёл к речке, чтобы забрать и привести домой коня, а конь ударил его копытом в голову. Люди нашли его без сознания и принесли. На следующий день я сына похоронила. К этому и вышел мой сон.

Мне неудобно и страшно стало от её повествования, и я не захотел более с ней говорить о снах, а вдруг ещё много жути выдаст. Думаю, да убережёт Аллах от этого, и лучше её вернуть к шайтанам, легендам и другим историям. А рассказывать она может не хуже той тётки, что главная рассказчица про джурмутских шайтанов, кавтаров и будалаов.

– Ты обязательно кольцо или браслет надень на руку. Женщина без кольца или браслета на руке уязвима и не защищена от злых духов, – говорит тётка моей старшей сестре, приехавшей из аула. Сперва я их диалог воспринял как женские разговоры, но, когда услышал «злые духи», прислушался. Сестра взглянула на меня, усмехнулась:

– Ты про шайтанов много не говори, тётка, тут шайтанский писатель, всё улавливает!

...Шайтаны не были бы шайтанами, если бы отстали от людей и дали спокойно жить. Нет же, они лезут и ле-

зут в мою жизнь и тревожат постоянно своими загадками! Но я обещал вам слишком часто о шайтанах не писать, и расскажу сейчас другую историю. О чабане и его несчастной жене с сухой рукой.

Обрывки её я услышал от тёти и старшей сестры, а однажды встретил человека, который рассказал недостающее. Правда, имени своего он просил не называть. Да и зачем нам его имя, если через всех нас, через каждого говорит один и тот же великий рассказчик – древний Джурмут. Итак, слушайте:

– Был, оказывается, в моём ауле Салда один зажиточный тухум КвачИкъилал (Квачикъ в переводе – короткорукий). И стали его так называть после двух загадочных историй. Предок этого тухума был очень жадный человек. Большую отару имел, но резал овец только тех, что ногу сломают. А здоровых не резал никогда. Всё копил и копил он богатство, не давал ни родственникам, ни нуждающимся. Говорят, осенью в горах он заряжал винтовку одним патроном, всю зиму в Цоре за овцами с этой винтовкой ходил, а на следующее лето возвращался в горы на то же место и этот патрон вытаскивал, смотрел, не заржавел ли. Чабаны удивлялись, неужели тот же патрон, как можно было не стрелять целый год! А он, нахмурившись, чистил патрон, менял порох, загонял обратно в винтовку и ворчал: «Пригодится в один день».

Но не пригодился этот патрон. Умер он, а отару его по-

делили между собой два его сына. Дружными они не были, зависть была между ними и соперничество. Каждый хотел стать богаче другого.

А тут ещё это предание про золотой поднос. Шептались в селе, что один человек из тухума КвачИкЪилал спрятал этот поднос в своём хлеву под большим плоским камнем. Спрятал и ушёл с отарой овец на зимовку в Цор, где и умер ранней весной от малярии. А поднос так под камнем и лежит. Но камень этот такой тяжёлый, что поднять его не сможет даже полсела.

Женщина, имеющая связь с шайтанами, сказала, что тот поднос ныне находится под престолом хана шайтанов, и каждый, кто его коснётся, умрёт. Мало кто из салдинцев готов был претендовать на сокровище, если тут ещё и шайтаны замешаны. Так что отказались все от поисков. Но, когда пошло соперничество по богатству между братьями, младший из них решил забрать у шайтанов поднос своего предка и стать главным человеком аула.

В один осенний день взял он большой лом и направился в хлев, чтобы поднять тот большой плоский камень. Старики-сельчане умоляли, чтобы отказался от этой глупой затеи. Говорили, что предок, настоящий хозяин золота, вовсе не от малярии умер, а был убит в Цоре шайтанами, чтобы не вернулся за своим добром.

– Тебя тоже могут убить, да ещё и накликаешь беду на весь аул! – говорил джамаат в один голос. Не послушал алчный

квачикъинец и пошёл в хлев.

Когда он поддел ломом край большого плоского камня, загрохотали небеса, задрожал и сам он, будто ударило его током, и упал без сознания. Люди вбежали в хлев, вынесли его на воздух... И тут стало всем не до него. Весь джамаат, разинув рты, смотрел, как поляна перед аулом заполняется животными. Целыми стадами из леса бежали олени и собирались в одном месте.

– Не к добру это, значит, Джурмут перед большой бедой, – сказал один старик, – зверям идёт откровение от Аллаха, Всевышний их оберегает и собирает в безопасное место.

Прошло немного времени, наступил вечер, и услышал такой грохот весь Джурмут, будто разрушились горы. Утром люди обнаружили, что часть горы между Салда и аулом Чорода рухнула, и там образовалось опасное место с обрывами и камнепадом. И точно такое же возникло с восточной стороны, отсекая Салда от аула Ульгеб.

– Вот почему олени прибежали к ровной поляне! – сказал убелённый сединой мудрый старик-салдинец.

После этого все стороной обходили хлев с его каменной плитой и подносом под ним. А у того человека, что ударил по камню ломом, сначала высохла рука, что тронула каменную плиту, а через время он заболел и умер.

Говорят, на его похороны второй брат не пришёл. Жил он со своей отарой в горах и вечерами возвращался в местность Колохъ, недалеко от родного аула. В то лето он женил-

ся на девушке своего же тухума, однако никак не возвращался к ней в аул, говорят, что боялся оставить другого человека возле своей отары. Молодую жену терзали подозрения, что муж завёл себе другую, ведь не возвращается месяцами в аул.

Однажды в зимний день она наготовила еды и понесла её к мужу в горы. Был полдень, снег в том году с осени не выпал. Только лишь на вершинах дальних гор сидели сверкающие ледяные шапки, что отражали солнечные лучи. Жена чабана шагала в гору и прошла уже половину пути, когда вспомнила, что недалеко есть небольшой родник. Она решила там отдохнуть, выпить воду и после продолжить путь. Прошагав ещё с десятков метров, она оказалась у родника и застыла как вкопанная. На плоском камне у родника спиной к ней сидела молодая девушка с роскошной косой, которая длинной змеёй легла на бурую листву. Сквозь журчанье воды можно было разобрать негромкий голос, будто девушка напевает какую-то незнакомую песню. Жена чабана удивилась. Ни одного села или хутора не было поблизости. Как тут могла оказаться молодая девушка с распущенными волосами и ещё без чохто, понять она не могла. Но коса, похожая на змею, будто заморозила её, и она сделала шаг, затем другой, третий... и пошла, как во сне, ничего не понимая, ничего не видя, кроме этих блестящих тяжёлых прядей. И вот пальцы прикоснулись к шёлку волос. «Как же красива эта коса...» – сказала она. Девушка обернулась, улыбнулась

и пропала вмиг, словно пена на воде.

Жена чабана бросилась бежать, сначала бежала прочь от родника, затем всё выше и выше по горе, туда, где пас отару её муж. Она задыхалась, а сердце её было готово вырваться из груди, когда навстречу ей вышла отара овец и два вожака-козла. Животные шли, будто какая-то невидимая сила подгоняла и направляла их, но ни одного пастуха не было поблизости. Небо темнело, и по нему разливалось алое зарево, будто солнце, исчезающее за зубцами дальних гор, поранилось об их вершины. Женщина кричала, звала мужа по имени, но никто не вышел к ней и ей не ответил. Ей стало страшно, и она решила вернуться в аул. Спустившись к подножью горы, она перешла речку, и тут её охватила дрожь и сердце словно кто-то сжал в кулаке. Вокруг стояли отвесные скалы, между ними пролегли пропасти, но и со скал и из пропасти доносились голоса, они звучали всё громче, как будто приближалось какое-то торжественное шествие. Особенно отчётливо был слышен один женский голос, а совсем скоро жена чабана могла разобрать каждое слово, как если бы произносящая клятву стояла в трёх шагах от неё.

Рохъоб бугаб цАаялъугІа,

Цадаб бугаб гІучІалъугІа,

ИталъугІа (гъвееялъугІа), аталъугІа (чуялъугІа),

Ати вугав вехъасугІа (Чоа вугав вехъасугІа),

Багъич гъечІаб квералъугІа,

Курхъин гъечІаб рукъалъугІа.

Вот что вышло в подстрочном переводе:

Клянусь огоньком, что в лесу,

Клянусь хворостом, что в огне,

Клянусь собакой и конём,

Клянусь чабаном на коне,

Клянусь рукой – без кольца,

Клянусь запястьем – без браслета...

Как жена чабана добралась до аула, вспомнить она так и не смогла. Пролежала без памяти семь ночей и семь дней. А рука, которой прикоснулась она к волосам девушки шайтанов, начала высыхать и сохла, пока не остались от неё только кости да кожа. Когда пригласили к больной женщину, которая имеет связь с шайтанами, та сказала, что так и бывает, если на руке нет кольца или браслета. Было бы кольцо или браслет, шайтаны не навредили бы. Сработал бы металл как оберег.

А через некоторое время нашёлся и сам чабан. Люди обнаружили его бродящим вдали от отары, и был он в трауре. Рассказал, что была у него возлюбленная из потустороннего мира, хотел брать её второй женой. Тогда он мог бы вернуть себе золотой поднос или сам ушёл бы в мир шайтанов вместе с отарой. Но пришла жена земная, прикоснулась к его любимой, и та исчезла, больше не приходит. И была, говорят, у него своя песня с печальной мелодией, посвящённая возлюбленной:

Муърул сверу кIварай, Минасул Шамай,

Щобал къотлу егы, мун дир йокбулей,

В подстрочном переводе:

Шамай, дочь Минава, ушедшая, покинувшая горы,

Вернись через хребты, моя любимая...

Полусумасшедший, он не смог вернуться в аул и жить, как раньше, всё время ходил по горам, спускался в пропасти, искал свою Шамай и пел песню, что сложил для неё. А потом он пропал. Где и как умер, никто точно сказать не может. Его земная жена стала квачикъом (короткокурокой, с высохшей рукой), детей у них не было, и на них закончился странный тухум салдинцев – КвачИкъилал. А их хлев, дома и развалины, где были дома, перешли в вакъф (собственность мечети, джамаата сохранённая ради благотворительности села, позже место это было куплено одной семьёй большого тухума в ауле).

Этот хлев и сейчас можно увидеть в центре села, а в дальнем его углу лежит большой камень. Говорят, под камнем всё ещё спрятан золотой поднос тухума КвачИкъилал. Но люди считают это место безбаракатным, и никто не хочет ступить на эту землю. Никто не рискует прикоснуться к камню.

Брат «прислал» мельницу с гор

Брат прислал небольшой видеоролик из мельницы в горах. Ни комментария, ни голосового сообщения, просто небольшая съёмка на телефоне, как работает мельница. Он всё понимает – не надо тут слов, достаточно того, что есть.

К чему тут слова? Они излишни.

Множественно прокрутил этот ролик, он меня вернул в детство. Тут мама покойная пришла ко мне, она собирала дрова и хворост для костра. Потом чистила ячмень, брала жареный ячмень с кукурузой, сыпала в корыто мельницы, чтобы промолоть, сделать толокно.

Помню дядю, который приходил до начала процедуры. Он сел у костра, брал оттуда уголёк, прикуривал длинную самокрутку и, весь в дымном облаке, начинал обстоятельно обсуждать предстоящую работу. Они с несколькими сельчанами снимали большой вращающийся камень и затем дядя специальным молотком обтесывал его, чтобы был шероховатым и лучше измельчал зёрна ячменя и пшеницы, превращая их в толокно или муку. После того, как дядя завершил работу, молодые люди, орудуя деревянными кольями, двигали этот большой круглый камень и надевали его на ось. Женщины – кто за костром следил, кто ячмень чистил, кто жарил зёрна для толокна, а мужская часть в ответе за мельницу: за камень, за колесо, за лопасти, которые вращают камень, и то, чтобы вода поступала в нужном количестве. Когда дядя заканчивал свою работу и камень был уже надет на ось, мама высыпала мешок жареного ячменя в корыто, что над камнем, и звала меня:

– МухАмад! Сходи к речке и воду дай для мельницы!

Я бросал игры с ребятами на лугу перед мельницей и бежал выполнить приказ мамы. Вода неслась по деревянному

стоку, но тяжёлый засов из широких досок останавливал ее бег. И мне надо было поднять засов, пустить воду по трубам, чтобы поток ударил по лопастям и завращалась, заработала мельница. Вода, выпущенная на свободу, била во все стороны и я, промокший, бежал к костру, где жарили ячмень. Там сушил свою обувь, выжимал и вешал у костра носки, ел жареный ячмень с кукурузой. Вечерком мама с женщинами наводили порядок внутри мельницы, у корыта ставили пару полных мешков жареного ячменя и уходили, оставив нас приглядывать за процессом. Когда толокно наполняло корыто, его нужно было пересыпать в мешок.

Как только уходили женщины и дети, замолкал общий веселый гвалт и на мельницу сразу опускалась тихая лунная ночь. В небольшое окошко в стене и в открытый дымоход заглядывала любопытная луна, освещая и нас, и мельницу. Шум речки, глуховатая размеренная мелодия вращения лопастей, лёгкое постукивание мельницы, треск горящих поленьев сливались в волшебную, ни на что не похожую музыку осенней ночи. Изредка ночную тишину прерывал лай одинокой собаки, оставшейся в горах, когда чабаны спустились на равнину.

Это всё вернулось ко мне, когда брат «прислал» мельницу. Прошло с того времени тридцать с лишним лет. Мамы не стало, и женщины, которые с ней работали, ушли, сёла покидают горцы. Мои друзья, что бегали со мной у мельницы, уже поседевшие взрослые дяди, живут в городах, коротают

свои дни. А когда вспоминают детство, наверное, чувствуют то же, что и я сейчас – в душе тоска, в горле ком... Зачем, брат, ты прислал мне это? Спасибо, брат, что прислал...